

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 2
ТОМ 14

ISSN 2413-6891

2026

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2026. Том 14, № 2

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.2

EDN: MF5HQX

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, белый список, уровень 1,
индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:
<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	Главный редактор – доктор социологических наук, начальник редакционно-издательского управления ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор, Восточный институт Бурятского государственного университета (Россия)
АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна	доктор социологических наук, заместитель директора, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
БЕЛЯЕВА Людмила Александровна	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, и. о. директора ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	доктор философских наук, профессор, МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, Ноттингемский университет (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
НАЗАРОВ Михаил Михайлович	доктор политических наук, главный научный сотрудник, ИСПИ ФНИСЦ РАН (Россия)
ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич	академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия)
СМИРНОВ Александр Ильич	заместитель главного редактора , доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь, НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

MOZGOVAYA Alla	(Editor in Chief) , Doctor of Sociology, Head of the Department, FCTAS RAS; Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
ANDREENKOVA Anna	Doctor of Sociology, Associate Director, Institute for Comparative Social Research (CESSI) (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
BELIAEVA Ludmila	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Philosophy of RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Acting Director of FCTAS RAS (Russia)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, University of Nottingham (UK)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
NAZAROV Michael	Doctor of Politology, Main Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (Russia)
PORFIRIEV Boris	Academician RAS, Doctor of Economy, Professor, Scientific Supervisor, Institute of National Economic Forecasting RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	(Deputy Editor) , Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю: представление номера	7
--	---

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

<i>Воронкова О. А.</i> Становление сетевой культуры: коммуникативная компетентность и дискурсивная этика.	11
<i>Адамьянц Т. З.</i> Коммуникационные взаимодействия на открытых интернет- платформах как значимый фактор социальной адаптации к разнонаправленным смыслам социокультурной среды	24

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

<i>Сагдиева Э. А.</i> Гражданское участие и социальный капитал в сельских поселениях: между патернализмом и самоорганизацией	42
<i>Соколова А. А., Жданова А. Э., Корзина А. А.</i> Благополучие и благополучная старость в нарративах старшего поколения.	67

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Рогач О. В.</i> Эффективность технологии кадрового резерва в органах власти (результаты опроса муниципальных служащих)	93
<i>Яценко К. Е., Носков М. Ф.</i> Особенности институционализации паллиативной помощи в России: информационное обеспечение, доверие, доступность	113

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

<i>Арутюнова Е. М.</i> Динамика восприятия языковых проблем в Республике Саха (Якутия): от дискурса «катастрофы» к поиску решений	129
---	-----

CONTENT

To the reader: presentation of the issue	7
--	---

SOCIOLOGY OF COMMUNICATION

<i>Voronkova O. A.</i> The formation of network culture: communicative competence and discursive ethics.	11
<i>Adamyants T. Z.</i> Communication interactions on open Internet platforms as a significant factor in social adaptation to the diverse meanings of the socio-cultural environment	24

SOCIAL PROCESSES. SOCIAL DYNAMICS

<i>Sagdieva E. A.</i> Civic participation and social capital in rural settlements: between paternalism and self-organization.	42
<i>Sokolova A. A., Zhdanova A. E., Korzina A. A.</i> Well-being and a prosperous old age in the narratives of the older generation.	67

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Rogach O. V.</i> Effectiveness of staff reserve technology in municipal authorities (based on a survey of municipal employees).	93
<i>Yatsenko K. E., Noskov M. F.</i> Singularity of palliative care institutionalization in Russia: information support, trust and accessibility	113

ETHNOSOCIOLOGY

<i>Arutyunova E. M.</i> Perception of language issues dynamics in the Republic of Sakha (Yakutia): from the “catastrophe” discourse to the solutions searching.	129
--	-----

К ЧИТАТЕЛЮ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Уважаемый читатель,

представляем второй номер журнала «Социологическая наука и социальная практика» за 2026 год. В номере публикуются семь статей в четырёх рубриках. Авторы представляют социологические сообщества образовательных и научных учреждений Вологды, Казани, Москвы, Новосибирска.

В рубрике **СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ** представлены статьи двух авторов. **Ольга Алексеевна Воронкова** в статье «Становление сетевой культуры: коммуникативная компетентность и дискурсивная этика» анализирует процесс становления коммуникативной культуры в новых технологически изменённых условиях социального взаимодействия. Эти условия предполагают, с одной стороны, расширение возможностей коммуникации, а с другой – несут в себе риски углублённой манипуляции массовым сознанием, а именно: введения общества в информационное заблуждение методами донесения недостоверных сведений, тенденциозности подачи и интерпретации событий, использования технологии *deep-fake*, демагогических приёмов в дискурсивных процессах. Одним из эффективных способов предотвращения рисков и снижения уязвимости от манипулирования сознанием автор считает рост уровня коммуникативной компетентности социума и становление дискурсивной этики.

Объектом анализа в статье **Тамары Завеновны Адамьянц** являются коммуникационные взаимодействия на открытых интернет-платформах, а именно, их специфика, сущность, методы изучения. Предмет анализа – качественная оценка процессов социальной адаптации к актуальным смыслам современной социокультурной среды с целью определения характеристик и индикаторов (показателей) успешности и рисков адаптационных процессов на примере коммуникационных взаимодействий на открытой интернет-платформе «Дзен».

Автором было зафиксировано, что большая часть участников может адекватно понять разнонаправленные смыслы статей на одну и ту же тему и что выработанный в результате обсуждений превалирующий коллективный смысл, как правило, соответствует традиционным морально-нравственным ценностям и нормам. Полученные данные свидетельствуют о том, что коммуникационные взаимодействия на открытых интернет-платформах являются значимым фактором адаптации к средовым изменениям социально активных и способных к пониманию латентных смыслов участников.

В рубрике **СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА** также публикуются две статьи. Эльвина Азадовна Сагдиева в статье «Гражданское

участие и социальный капитал в сельских поселениях: между патернализмом и самоорганизацией» анализирует модели, барьеры и эффективность гражданского участия в сельских поселениях Республики Татарстан в контексте состояния и воспроизводства социального капитала. Эмпирической базой исследования послужили данные анкетного опроса глав всех сельских поселений 43 муниципальных районов Республики Татарстан, проведённого в 2025 году, а также материалы интервью, собранные в 2024–2025 гг.

Полученные результаты позволяют охарактеризовать современное сельское местное самоуправление в Республике Татарстан как гибридную систему, сочетающую элементы патернализма, управляемого участия и ограниченной самоорганизации населения. Показано, что в сельских поселениях доминирует реактивная модель гражданского участия, при которой вовлечённость населения во многом инициируется и поддерживается органами местного самоуправления. Выявлено преобладание «связывающего» социального капитала при слабой развитости «соединяющих» форм, что ограничивает переход к устойчивым практикам самоорганизации. Особое внимание в исследовании автором уделено анализу состояния института сельских депутатов, для которого характерно сочетание высокой функциональной значимости и выраженного кадрового дефицита.

Анастасия Алексеевна Соколова, Ангелина Эдуардовна Жданова и Алёна Алексеевна Корзина на основе глубинных интервью с пожилыми гражданами Вологодской области анализируют субъективные представления этой категории населения о благополучии и благополучной старости. Выделенные феномены рассматриваются на разных уровнях осмысления: на реконструируемом через описание повседневных практик и через осмысление абстрактных понятий «благополучие» и «благополучная старость». Анализ нарративов выявил целый ряд факторов, обуславливающих расхождение между уровнями осмысления обозначенных понятий. На уровне повседневности пожилые информанты демонстрировали многомерное и процессуальное переживание благополучия, однако при прямом вопросе о благополучии они были склонны редуцировать его компоненты, описывая благополучие как совокупность отдельных условий или особых состояний. Компоненты благополучия (физический, психологический, деятельностный, социальный, материальный) находятся во взаимодействии на всех уровнях осмысления, но характер этих взаимосвязей различен.

Отмечается, что нарративы пожилых о благополучии и благополучной старости изобиловали темами со смещённым фокусом, где информанты переходили от обсуждения собственного состояния благополучия к благополучию значимых близких, что свидетельствует о межпоколенческом, а не исключительно индивидуалистическом характере переживания благополучия.

Рубрика **СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ** представлена двумя статьями. **Ольга Владимировна Рогач** анализирует потенциал использования технологии кадрового резерва в формировании долгосрочных карьерных стратегий

муниципальных чиновников. Анализ основан на данных анкетного опроса муниципальных служащих ($n = 3\,066$, 2025 г.). Методика исследования предусматривала выявление наличия и особенностей связи карьерных стратегий респондентов с их восприятием эффективности управленческой технологии кадрового резерва. Установлено наличие деструкций в формировании профессиональной идентичности муниципальных кадров: с увеличением стажа работы в органах власти усиливаются изменения в эмоционально-личностной сфере (зафиксированы признаки профессионального выгорания, усталости, формализма в решении профессиональных задач).

Результаты исследования показали достаточно низкие оценки респондентами эффективности технологии формирования кадрового резерва – вне зависимости от территориального расположения органа власти. Эффективной технология оказывается для служащего, имеющего следующие черты: активность в карьерном планировании, стаж работы от года до 5 лет, высокий уровень мотивации на продолжение службы в выбранном органе муниципальной власти.

Кирилл Евгеньевич Яценко и Михаил Фёдорович Носков в предложенной читателю статье анализируют историю и практику институционализации паллиативной помощи в России. Паллиативная помощь является важным элементом современной системы здравоохранения и социальной политики, отражающим отношение общества к уязвимости, боли и умиранию. В условиях старения населения и роста хронических неизлечимых заболеваний проблема доступности и качества паллиативной помощи приобретает особую социальную значимость. Целью статьи является социологический анализ особенностей развития и функционирования паллиативной помощи в России с акцентом на институциональные механизмы, определяющие её доступность. Теоретико-методологической основой анализа выступают институциональный подход, концепции социологии заботы и теории социального неравенства, позволяющие рассматривать паллиативную помощь как социальный институт, формирующийся на пересечении формальных регуляций и реальных практик ухода. Социологический подход позволяет выявить факторы, требующие управленческого воздействия для преодоления ситуации, при которой фактический охват целевых групп нуждающегося населения паллиативной помощью остаётся ограниченным и характеризуется выраженными региональными и социальными неравенствами, несмотря на наличие в Российской Федерации нормативно-правовой базы и государственной вовлечённости в развитие данной сферы деятельности социального государства.

В рубрике **ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ** публикуется статья **Екатерины Михайловны Арутюновой** «Динамика восприятия языковых проблем в Республике Саха (Якутия): от дискурса «катастрофы» к поиску решений». На основе глубинных и экспертных интервью, проведённых автором в Республике Саха (Якутия) в 2019–2025 гг., анализируется динамика общественного восприятия языковой ситуации. Особое внимание уделяется трансформации дискурса о состоянии якутского языка в контексте федеральной

языковой политики, урбанизации и цифровизации. Языковую тематику автор анализирует в контексте этнокультурной идентичности, в котором этнический язык представляется не только атрибутом народа, но и имеет огромное символическое значение для людей, разграничивая «мы» и «они». Показано, что в исследуемый период происходит эволюция восприятия: от доминирования эмоциональных нарративов «катастрофы» и «умирания» языка к более прагматичному и деятельностному подходу. Сделан вывод о том, что в последние годы дискурс смещается от пассивного поиска внешних виновников к осознанию личной и семейной ответственности за сохранение языка. Это сопровождается ростом низовых инициатив (создание современного контента, языковых приложений) и усилением роли креативных индустрий, которые формируют позитивный образ будущего, где якутский язык выступает ресурсом самореализации, а не только объектом охраны.

Материалы второго номера журнала за 2026 год содержат данные и выводы с переднего края социологической науки, надеемся, что публикации найдут своего заинтересованного читателя и будут полезны для развития исследовательских направлений современной социологии.

Алла Викторовна Мозговая

СТАНОВЛЕНИЕ СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЫ: КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ДИСКУРСИВНАЯ ЭТИКА

Ольга Алексеевна Воронкова

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,

Москва Россия

olga.voronkova1001@mail.ru,

ORCID [0000-0003-1165-1768](https://orcid.org/0000-0003-1165-1768)

Для цитирования: Воронкова О. А. Становление сетевой культуры: коммуникативная компетентность и дискурсивная этика // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 11–23. DOI [10.19181/snsp.2026.14.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.2.1). EDN BIVGLX.

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления коммуникативной культуры в новых технологически изменённых условиях социального взаимодействия. Эти условия предполагают, с одной стороны, расширение возможностей коммуникации, а с другой – несут в себе риски углублённой манипуляции массовым сознанием, а именно: введения общества в информационное заблуждение методами донесения недостоверных сведений, тенденциозности подачи и интерпретации событий, использования технологии deep-fake, демагогических приёмов в дискурсивных процессах. Нейтрализация деструктивных факторов, серьёзно препятствующих развитию свободной коммуникации, зависит как от внешнего купирования периодически возникающих угроз и рисков, так и от внутренних процессов саморегуляции коммуникативного пространства – роста уровня коммуникативной компетентности социума и становления дискурсивной этики.

Ключевые слова: эпоха трансмодерна, транскультура, массовое сознание, социальность нового типа, коммуникативная компетентность, дискурсивная этика

Введение

Технологическое развитие интернет-коммуникаций в XXI веке преобразует всю социальную систему: социальную структуру, характер социальных отношений и взаимодействий. В сетевой коммуникативной среде происходят когнитивно-обменные процессы, постоянные дискуссии, столкновения различных мнений, взглядов и интерпретаций, что формирует социальный запрос и побуждает исследователей к пересмотру ключевых категорий социологии и политологии, ставит вопросы научного обоснования процесса становления сетевой культуры и сетевого социума. В предлагаемой читателю статье логика анализа строится от феномена сетевой культуры через рассмотрение особенностей адаптации

к ней массового сознания к роли коммуникативной компетентности при формировании дискурсивной этики.

Сетевая культура

Сетевая технологически обусловленная реальность задаёт условия для социально-ментального выхода из идеологических структур предшествующей эпохи модерна, предопределяющих формирование единого массового мировоззрения и поведения. Но такой выход оказывается непростой задачей не только для «простого» обывателя, но и для «продвинутого» участника происходящих процессов расширения и развития социальных сетей. От современной личности, глубоко погружённой в сетевую коммуникацию и взаимодействие, требуется оперативное развитие новых качеств, чтобы соответствовать новой эпохе *трансмодерна* [1, с. 52].

Наступающая эпоха трансмодерна характеризуется в социокультурном контексте как стадия диалектического преодоления этапа *постмодерна*. Этот этап, как и все исторически значимые переходы, сопровождается жёстким противоборством отживающих форм и вновь возникающих смыслов и способов осуществления жизнедеятельности.

Понятие культуры в эпоху трансмодерна меняет своё смысловое наполнение. В основе термина «культура», нагруженного многочисленными определениями и интерпретациями, лежит коренной компонент «культ» (от латинского *cultus*), который содержит смысл «почитания», «поклонения» [2, с. 9]. Если в традиционных обществах культура основана на почитании религиозных догматов, в эпоху модерна – на культе идеологии, в эпоху постмодерна – на культе массового материально-монетарного обогащения и потребления, то сетевая реальность XXI века возводит в главный принцип *культ свободной коммуникации*. В более широком аспекте процессы глобальной сетевизации затрагивают не только сферу коммуникации как таковую, но и другие сферы, расширяя категорию сетевой культуры до сетевой *цивилизации*. Категория цивилизации гораздо шире, чем категория культуры. Цивилизация включает в себя не только духовные, но и те материальные и нематериальные аспекты социальных отношений, на которые технологическое развитие оказывает значимое и ярко выраженное влияние – характеристики массового поведения: возрастание социальной активности и мобильности, быструю смену идентичностей и пр.

В контексте социальных и политических отношений происходит вовлечение социума в глобальные дискурсивные процессы, которые объективно требуют запуска сложной работы по определению новых ценностей, норм, правил и принципов взаимодействия.

Научная парадигма мультикультурализма – необходимости мирного сосуществования многообразных укладов жизни различных обществ – сменяется парадигмой *транскультурализма* – глобального *взаимопроникновения* культур.

Концепция транскультуры предполагает не только открытость разных культур, но и их взаимную вовлечённость в условиях постепенного выравнивания материально-технологических базисов развития территориально-пространственных областей, а вслед за этим – духовно-ментальных социальных сфер.

Современная сетевая модель культуры не может быть создана без понимания наступившей гибридно-коммуникативной реальности, в которой пересекаются различные смысловые сущности, практики и символические формы их представлений. По определению культуролога М. Эпштейна, это «иная модель развития культуры», «жизнь на перекрёстке культур» [3, с. 114]. Транскультура – особое состояние человека, освобождённого от ограничений прежних культурных форм. Глобальное расширение коммуникационных сетей трансформирует традиционно-религиозные и идеологические культурные коды в коды *культуры свободы*. М. Кастельс понимает эту культуру как доступ к «технологии свободы» «с целью достижения автономии от институтов и организаций» [4, с. 18]. М. Эпштейн трактует эту свободу как выход в новую сферу культурного развития за границы сложившихся национальных, расовых, гендерных, профессиональных культур. Это трудный процесс выхода за пределы традиционности, «идеологических маний и фобий» [3, с. 119]. Среди множества свобод, которые провозглашаются неотъемлемыми правами личности, возникает ещё одна, быть может самая ёмкая: «свобода от той *собственной культуры*, в которой родился и был воспитан. Транскультурное движение умножает степени свободы внутри культуры» [3, с. 117–118].

Включение в сетевую коммуникативную среду влечёт за собой важные последствия для современных социальных форм и процессов. Это, прежде всего, развитие стимулов, побуждающих к расширению личностных возможностей выбора и социальной интеграции по самостоятельно выбираемым критериям. Культура свободы означает выход за семиотические рамки условностей, навязываемые человеку при рождении в период его первичной социализации. Возможности социального обсуждения тем и вопросов, возникающих в процессе сетевой коммуникации, противостоят попыткам тотального контроля над средствами коммуникации. При всех усилиях традиционных институтов управления контролировать и блокировать информационные и коммуникационные потоки в интернете, аудитория перестаёт быть объектом одновекторного воздействия, каким она являлась для идеологически заряженной «четвёртой власти» СМИ. Прозрачность интернет-коммуникации подрывает традиционные механизмы интеграции обществ: жёсткие нормативные императивы, навязываемые властные авторитеты, архаично-патриархальные ценности, нивелирует безапелляционность подачи информации, разрушает барьеры на пути её социальной интерпретации. Технологические принципы расширения социальных сетей, в которых активизируются процессы обмена информацией, выдвигают на новый этап вопросы сущности и развития коммуникативных процессов, поставленные ещё на первой стадии НТР во второй половине XX века классиками теории коммуникации Ю. Хабермасом и Н. Луманом.

Ю. Хабермас в «Теории коммуникативного действия» противопоставил идеологию как «систематически искажённую» форму коммуникации социальному дискурсу, свободному от любого силового давления. Социальный дискурс у Ю. Хабермаса – это коммуникативный процесс, в котором происходит столкновение рационально обоснованных аргументов, выдвигаемых участниками, с целью достижения взаимопонимания [5]. Ю. Хабермас определяет дискурс, исходя из модели «идеальной речевой ситуации», основанной на рациональном поведении участников коммуникативного взаимодействия, предполагающем способность преодоления своих чисто субъективных воззрений и достижения рационально мотивированной убедительности приводимых аргументов. В случае превращения риторической силы аргумента в застывшую догму, инструмент манипуляции личностным и массовым сознанием действие иррационально и взаимодействие не дискурсивно, считает Ю. Хабермас. В рационально-критических дебатах побеждает «лучший аргумент», а принципиальной целью является движение от конфликтующих интересов к социальному консенсусу [5].

Критик Ю. Хабермаса Н. Луман рассматривал социальную систему как комплексный организм, состоящий из различных подсистем – экономики, политики, права, обыденно-повседневной жизни [6]. Связи между ними нестабильны и противоречивы. В подсистемах задействованы не только рациональные факторы, но и множество других, в том числе физиологические, биологические, психические. При этом Н. Луман стоял на позиции, что, несмотря на сложность и противоречивость событийных аспектов жизни, именно коммуникация является тем средством, которым социальная система способна воспроизводить и реформировать себя, запуская социальную рефлексию по поводу текущего состояния дел, проецируемую на аспекты должного устройства социальной системы. Коммуникативные связи и отношения обеспечивают внутреннее смысловое сцепление. Смысл в его связке с символикой является основным фактором, отличающим социальную систему от биологической. Если в биологической системе смысл основан на базово-инстинктивной потребности выживания и размножения, то в развитой социальной системе смысл намеренно приносится в социальные отношения и облекается символикой, определённой для каждой эпохи развития человечества. Социальные смыслы не стабильны и постоянно смещаются во времени. Ю. Хабермас, по убеждению Н. Лумана, в своей идеальной модели дискурса не учитывает особенности этих смещений и изменений. Рассмотрение коммуникативного действия лишь как рационального ограничивает возможности решения проблем комплексности и динамичности социального мира.

В социальной реальности достижение «идеальной речевой ситуации» практически невозможно. Более того, создание идеально-рациональной ситуации способствует торможению дискурсивного процесса и даже доведению его до крайних точек – блокировки, абсурдизации. Дискурс возможен только как столкновение различных проявлений жизни, в которых возникают различные вопросы и проблемы, требующие обсуждения и решения. Любое общество

существует в состоянии необходимости решения текущих вопросов и конечного сугубо рационального их разрешения быть не может – из-за плюрализма и динамизма личностных и групповых интересов, ценностей и мнений в постоянно меняющихся жизненных ситуациях. Возможны лишь временно достигаемые компромиссы и соглашения. Тем не менее, нельзя не согласиться с Ю. Хабермасом в том, что объективно возможно свести конфликты субъективных интересов до минимума. Однако для того, чтобы достичь социального консенсуса, объективно необходим переход массового сознания на качественно новый уровень.

Массовое сознание и новая социальность

Массовое сознание как продукт процессов социальной институализации в конкретном обществе неоднородно вследствие нелинейности и противоречивости исторических процессов развития общества. Неизбежное развитие производительных сил, технологий, глобальный экономический взаимообмен, работающие на повышение уровня жизни, объективно способствуют изменениям в массовом сознании. Но эти изменения не происходят автоматически вслед за технологическими изменениями. Массовое сознание ориентировано главным образом на решение повседневных задач. В обыденной жизни повседневные задачи выполняются почти в автоматическом режиме без осознания глубоких причин – почему это делается так, а не иначе, – без применения каких-либо специально разрабатываемых стратегий. Часто мотивами повседневного массового поведения являются традиционно сохранившиеся, передаваемые от старшего поколения к младшим устои и нормативы: «так всегда делали наши предки», «так положено», «так принято». В практическом массовом сознании нет каких-то весомых оснований искать и объяснять цели и мотивы обычных действий. На ранних стадиях социализации в массовом сознании формируется ментальная матрица, которая прочно фиксируется в виде прагматичных установок повседневного поведения, привычных навыков решения бытовых вопросов. Сложившиеся установки догматизируются и закрываются от любых, не вписывающихся в сложившуюся ментальную структуру доводов и аргументов.

Социологами и психологами замечена слабая восприимчивость человека к тем событийным изменениям, которые не слишком затрагивают ход повседневной жизни. Практическое массовое сознание отстраняется от решения сложных социальных и политических вопросов, возникающих за пределами узкого обывательского мира. В идеологически заданных условиях ментальная матрица массового сознания ориентирована на принцип руководства, направляющей силы, генеральной линии и пр. Д. Ольшанский, основываясь на наблюдениях З. Фрейда, отмечал, что массовое сознание чрезвычайно легко поддается влиянию руководящих властных авторитетов [7, с. 18].

Проводимые в разное время исследования восприимчивости массового сознания к поступающей информации показывали, что адекватность зрительного восприятия или восприятия на слух довольно низкая и мало изменяется

со временем. В 80-е гг. XX века исследования понимания газетных текстов показывали, что, в зависимости от уровня образования, адекватное понимание печатных текстов демонстрировали от 17 до 35% участвовавших в экспериментах. В 90-е гг. сходные результаты были получены при интерпретации общественно-политических телепрограмм [8, с. 55].

Д. Ольшанский, ссылаясь на результаты специальных экспериментов, отмечал, что на слух воспринимается и запоминается не более 20% информации: как правило, улавливается лишь самое главное, прежде всего тема сообщения. Поэтому в медийных сообщениях рекомендуется несколько раз повторять основные моменты, подбирая разные слова для выражения одного и того же содержания [7, с. 237]. В донесении информации до зрителя репортёры в дополнение к речевому инструментарию часто используют язык жестов для привлечения большего внимания аудитории.

Исследователями массового сознания был замечен феномен отставания массовой ментальности от изменений, происходящих в экономических, социальных и политических отношениях [9]. И в XXI веке подтверждается явление *социальной аномии*, замеченное классиками социологии ещё в начале XX века, – слабой способности массового сознания быстро перерабатывать новые потоки информации и перестраивать устоявшиеся нормы, регулирующие повседневное поведение. К основным традиционалистским причинам инерции массового сознания добавляется фактор агрессивного воздействия средств пропаганды, агитации и маркетинговой рекламы в целях продвижения определённых интересов.

Таким образом, авторами в разных временных периодах зафиксированы серьёзные противоречия, вызванные, с одной стороны, решительным стремлением талантливых, образованных и активных представителей различных слоёв общества продвигать новые идеи, меняющие привычный уклад жизни, и, с другой стороны, слабой способностью массового сознания быстро перестраиваться и справляться с изменениями. Именно эта неспособность, по выводам К. Юнга, закладывает основание для компенсаторной реакции «коллективного бессознательного». Проявления таких реакций могут быть различными: возврат к архаичной риторике и практике, усиление апатичных и депрессивных настроений, возбуждение разрушительной активности и пр. Но, как считал К. Юнг, «архетипы бессознательного» могут меняться, если появляются мощные стимулы, затрагивающие ход повседневной жизни.

«Архетипы бессознательного», вытесненные в подсознание в неактивном состоянии, всплывают на поверхность практического сознания в критические моменты жизни, которые вынуждают «практически-автоматическое» сознание трансформироваться в «дискурсивно-рефлексивное» [10, с. 111].

Технологические революционные изменения XXI века предоставили множество мощных стимулов для такой трансформации, можно даже сказать – их переизбыток. Слишком большое количество информации, фактов, деталей, цифр вынуждает массовое сознание прилагать неординарные усилия для ориентации в быстро меняющейся реальности. В сетевом коммуникативном

взаимодействии появляются возможности получения любой информации, что поднимает на новый уровень всю систему образования, социализации и групповой интеграции для решения возникающих вопросов и проблем. Нет необходимости в заучивании и конспектировании какого-либо материала, как этого требовала традиционная система образования. Социализация молодёжи протекает по другим каналам и направлениям, чем во времена доминирования религиозных традиций и идеологий. В социальных сетях, в которые молодёжь вливается с момента научения пользования гаджетами, возникают виртуальные референтные группы и сообщества, часто более значимые для новых поколений, чем традиционные семейные, образовательные, профессиональные и пр.

В то же время возникают технологически облегчённые условия для продвижения частных интересов, не всегда совпадающих с интересами достижения социальной справедливости, поиска истины, консенсуса и т. п. Заинтересованные сетевые акторы используют всевозможные средства и приёмы как для привлечения, так и для отвлечения внимания пользователей от вопросов и проблем – в зависимости от преследуемых ими целей. Повышаются и расширяются возможности и риски манипуляции массовым сознанием как в открытой, так и скрытой формах: а именно: введением общества в заблуждение донесением недостоверной информации различными способами, тенденциозностью подачи и интерпретации событий, путём использования технологии дипфейков, демагогических приёмов в дискуссионных процессах.

Тем не менее в новых сетевых коммуникативных средах происходит становление «социальности нового типа» [11, с. 69], которая определяется через развитие способности социума к ментальной рефлексии по поводу происходящих событий. Расширение коммуникативных возможностей побуждает массовое сознание постоянно переосмысливать события быстро меняющейся реальности и искать способы самореализации в ней. И эти процессы поднимают на новый уровень вопросы *коммуникативной компетентности*, поставленные классиками теории коммуникации в 60-е гг. XX века.

Коммуникативная компетентность и клиповое мышление

Коммуникативная компетентность означает, прежде всего, свободную ориентацию в разноплановом информационном пространстве, основанную на осмысленном отношении личности к себе и окружающему миру. В каждом акте такого отношения личность предъявляет свою обдуманную и взвешенную позицию, даже если она не всегда выражается прямо. Позиции личности (достигшей в своём ментальном развитии стадии критически-аналитического мышления) всегда находятся в процессе оспаривания, критики, защиты или пересмотра.

Как справедливо отмечают современные исследователи, коммуникативная компетентность является *интегративной* характеристикой человека, определяющей его потенциал как успешного субъекта социального взаимодействия [12].

Категория *коммуникативной компетентности* включает в себя не только рациональное зерно, но и другие немаловажные аспекты: перцептивный, когнитивный, мотивационный, а кроме этого, предполагает накопление жизненного опыта и опыта участия в дискурсивных процессах. Коммуникативная компетентность подразумевает владение комплексными навыками и умениями во многих сферах социального взаимодействия: развитие способностей находить убеждающие аргументы в защиту своей позиции в разговорах, спорах и дискуссиях, свободно оперировать ими при необходимости оспаривания оппонированных аргументов. Коммуникативная компетентность включает в себя достаточно глубокие, обстоятельные знания обсуждаемого материала – фактов, причин, истории возникновения тех или иных событий, их интерпретаций и проявлений. Но, кроме того, на внутреннюю мотивационную готовность к дискуссиям и толерантность в отношении оппонированных мнений влияют и эмоционально-психические, и волевые аспекты сознания.

Коммуникативную *некомпетентность*, как антипод компетентности, можно определить как неспособность, неготовность и/или нежелание проникать в глубинные причины, исторические корни тех или иных событий. Инерция мышления и поведения массового сознания поддерживает состояние полагания на другие, традиционно авторитетные или даже не слишком авторитетные суждения: мнение большинства, модные тренды и пр.

Непрерывный поток разноплановой информации требует иной скорости и глубины ментально-психических процессов. Личность в сетевой коммуникативной среде может вполне ограничиваться и довольствоваться поверхностными фрагментарными, отрывочными сведениями о происходящих событиях и явлениях – так называемым «клиповым», или «коллагным», набором коротких текстов, образов, видеосюжетов и пр. Но такое «клиповое мышление» вовсе не означает отсечение способности логических рассуждений в пространстве и времени, как это поспешили констатировать некоторые исследователи этой тематики [13].

Клиповое мышление скорее развивает способности к быстрому переключению внимания с одного объекта на другой при столкновении с противоположно направленными интерпретациями событий, чем вызывает реальный интерес, побуждает к размышлениям и определению собственного личностного отношения к информации. Больше, по нашему мнению, правы те эксперты, кто считает, что нельзя однозначно определить эту особенность современной эпохи как нечто абсолютно отрицательное, равно как и безусловно положительное. «Несомненно одно: не следует игнорировать или осуждать это явление только потому, что оно не соотносится с представлениями о той культуре, которую принято считать образцовой, классической. Жизненные приоритеты не могут оставаться неизменными в быстро меняющемся мире» [14, с. 111]. Клиповое мышление можно характеризовать как стремление избежать информационного стресса, своеобразный способ защиты от информационных перегрузок.

Дискурсивная этика

Развитие дискурсивной этики становится особенно актуальным, но гораздо более сложным проектом в кризисных условиях, когда различие «хорошего» и «плохого», «правильного» и «неправильного», «морального» и «аморального» становится трудноразрешимой задачей. В контексте сетевого гибридно-информационного хаоса повышение коммуникативной и перцептивной компетентности субъективно требует нетривиальных волевых усилий. Человеку с ранних лет приходится учиться ориентироваться в информационном хаосе, а для успешной ориентации необходимо развивать в себе способность не пропускать «мимо ушей» текущую событийную информацию: не только слушать, но и слышать, не только смотреть, но и видеть, не только узнавать, но и осознавать.

На более высоких стадиях развития сетевой культуры возникает необходимость в разработке механизмов убеждения для участников коммуникации разного уровня включённости в дискурсивный процесс – как для тех, у кого уже сложилась определённая позиция по обсуждаемому вопросу, так и для тех, кто ещё находится в состоянии сомнений и процессе самоопределения.

Убеждающая коммуникация базируется на поиске влиятельных аргументов и обоснований для высказываемой позиции. Но, как справедливо отмечают разработчики этой тематики, этот процесс «не базируется исключительно на логоцентризме и может предполагать интуитивное принятие аргументов в пользу ценностей, обоснований, предпочтений и мнений» [15, с. 228].

В этом процессе важным аспектом влияния на сознание является сетевая интериоризация, вовлечение в референтные среды, которые становятся новыми источниками энергии для коммуникантов. В таких средах, образующихся на пересечении внешних и внутренних взаимодействий в интернет-сетях, возникают новые смысловые узлы – центры формирования отношений к происходящим событиям, в которых по принципу «расходящихся кругов» происходят сложные процессы принятия, отторжения или изменения ценностей, обоснований и предпочтений. Таким образом формируется общественное мнение, которое либо совпадает с «генеральной линией» подачи информации, либо ей противоречит – в зависимости от убедительности преподносимых аргументов.

Способности ориентироваться в хаотичном сетевом поле разноплановых мнений и оценок развиваются по мере всё большей вовлечённости в дискурсивные процессы, в которых задействуются различные семиотические средства: от коротких, ничем не подкреплённых высказываний до доказательной аргументации – ссылок на авторитетные источники и видеосюжеты. Но для одних слоёв аудитории авторитетным источником может быть публичная риторика, а для других – источники «из первых рук», подаваемые как «свидетельские показания» теми авторами, которые пытаются представить себя аудитории включёнными в «закрытые» обсуждения, к которым нет доступа другим. Доверие или недоверие источникам разного типа зависит от многих причин, прежде всего – от тех ментальных гештальтов, которые сложились ранее

и были сохранены в «картах мозга», а также от субъективно проживаемого опыта, позволяющего сравнивать житейскую реальность с её интерпретацией различными информантами и коммуникантами. В этом процессе рациональные, эмоциональные и интуитивные компоненты могут как взаимодополнять, так и противоречить друг другу. И промежуточные эффекты влияний зависят от соотношения «весов» мнений и оценок в тех или иных обстоятельствах.

В условиях становления глобальной транскультуры процессы изменений в массовой ментальности и развитие новой социальности происходят быстрее, но они неизбежно должны преодолеть кризисный этап самоопределения.

На социокультурном уровне происходит переоценка индивидуального отношения к установившимся формальным правилам и условностям: общепринятым маркерам престижа, монетарно-материальным показателям «успеха». Молодёжь, в большей степени вовлечённая в социальные сети, в меньшей мере считает необходимым и обязательным для себя следование традиционным установкам, ценностям и нормам.

Заключение

Становление сетевой культуры – насущная потребность *новой социальности* выйти как за рамки тенденционности, так и из эклектики тех векторов влияния, которые мешают адекватно оценивать текущие события. Новое знание запускает процесс формирования критически-аналитического мышления на уровне социума.

В условиях расширения возможностей коммуникативного обмена дискурсивная этика вырабатывается не путём установления жёстких ограничений свободной коммуникации. Такие меры могут иметь лишь краткосрочный и чисто поверхностный эффект. Жёсткие ограничения технологически быстро развивающейся коммуникативной сети приводят к «эффекту бумеранга» – когда попытки блокировок одних сегментов сети приводят к обрушению систем, которые необходимы самим управленческим центрам для осуществления контроля над социальной коммуникацией. Поэтому вмешательство управленческих центров в процесс становления сетевой культуры и дискурсивной этики должно ограничиваться применением модераторских фильтров в отношении использования нецензурных и оскорбительных выражений, купированием криминально направленной коммуникации. Остальные аспекты становления дискурсивной этики лежат в сфере саморегуляции коммуникативного пространства: взаимокоррекции орфографии, грамматики и речевого стиля участников дискуссий (блогеров, интерпретаторов и комментаторов), взаимной критики некомпетентности, разоблачения демагогических приёмов в коммуникации, призывов к уважению оппозиционных мнений.

Дискурсивная этика формируется в сложных условиях гибридно-хаотичной коммуникации, но именно свободная коммуникация является основным фактором достижения социального взаимопонимания и консенсуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сети отношений и политическая реальность / О. М. Михайленок, А. В. Назаренко, О. А. Воронкова [и др.] ; отв. ред. О. М. Михайленок. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 276 с. ISBN 978-5-89697-448-2. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-448-2.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-448-2.2025). EDN [MSBLFM](#).
2. Ионин Л. Г. Социология культуры. М. : Логос, 1998. 280 с.
3. Эпштейн М. Н. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эрото-логия, электронная филология и другие науки XXI века. М. : Панглосс, 2019. 239 с. (Серия «ЛекцииPRO»). ISBN 978-5-386-12499-1.
4. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
5. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalisation of Society. Boston : Polity Press, 1991. 465 p.
6. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: The Critique of Functionalist Reason. Boston : Polity Press, 1992. 457 p.
7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. СПб. : Наука, 2007. 648 с. ISBN 978-5-02-026871-5. EDN [QOHQND](#).
8. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб. : Питер, 2002. 368 с. ISBN 5-318-00038-X.
9. Дискуссионные проблемы социальной психологии : монография / А. Ю. Нагорнова, Ю. А. Клейберг, Е. Л. Яковлева [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск : Зебра, 2018. 153 с. ISBN 978-5-6040862-0-9. EDN [XPVDRR](#).
10. Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: Ист. филос. очерк. М. : ИФ РАН, 2001. 223 с. ISBN 5-201-02045-3.
11. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 304 с.
12. Тимофеева Л. Н. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 64–69. EDN [TNXVHQ](#).
13. Недбаева С. В., Недбаев Д. Н., Ткаченко В. В. Коммуникативная компетентность: содержание и структура // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Vol. 19, № 12. С. 353–357. EDN [ZXXPRB](#).
14. Шеметова Т. Н. Клиповое интернет-сознание как тип пралогического мышления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 254–259. EDN [RUBWQN](#).
15. Розеватов Д. А., Розеватов Г. А. Феномен клипового сознания в условиях информационного стресса // Современные лингвокоммуникативные практики: Межвузовский научный сборник. Саратов : ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. С. 107–112. EDN [KWQYSC](#).
16. Социальные сети: Власть, коммуникация и стратегии поведения / И. С. Бурикова, О. А. Игнатьева, Д. А. Калямина [и др.] ; отв. ред. Л. В. Сморгун. М. : Аспект Пресс, 2025. 322 с. ISBN 978-5-7567-1381-7. EDN [MORORB](#).

Сведения об авторе

О. А. Воронкова

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [6099-9170](#)

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 30.03.2026; принята к публикации 10.04.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.2.1)

THE FORMATION OF NETWORK CULTURE: COMMUNICATIVE COMPETENCE AND DISCURSIVE ETHICS

Olga Alexeevna Voronkova

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

Moscow, Russia

olga.voronkova1001@mail.ru,

ORCID [0000-0003-1165-1768](https://orcid.org/0000-0003-1165-1768)

For citation: Voronkova O. A. The formation of network culture: communicative competence and discursive ethics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):11–23. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.2.1).

Abstract. The article is devoted to the formation of network communicative culture in the new technologically changed conditions of social interaction. These conditions imply, on the one hand, the expansion of communication opportunities, and, on the other hand, carry the risks of in-depth manipulation of mass consciousness, namely: misleading society into information misconception by methods of conveying false information, tendentiousness in the presentation and interpretation of events, and the use of technology deep-fake, demagogic techniques in discursive processes. Neutralization of destructive factors that seriously impede the development of free communication depends both on external control of periodically arising threats and risks, and on the internal processes of self-regulation of the communicative space – the growth of the level of communicative competence of society, the restoration of the socio-cultural system of common sense, the formation of discursive ethics as successive stages in the development of social self-consciousness.

Keywords: transmodern era, transculture, mass consciousness, sociality of a new type, communicative competence, discursive ethics

REFERENCES

1. Mikhailenok O. M., ed. Networks of relations and political reality. Moscow: FNISC RAN; 2025. 276 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-448-2. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-448-2.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-448-2.2025). (In Russ.).
2. Ionin L. G. Sociology of culture [Sociologiya kul'tury']. Moscow: Logos; 1998. 280 p. (In Russ.).
3. Epshtein M. N. The future of the humanities: technohumanism, creators, erotology, electronic philology and other sciences of the XXI century. Moscow: Pangloss; 2019. 239 p. (In Russ.). ISBN 978-5-386-12499-1.
4. Castells M. The power of communication: a textbook. Trans: N. M. Tylevich. Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki; 2017. 591 p. (In Russ.).

5. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 1: Reason and the rationalization of society. Boston: Polity press; 1991. 465 p.
6. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 2: The critique of functionalist reason. Boston: Polity press; 1992. 457 p.
7. Luman N. Social systems. Essay on general theory. Trans: D. Gaziev, N. A. Golovin, ed. St. Petersburg: Nauka; 2007. 648 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-026871-5.
8. Olshansky D. V. Psychology of the masses. St. Petersburg: Piter; 2002. 368 p. (In Russ.). ISBN 5-318-00038-X.
9. Nagornova A. Yu., ed. Debatable problems of social psychology: collective monograph. Ulyanovsk: Zebra; 2018. 153 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6040862-0-9.
10. Heveshy M. A. Crowd, masses, politics. Philos. essay. Moscow: IF RAN; 2001. 223 p. (In Russ.). ISBN 5-201-02045-3.
11. Jung K. G. Archetype and symbol [Arxetip i simvol]. Moscow: Renessans; 1991. 304 p. (In Russ.).
12. Timofeeva L. N. New sociality in the information agenda: the role of old and new media. *VSU Bulletin. Series: History. Political Science. Sociology=Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. 2020;(2):64–69. (In Russ.).
13. Nedbaeva S. V., Nedbaev D. N., Tkachenko V. V. Communicative competence: content and structure. *Health and education in the 21st century=Zdorovye i obrazovanie v XXI veke*. 2017;19(12):353–357. (In Russ.).
14. Shemetova T. N. Clip Internet consciousness as a type of pralogical thinking. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky=Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2013;4(2):254–259. (In Russ.).
15. Rozevatov D. A., Rozevatov G. A. The phenomenon of clip consciousness in the conditions of information stress. In: Modern linguistic and communicative practices: interuniversity scientific collection. Saratov: RANXIS; 2023. P. 107–112. (In Russ.).
16. Smorgunov L. V., ed. Social networks: power, communication and behavior strategies. Moscow: Aspekt press; 2025. 322 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-1381-7.

Information about the Author

O. A. Voronkova

Candidate of Politics,

Leading Researcher

ResearcherID: [ADG-1470-2022](#)

Scopus AuthorID: [54938516700](#)

The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 30.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.

УДК 316.77

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.2.2

EDN: ANSCMS

Научная статья

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ОТКРЫТЫХ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМАХ КАК ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ К РАЗНОНАПРАВЛЕННЫМ СМЫСЛАМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Тамара Завеновна Адамьянц

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

tamara-adamiants@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-3911-2769

Для цитирования: Адамьянц Т. З. Коммуникационные взаимодействия на открытых интернет-платформах как значимый фактор социальной адаптации к разнонаправленным смыслам социокультурной среды // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 24–41. DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.2. EDN ANSCMS.

Аннотация. Коммуникационные взаимодействия на открытых интернет-платформах рассматриваются в статье как значимый фактор социальной адаптации населения к разнонаправленным смыслам на одну и ту же тему и в целом – к социокультурной среде. В центре внимания оказываются с одной стороны личностные смыслы участников по отношению к обсуждаемым событиям и проблемам и, с другой, – коллективные смыслы, вырабатываемые в результате взаимовлияний и интерференций. В соответствии с семиосоциопсихологической концепцией социальной коммуникации, в русле которой выполнена статья, концепт «смысл» рассматривается как виртуальная многоуровневая структура взаимозависимых и взаимообусловленных информативно-познавательных и образно-эмоциональных компонентов, ориентированных на интенциональность (равнодействующую мотива и цели) автора/участника обсуждений. Для доказательного выявления транслируемых смыслов использовался метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа. При соблюдении условий репрезентативности данные об особенностях и параметрах коллективных смыслов могут служить показателями успешности или рисков адаптационных процессов по отношению к актуальным темам и проблемам. Полученные данные позволяют своевременное и оперативное принятие управленческих, политических, социокультурных и т. д. решений и действий (эффект «руки на пульсе»). В результате изучения на протяжении 2025 года особенностей коммуникационных взаимодействий на открытой интернет-платформе «Дзен» было зафиксировано, что большая часть участников смогли адекватно понять разнонаправленные смыслы статей на одну и ту же тему и что выработанный в результате обсуждений преобладающий коллективный смысл, как правило, соответствует традиционным морально-нравственным ценностям и нормам. Полученные данные свидетельствуют о том, что коммуникационные взаимодействия на открытых

© Адамьянц Т. З., 2026

интернет-платформах являются значимым фактором социальной адаптации социально активных и способных к пониманию латентных смыслов участников (судя по косвенным данным, в основном это люди среднего и старшего возраста). Рекомендации в связи с полученными данными заключаются в целесообразности разъяснительной работы среди всех слоёв населения, прежде всего детей, подростков и молодёжи, о смысловых особенностях современной социокультурной среды, а также проведения массовых мероприятий по развитию навыков понимания латентных смыслов в сфере социальной коммуникации.

Ключевые слова: открытые интернет-платформы, коммуникационные взаимодействия, социальная адаптация, смысл, понимание смысла, семиосоциопсихология, метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа, интенция, социальное управление

Введение

Социокультурная среда – значимый и необходимый компонент жизненной среды современного человека, влияющий на его знания и представления об окружающем мире и о своём месте в нём. Эффективное взаимодействие с социокультурной средой предполагает не пассивное потребление, а личностную и социальную (в рамках общества, коллектива, группы) *адаптацию* – и к самой социокультурной среде, и к непрерывно появляющимся на её просторах актуальным темам, которые нередко освещаются разнонаправленно, вследствие разных целей и мотивов авторов/коммуникаторов.

Успешность и риски всех форм адаптации к социокультурной среде предполагают умение (навыки, способность), позволяющее адекватное понимание содержащихся в воспринятых произведениях/материалах латентных смыслов и, как следствие, взвешенность и социальную ориентированность в оценках и выводах.

В разработках современной науки о коммуникации известен ряд барьеров, препятствующих такому результату: это и информационно-коммуникативные технологии, основанные на разного рода воздействиях и манипуляциях; и психологические, религиозные, морально-нравственные, социальные и личностные установки по отношению к теме, проблеме, автору/публичной личности; и ментальные способности (коммуникативные навыки) воспринимающей личности. Отметим, что все перечисленные барьеры действуют в ситуациях личной или преимущественно личной «встречи» человека с источником информации («автор-получатель»).

Появление и тотальное распространение сети Интернет кардинально изменило ситуацию: возник новый способ взаимодействия с социокультурной средой, позволяющий любому человеку при желании стать участником обсуждений – и по отношению к авторской интерпретации поднятой темы, и к интерпретациям других участников [1; 2; 3; 4].

Объект анализа настоящей статьи – коммуникационные взаимодействия на открытых интернет-платформах: специфика, сущность, методы изучения.

Предмет анализа – качественная оценка процессов социальной адаптации к актуальным смыслам современной социокультурной среды (на примере открытой интернет-платформы «Дзен»).

Исследовательские цели и задачи состояли в определении характеристик и индикаторов (показателей) успешности и рисков адаптационных процессов на примере коммуникационных взаимодействий на открытой интернет-платформе «Дзен».

Актуальность изучения обусловлена следующими фактами и обстоятельствами: широким распространением коммуникационных взаимодействий в Интернете, в которые вовлечено, с одной стороны, большое число блогеров и официальных органов СМИ и, с другой – миллионы людей, участвующих в обсуждениях волнующих их тем и проблем; наличием в социокультурной среде разнонаправленных трактовок одних и тех же событий, процессов, фактов [5; 6; 7]; влиянием интернет-обсуждений на общественные настроения и «картины мира» наших соотечественников; целесообразностью учёта исследовательских данных о смысловых особенностях коммуникационных взаимодействий на открытых интернет-платформах при принятии управленческих, политических, социокультурных, юридических и т. д. решений.

Методологические и методические основания анализа – семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации [8; 9], в центре внимания которой латентные смыслы, содержащиеся в целостных, завершённых произведениях/материалах, особенности их понимания, а также социально значимые реакции разных групп аудитории, инициированные воспринятыми произведениями/материалами [10].

Специфика и сущность коммуникационных взаимодействий на открытых интернет-платформах

Взаимодействие посредством общения – сущностная особенность человеческого общества; благодаря такой возможности люди ассоциируются в группы, сообщества и коллективы, вырабатывают общезначимые социальные и социокультурные нормы, проверяют собственное отношение к происходящим событиям и процессам. Тотальная цифровизация современной социокультурной среды качественно изменила формы и способы общения миллионов людей. Привычными стали расширенные возможности для каждого человека стать не только получателем, но и создателем информационного (шире – социокультурного) «продукта». Реальностью стали и стихийно возникающие на открытых интернет-платформах массовые обсуждения актуальных событий и проблем, в которых участвуют как авторы статей, так и, при желании, посетители каналов, сайтов, блогов, которые к тому же могут общаться и между собой [11].

По своей сути это зафиксированные «в цифре» *народные вече*, аналогом которых в не столь отдалённые времена были различного рода митинги, неформальные обсуждения, споры, пересуды, сплетни и т. д., отражающие, несмотря на свою, казалось бы, малозначительность и кулуарность, скрытые мотивы

в общественном настроении и, следовательно, влияющие в той или иной мере на социально значимые процессы [11].

Внимание к проявлению мыслей и чаяний представителей самых разных слоёв общества можно найти в работах философов и исследователей, деятелей искусства и журналистики; безусловный интерес вызывают такого рода сведения, наблюдения и выводы и для социальной науки. Благодаря появлению открытых интернет-платформ, где многоуровневые обсуждения фиксируется «в цифре» и остаются доступными на неограниченный срок, открылись расширенные возможности и для углублённого социологического анализа, поиска и апробации новых исследовательских методов и подходов [12; 13].

В настоящее время социологическое изучение процессов общения в Интернете связано преимущественно с количественными методами [12] и контент-анализом текстов [14]. Популярностью пользуются математические методы, основанные на анализе больших числовых данных, поскольку, как известно, число источников и авторов, равно как и потребителей информационных «продуктов», огромно [12]. Разрабатываются и начинают применяться методы анализа на основе искусственного интеллекта.

Сложность получения традиционных социологических данных при анализе открытых интернет-платформ связана с тем, что, кроме показателей числа так называемых «вовлечённых прочтений», а также числа «лайков» и комментариев, которые даёт статистика Интернета, сведений о таких характеристиках, как *пол, возраст, место жительства, уровень образования и род занятий* участников, как правило, получить нельзя (хотя в некоторых случаях о них можно предположить, исходя из косвенных сообщений авторов текстов).

Контент-анализ использованной лексики [14] также не позволяет полноценных выводов, поскольку в интернет-коммуникации, как известно, нередко задействованы и такие семиотические средства выражения, как звук, изображение, видео. *Время и периодичность* появления текстов в интернет-пространстве – также не объективные показатели: авторские статьи и комментарии к ним появляются в открытом доступе в зависимости от реальных сроков создания (хотя их отдалённость от реального астрономического времени, как правило, указывается интернет-счётчиком: «только что», «5 часов назад», «1 день назад», «месяц назад», «год назад» и т. д.).

Преодолеть сложности анализа материалов, реализованных разными семиотическими средствами, а также разноречивой во времени и периодичности появления материалов и комментариев к ним позволяет *семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации* [8; 9] и разработанный в её рамках *метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа процессов коммуникации* [8; 15], в центре внимания которых *латентные виртуальные смыслы*¹,

¹ Внимание к смысловым особенностям и характеристикам общения и взаимодействия людей проявляли многие учёные и исследователи, начиная с древних времён. Назовём некоторых из наших современников: К. А. Абульханова-Славская [16], Дж. Александер [17], Д. А. Леонтьев [18], Ж. Т. Тощенко [19], А. Щюц [20] и др.

пребывающие «между» слов, кадров, звуков, фото и видео; при этом объектами анализа могут быть как смыслы авторских статей, так и смыслы, содержащиеся в комментариях к этим статьям.

Доказательное выявление латентных смыслов, которые продуцируют участники коммуникационных взаимодействий на открытых интернет-платформах, даёт представление о *тенденциях в векторе и направленности их социальных ценностей*: что «предпочитается в наибольшей степени ...чем восхищаются ...что считается нормальным, правильным ...что не одобряется, порицается и, на крайнем полюсе, считается аморальным, преступным» [21].

Данные о *степени согласия между участниками обсуждений и социальной ориентированности превалирующего латентного смысла* позволяют выводы об успешности или рисках процессов социальной адаптации к обсуждаемым темам и в целом – к социокультурной среде (в рамках социальных, социокультурных и социоментальных групп, «полпредами» которых являются участники).

Методология семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации в изучении смысловых особенностей открытых интернет-платформ

Согласно ключевому положению вышеназванной концепции, в каждом целостном, завершённом коммуникативном акте (произведении, материале, статье, устном выступлении и т. д.) наличествует виртуальная структура взаимоподчинённых и взаимозависимых коммуникативно-познавательных, а в ряде случаев и образно-эмоциональных программ, ориентированных на интенцию автора/коммуникатора [8; 15].

Традиционное представление об интенции здесь расширено и уточнено: это «*равнодействующая мотива и цели общения и взаимодействия людей (точнее – искомого результата) с окружающим их миром*» [9, с. 16]; соответственно, авторская интенциональность – это формулировка «проявленной» коммуникативными средствами авторской интенции. Для доказательного выявления (формулировки) авторской интенции применяется метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа, разработанный в рамках вышеназванной концепции.

Авторская интенциональность и есть латентный смысл коммуникативного акта: это *то, что автор хотел сказать, передать, выразить (или утаить)*. Создателями и носителями смыслов, конечно, являются люди с их личностными интенциями (мыслями, целями, мотивами, знаниями и т. д.). Будучи реализованными коммуникативными средствами, личностные интенции становятся фактами реальности – виртуальными смыслами, которые большей частью пребывают «между» слов, кадров, изображений, жестов и т. д. Массовое следование или массовая поддержка неких определённых смыслов даёт основание говорить о наличии *коллективных смыслов*, отражающих отношение больших групп людей к событиям, процессам, фактам и оказывающих влияние на социально значимые процессы.

О процедуре выявления личностных смыслов на открытых интернет-платформах

Сущностной особенностью общения на открытых интернет-платформах, согласно методологическим основам семиосоциопсихологической концепции, являются виртуальные латентные смыслы и особенности их взаимодействия между собой. Для доказательного выявления (формулировки) латентных смыслов используется метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа [15], применение которого требует соблюдения ряда обязательных условий.

Прежде всего, предназначенные для анализа статьи или комментарии должны быть целостными и завершёнными, не допускается сокращение или изъятие отдельных частей. Для доказательного выявления (формулировки) латентных смыслов составляются мотивационно-целевые структуры, своего рода условные «строительные леса», внутренние каркасы изучаемого материала. Структуры состоят (могут состоять) из следующих уровней взаимозависимых и взаимоподчинённых коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на авторскую интенциональность:

- 1-й уровень – авторская интенциональность, или латентный смысл;
- 2-й уровень – тезисы и антитезисы;
- 3-й уровень – аргументы и антиаргументы;
- 4-й уровень – иллюстрации (к тезисам и антитезисам, аргументам и антиаргументам);
- 5-й и 6-й уровни – фоны и фоны к фонам [15] ¹.

Поскольку в процессе интернет-обсуждений и авторы статей, и комментаторы этих статей реализуют свою интенциональность посредством удобных для них семиотических средств, уровнями структуры могут оказаться не только текстовые блоки, но и кадры, и видео, как в отдельности, так и в комплексе.

Искомый латентный смысл всегда находится на «вершине» условной структуры, в то время как остальные уровни «работают» на него, «служат» его донесению. Поиск смысла происходит в соответствии с *абдукцией* [22] – универсальной познавательной процедурой, основанной на ментальном продвижении «снизу-вверх» (от деталей, подробностей, проявленных эмоциональных состояний – к тезисам, аргументам и т. д.) и сопровождающейся выдвижением и опровержением гипотез об искомом предмете познания (нашем случае – латентного смысла, или авторской интенциональности).

Подтверждением верности одной из выдвинутых гипотез оказывается стройность создаваемой структуры, оправданность и взаимозависимость её элементов (уровней), невозможность расположить их как-то иначе. Подтверждённая таким образом гипотеза и есть искомый латентный смысл, который всегда

¹ Обозначенная структура традиционно применяется в прикладных исследованиях, требующих получения быстрого и оперативного результата. В исследованиях поискового плана Т. М. Дридзе применяла более подробный и детальный вариант мотивационно-целевой (информативно-целевой) структуры [8].

константен (он уже реализовался посредством именно *этих, а не каких-либо других* выразительных средств, уже принял некую определённую форму) [15].

Работа в вышеназванной концепции позволяет не только доказательное выявление латентных смыслов (в рамках целостных, завершённых произведений), но и *анализ особенностей их понимания воспринимающей стороной*. Для этой цели составляются мотивационно-целевые структуры интерпретаций анализируемого материала (в нашем случае это комментарии к статьям), которые затем сопоставляются с константной структурой анализируемого произведения: добрался ли респондент до её «вершины», то есть до смысла, или остановился на нижних уровнях. В зависимости от степени ментального «освоения» структуры воспринятого материала возникает возможность дифференциации по проявленным реципиентом навыкам понимания в сфере социальной коммуникации, где традиционно различают *адекватное, частично адекватное и неадекватное понимание* (по отношению к константному смыслу воспринятого материала) [15].

Адекватное понимание латентных смыслов воспринятых произведений – необходимое и обязательное условие адаптации к социокультурной среде, тем более при «встречах» с разнонаправленными смыслами в статьях на одну и ту же тему: только понимающая личность сумеет отличить правду от лжи или вымысла, не станет «жертвой» манипулятивных технологий и прочих форм и способов воздействий, которых немало в интернет-пространстве.

Коллективные смыслы как показатели успешности и рисков адаптационных процессов в связи с обсуждаемыми темами и проблемами

Внесение в сферу анализа открытых интернет-платформ *«равнодействующих мотива и цели общения и взаимодействия людей с окружающим их миром»* [9, с. 16] позволяет доказательно изучать как личностные смыслы каждого из участников обсуждений, так и превалирующий смысл, который продуцирует большинство участников обсуждений.

Адаптируясь к ставшим предметом обсуждения актуальным событиям или процессам (и в целом к социокультурной среде), участники коммуникационных взаимодействий приносят в процесс обсуждения свои личные мотивы, цели и даже – своё жизненное кредо, доказывают свою точку зрения, спорят, приводят примеры.

В результате возникает *выработанный в процессе многоуровневых смысловых влияний, взаимовлияний и интерференций коллективный смысл (или – несколько коллективных смыслов)*, где концентрируются мысли, эмоции, чаяния, опасения и т. д. участников, а также и варианты коллективных представлений о способах решения проблемы или выхода из обсуждаемой проблемной ситуации; по своей сути это процесс «самоорганизации и воспроизводства вещества и форм социальности, т. е. человеческого общежития...» [9, с. 17].

Подсчёт числовых параметров выделенных коллективных смыслов позволяет назвать преобладающий коллективный смысл, а затем и оценить степень его соответствия общепринятым в обществе морально-нравственным ценностям и нормам¹ (социальной ориентированности).

Комплекс полученных данных (с учётом особенностей понимания латентных смыслов, а также, по возможности, социально-демографических характеристик участников коммуникационных взаимодействий) позволяет *выводы об успешности и рисках адаптационных процессов по отношению к обсуждаемой теме/проблеме*; такие сведения – ценный материал для управляющих структур при принятии различного рода решений и действий.

О процедуре выявления коллективных смыслов на открытых интернет-платформах

Для получения данных об особенностях и параметрах коллективных смыслов по отношению к актуальным темам и проблемам следует учесть ряд обязательных условий. Прежде всего, социологический интерес представляют данные о смысловых особенностях коммуникационных взаимодействий в статьях, получивших многотысячное число читателей, комментариев и «лайков»: это показатели актуальности темы в представлениях социальной активной части аудитории.

Репрезентативность при изучении особенностей коммуникационных взаимодействий на интернет-платформах обеспечивается соблюдением традиционного для социологического поиска *принципа минимальной базовой группы*, согласно которому следует изучить не менее 25–30 единиц анализа по каждой из независимых переменных [23]. Иными словами, для выявления тенденций в коллективной поддержке того или иного смысла по отношению к обсуждаемой теме или проблеме следует проанализировать не менее 25–30 комментариев к каждой авторской статье. Учитывая возможность участия в интернет-обсуждениях не только обычных посетителей, но и так называемых «ботов», выполняющих некие пропагандистские/политические задачи, число комментариев к анализируемым статьям рекомендуется значительно увеличить и отбирать их подряд, по возможности не от первого десятка комментариев. В проведённых исследованиях смысловых особенностей коммуникационных взаимодействий на открытой интернет-платформе «Дзен» число комментариев (к каждой из анализируемых статей) составляло не менее 100 единиц. При соблюдении обозначенных условий процентное число возможных «ботов» вряд ли превзойдёт процент общепризнанной статистической погрешности, приемлемой для получения релевантного результата.

¹ Концепт «морально-нравственный» рассматривается нами как комплекс взаимозависимых и взаимопроникающих регуляторов социальной и духовной жизни общества и человека. Включает сформированные социумом подвижные нормы, правила, законы, рекомендации и т. д. (сфера морали) и неизменяемые, единые для всех духовные скрепы (сфера нравственности).

Дальнейшая работа с отвечающими условиям репрезентативности комментариями состоит из нескольких этапов. Поскольку одним из главных критериев успешности адаптационных процессов рассматривается *адекватное понимание* авторами комментариев латентных смыслов обсуждаемых статей, отобранные комментарии дифференцируются по этой характеристике. *Проявленное и аргументированное согласие или несогласие расцениваются как адекватное понимание*. «За скобки» дальнейшего анализа выводятся комментарии с нейтральными реакциями, а также транслирующие новые смыслы, никак не соотнесённые с константными смыслами обсуждаемых статей: определить в таких случаях, состоялось ли понимание, невозможно¹.

На следующих этапах анализа в массиве отобранных комментариев (тех, где их авторы проявили *адекватное понимание* латентных смыслов в обсуждаемых статьях) определяются числовые значения коллективных смыслов среди «согласных» и «несогласных», в том числе *превалирующий коллективный смысл*; при этом согласие превалирующего смысла с содержащимся в статье константным авторским смыслом, конечно, не обязательно.

Комплексные данные о параметрах превалирующего коллективного смысла и степени его социальной ориентированности рассматриваются в настоящей статье как показатели (*индикаторы*) *социальной адаптации социально активной, имеющей собственное мнение и адекватно понимающей части населения страны к обсуждаемым темам или проблемам и, в целом, – к социокультурной среде (с учётом выявленных или предполагаемых социально-демографических характеристик)*.

Индикаторы социальной адаптации к разнонаправленным смыслам на открытой интернет-платформе «Дзен»

На протяжении 2025 года изучались реакции посетителей открытой интернет-платформы «Дзен» при «встречах» с разнонаправленными смыслами по отношению к одним и тем же темам. Исследование позиционировалось как качественное, направленное на изучение влияния субъективных аспектов (особенностей понимания латентных смыслов и личностных социальных ценностей) на социально значимые процессы, инициированные коммуникационными взаимодействиями в Интернете.

Были отобраны три пары статей, освещающих одни и те же резонансные события, однако противоположных по своей мотивационно-целевой (смысловой) направленности:

¹ В рамках семисоциопсихологической концепции такие варианты интерпретаций расцениваются как неадекватное понимание константного смысла (в рамках конкретного комментария).

- осуждение уехавших из страны по политическим мотивам (релокантов) ¹ – оправдание тех, кто уехал из страны ²;
- осуждение скандальных заявлений бывшей «звезды» эстрады (Аллы Пугачёвой) ³ – защита её репутации ⁴;
- одобрение депортации спортсмена, оскорбившего россиян на национальной почве ⁵ – защита, предложение смягчить наказание ⁶.

Для всех отобранных комментариев (по 100 единиц к каждой анализируемой статье на день посещения) составлялись мотивационно-целевые (смысловые) структуры, которые были дифференцированы по особенностям реакций их авторов: согласие – несогласие – нейтральная реакция – новый смысл, никак не соотносённый с константным смыслом анализируемой статьи. Согласие, равно как и несогласие автора комментария с автором статьи, сопровождающееся аргументацией своей позиции, расценивалось как *адекватное понимание константного авторского смысла* (какую цель преследовал автор, что именно хотел сказать или утаить); *число таких комментариев (в разных статьях) составило от 72 до 100%*; именно с такими комментариями продолжалась дальнейшая работа.

Значения числа комментариев, дифференцированных по особенностям согласных и несогласных с авторами статей, и есть показатели параметров превалирующих коллективных смыслов. С чем же согласились и не согласились авторы комментариев, поняв при этом латентный смысл обсуждаемой статьи?

- *согласились* с осуждением уехавших из страны представителей бывшей культурной элиты **73%**; *не согласились* с оправданием тех, кто уезжает из страны в трудное время, **77%**;
- *согласились* с осуждением бывшей «звезды» эстрады (Аллы Пугачёвой) **74%**; *не согласились* с защитой её репутации на основании прошлых заслуг **72%**;
- *согласились* с депортацией из страны бывшего борца ММА, оскорбившего россиян на национальной почве, **94%**; *не согласились* с предложением смягчить наказание **100%**.

¹ «Каждой твари по паре»: историк моды Александр Васильев и Андрей Разин плюются ядом за ужином // Дзен : сайт. 21 сентября 2025. URL: <https://dzen.ru/a/aM003MJehHj3Cq0J> (дата обращения: 29.09.2025).

² Куда уезжают из России: топ-5 стран, где теперь живут россияне // Дзен : сайт. 30 июля 2025. URL: <https://dzen.ru/a/aIAAnAKqR3GwymTcM> (дата обращения: 07.10.2025).

³ «Искреннее» интервью стало для неё приговором: как Алла Пугачёва столкнулась с реальностью и не поняла, почему её больше не любят // Дзен : сайт. 17 сентября 2025. URL: <https://dzen.ru/a/aMqUfk3PwiLE9i80?sid=3410330515938291199> (дата обращения: 07.10.2025).

⁴ После скандала Пугачёва вышла на связь – и разнесла всех одной фразой // Дзен : сайт. 17 сентября 2025. URL: <https://dzen.ru/a/aMqHckxBRh6A1-Lm> (дата обращения: 07.10.2025).

⁵ Азербайджанского бойца лишили гражданства и депортируют за 3 простых слова, которые он сказал, взяв микрофон после победы // Дзен : сайт. 2 октября 2025. URL: <https://dzen.ru/a/aN5OHYeBewEa-G97> (дата обращения: 07.10.2025).

⁶ Три слова после победы: азербайджанского бойца лишили гражданства и депортируют // Дзен : сайт. 2 октября 2025. URL: <https://dzen.ru/a/aN7FtPcGBAUdy-VP> (дата обращения: 06.10.2025).

Логические и эмоциональные уровни «проявленных» в процессе исследовательской работы мотивационно-целевых структур позволили выявить типичные доказательства (тезисы, аргументы, иллюстрации) и вербально проявленные эмоциональные реакции, на основании которых авторы комментариев принимали решение о своём согласии или несогласии с константными смыслами обсуждаемых статей.

Мотивационно-целевой анализ комментариев, авторы которых *адекватно поняли* константный смысл авторской статьи, показал, что *основанием для принятия решения об одобрении (согласии) или неодобрении (несогласии) служит соответствие традиционным морально-нравственным ценностям и нормам*. В свою очередь, авторы большинства таких комментариев и сами заявляли о любви к России, гордости её историей, необходимости и целесообразности уважения народных традиций, нравственных законов и религиозных постулатов, осуждали недоброжелателей и врагов [3; 19; 25, с. 470–482].

Соблюдение условий репрезентативности при проведении исследовательских работ позволяет сделать *вывод об успешности адаптационных процессов по отношению к обсуждаемым темам среди социально активной и способной к адекватному пониманию части населения страны (преимущественно среднего и старшего возраста)*¹. Так, адаптированы к факту разнонаправленных смыслов относительно:

- персон, уехавших в знак протеста из России, **от 73 до 77%** активной и понимающей части населения;
- скандальных заявлений бывших «звёзд» эстрады **от 72 до 74%** активной и понимающей части аудитории;
- оскорбления россиян на национальной почве **от 94 до 100%** активной и понимающей части аудитории.

Выводы и рекомендации

Полученные данные позволяют вывод о том, что социальные ценности активных и способных к адекватному пониманию латентных смыслов участников интернет-обсуждений, как правило, ориентированы на следование традиционным морально-нравственным ценностям и нормам, что позволяет им и впредь противостоять на ментальном уровне смысловым влияниям и воздействиям.

Высокие процентные значения числа комментариев, авторы которых адекватно поняли латентные смыслы обсуждаемых статей, в купе с социальной ориентированностью поддерживаемых и транслируемых смыслов этих

¹ Напомним, что подсчитывались только те комментарии, где авторы проявили аргументированное согласие или несогласие с авторским смыслом (обнаружили его адекватное понимание); те комментарии, где реакция оказалась нейтральной, а также комментарии, транслирующие новый смысл, никак не соотносённый с авторским смыслом, остались вне поля анализа.

комментариев, приводят к заключению о том, что *коммуникационные взаимодействия на открытых интернет-платформах – важный фактор успешности процессов социальной адаптации к обсуждаемым актуальным темам и в целом – к разнонаправленной социокультурной среде.*

Данные об особенностях понимания аудиторией константных авторских смыслов на открытых интернет-платформах (от 73 до 100%) выгодно отличаются от аналогичных данных при традиционных формах и способах общения. Так, по данным многолетних исследований с использованием семиосоциопсихологических методов и подходов, число тех, кто адекватно понимал латентные смыслы воспринятых произведений, колебалось от 13–14% (в сложных по содержанию текстах и материалах) до 35–40% (в художественных произведениях) [8; 10; 15]. Такое разительное отличие объясняется возможностью использования при общении в Интернете не только слова написанного (текста), но и речи, фото- или видеоизображений; нередко здесь также используется ненормативная или излишне эмоциональная лексика, вследствие чего смыслы буквально «на поверхности», понять их несложно.

Однако главное объяснение кроется в *возникновении в результате многоуровневых обсуждений виртуальных смысловых и эмоциональных полей* [11], объединяющих участников приверженностью одному из коллективных смыслов, – тому, где главной точкой отсчёта оказывается соответствие традиционным для россиян морально-нравственным ценностям и нормам, подкреплённое массовым отторжением тех смыслов, которые этому критерию не отвечают (действие психологического механизма «свой-чужой») [26].

Особо следует отметить *роль в процессах социальной адаптации населения патриотически¹ ориентированных популярных блогов на «Дзене»*: данные мотивационно-целевого анализа комментариев к таким статьям фиксируют массовое согласие с исходными авторскими смыслами, оптимизм и укрепление веры в благоприятное для общества и страны решение обсуждаемых проблем, обретение уверенности и снижение тревожности [11]. Тем не менее авторы блогов патриотической направленности постоянно отмечают в своих статьях неоднократные задержки, необоснованные ограничения и замечания со стороны модераторов платформы «Дзен».

К возможным рискам процессов социальной адаптации населения к разнонаправленным смыслам социокультурной среды следует отнести ограниченный состав тех, кто активно участвует в интернет-обсуждениях: судя по косвенным данным (авторы комментариев нередко в качестве доказательств рассказывают о своих жизненных историях), открытые интернет-платформы привлекательны в основном для людей среднего и старшего возраста.

¹ Концепт «патриотизм» рассматривается нами как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы родины и своего народа» [27].

В заключение – несколько предложений и рекомендаций для Госкомнадзора и госструктур, деятельность которых связана со сферой социальной коммуникации:

- целесообразно постоянное внимание (мониторинг) социальной значимости превалирующих смыслов, складывающихся в результате смысловых влияний, взаимовлияний и интерференций на открытых интернет-платформах;
- целесообразно регулирование взаимоотношений между интернет-платформой «Дзен» и авторами патриотически ориентированных блогов с целью создания оптимальных условий для их работы и творчества;
- целесообразна разъяснительная работа среди всех слоёв населения, прежде всего детей, подростков и молодёжи, о смысловых особенностях современной социокультурной среды, а также мероприятия по массовому развитию навыков понимания латентных смыслов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радаев В. В. Растущая вовлечённость в социальные сети и зависимость их пользователей в молодых поколенческих группах // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 127–158. DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.6](#). EDN [JULBYD](#).
2. Люблинский В. В., Михайленок О. М. Развитие сетевого общества и цифровых технологий в зеркале социальной политики (международный опыт и Россия) // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 15–22. DOI [10.34823/SGZ.2023.2.51976](#). EDN [MFFLKR](#).
3. Воронкова О. А. Сетевая интериоризация – становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 17–28. DOI [10.20323/2658-428X-2020-1-6-17-28](#). EDN [GIOCPV](#).
4. Жизнь онлайн: цифровая трансформация российского общества / Е. А. Стрельцова, Л. С. Кузина, В. В. Полякова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Стрельцова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 183 с. ISBN 978-5-7598-3031-3. ISBN 978-5-7598-3112-9 (e-book).
5. Васильев Н. А., Карпухин О. И. Социальные сети: превращение «поля свободы» в оружие антироссийской информационной войны // П.О.И.С.К: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 4 (93). С. 18–32. EDN [ESEFXU](#).
6. Сморгунов Л. В. Трансверсальность сетевых коммуникаций и выбор стратегии поведения: концептуальное измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27, № 3. С. 417–429. DOI [10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429](#). EDN [JFKCLB](#).
7. Социальные сети: власть, коммуникация и стратегии поведения / И. С. Бурикова, О. А. Игнатьева, Д. А. Калямина [и др.] ; под ред. Л. В. Сморгунова. М. : Издательство «Аспект Пресс», 2025. 352 с. ISBN 978-5-7567-1381-7. EDN [MORORB](#).
8. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М. : Наука. 1984. 268 с.
9. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эокантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. Кн. 1. М. : ИС РАН. 2000. С. 5–42.

10. Адамьянц Т. З. Социальные смыслы как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 16–25. DOI [10.31857/S013216250015252-0](#). EDN [NKIIOT](#).
11. Адамьянц Т. З. Смыслы и смысловые нюансы на открытых интернет-платформах как предмет социологического изучения (на примере блогов патриотической направленности в «Дзене») // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 204–220. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.9](#). EDN [UOQHTI](#).
12. Цифровые технологии и большие данные в социологических исследованиях: концепция, методология, возможности / Д. Л. Константиновский, Е. С. Попова, И. С. Кузнецов, Р. С. Кузнецов // Мир России. 2025. Т. 34, № 1. С. 144–160. DOI [10.17323/1811-038X-2025-34-1-144-160](#). EDN [OVVFFM](#).
13. Михайленок О. М., Щенина О. Г. Гуманитарная экспертиза цифровизации: политологический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 130–134. DOI [10.34823/SGZ.2022.5.518906](#). EDN [MKGHXT](#).
14. Таршис Е. Я. Контент-анализ // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма, 2008. С. 192–194.
15. Адамьянц Т. З. Метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа как инструмент социального познания // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2025. № 61. С. 259–286. DOI [10.19181/4m.2025.34.2.7](#). EDN [OXGNGB](#)
16. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. 299 с. ISBN 5-244-00380-1. EDN [SGBTRN](#).
17. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М. : Праксис, 2013. 640 с. ISBN 978-5-901574-96-6.
18. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М. : Смысл, 1999. 487 с. ISBN 5-89357-062-6.
19. Тощенко Ж. Т. Смыслы как качественная и сущностная характеристика социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 13–28. DOI [10.23683/2227-8656.2017.5.1](#). EDN [ZNGTTH](#).
20. Шюц А. Избранное: мир, освященный смыслом / А. Шюц ; сост. и пер. Н. М. Смирновой. М. : РОССПЭН, 2004. 1054 с. ISBN 5-8243-0513-7.
21. Яковлев А. М. Ценность социальная // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма. 2008. С. 558–559.
22. Peirce Ch. Collected Papers. Vol. 6. Cambridge, MA : The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1956.
23. Гурвич Ф. М. Методы и процедуры получения экспертной информации (ч.1) // Экономика и математические методы. 1973. Т. IX, № 5. С. 962–975.
24. Лапин Н. И. Гуманитарный выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 23–34. EDN [VZSJH](#).
25. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [монография] / Г. В. Осипов [и др.]. М. : Перспектива, 2020. 530 с. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI [10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532](#). EDN [KINMZW](#).
26. Гулевич О. А. Психология межгрупповых отношений: учебник для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2025. 345 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-10719-7 // Юрайт : [сайт]. URL: <https://urait.ru/index.php/book/psihologiya-mezhgruppovyh-otnosheniy-563443?ysclid=mhacipvf9y194382124> (дата посещения: 25.03.2026).
27. Винокурова С. П. Патриотизм // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск : Книжный дом, 2003. С. 713.

Сведения об авторе

Т. З. Адамьянц

доктор социологических наук, профессор
главный научный сотрудник
SPIN-код: 8379-2090

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.2.2

COMMUNICATION INTERACTIONS ON OPEN INTERNET PLATFORMS AS A SIGNIFICANT FACTOR IN SOCIAL ADAPTATION TO THE DIVERSE MEANINGS OF THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT

Tamara Zavenovna Adamyants

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

tamara-adamyants@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-3911-2769

For citation: Adamyants T. Z. Communication interactions on open Internet platforms as a significant factor in social adaptation to the diverse meanings of the socio-cultural environment. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):24–41. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.2.

Abstract. In this article, communication interactions on open Internet platforms are considered as a significant factor in the social adaptation of the population to diverse meanings on the same topic and, in general, to the socio-cultural environment. The focus is on the personal meanings of the participants in relation to the events and problems being discussed, on the one hand, and on the collective meanings that are developed as a result of mutual influences and interferences, on the other. According to the semiosociopsychological concept of social communication, which the article is based on, the concept of “meaning” is considered as a virtual multi-level structure of interdependent and mutually conditioned informative, cognitive, and figurative-emotional components focused on the intentionality (the balance of motive and goal) of the author/participant in the discussions. The method of intentional (motivational-targeted) analysis was used to identify the transmitted meanings. If the conditions of representativeness are met, the data on the features and parameters of collective meanings can serve as indicators of the success or risks of adaptation processes in relation to current topics and problems. The data obtained allows for timely and efficient management, political, socio-cultural, etc. decisions and actions (the “hand on the pulse” effect). As a result of studying the features of communication interactions on the open online platform Zen over the course of 2025, it was found that the majority of participants were able to adequately understand the diverse

meanings of articles on the same topic, and that the prevailing collective meaning developed as a result of discussions generally corresponds to traditional moral values and norms. The data obtained indicate that communication interactions on open Internet platforms are a significant factor in the social adaptation of socially active and capable participants who can understand latent meanings (based on indirect data, these are mostly middle-aged and older individuals). The recommendations based on the data obtained are related to the advisability of educating all segments of the population, especially children, adolescents, and young adults, about the semantic features of the modern socio-cultural environment, as well as organizing mass events to develop the skills of understanding latent meanings in the field of social communication.

Keywords: open Internet platforms, communication interactions, social adaptation, meaning, understanding of meaning, semiosociopsychology, method of intentional (motivational-target) analysis, intention, social management

REFERENCES

1. Radaev V. V. Growing involvement in social networks and the dependence of their users in young generations. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):127–158. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.6](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.6).
2. Lyublinsky V. V., Mikhaylenok O. M. The development of a network society and digital technologies in the mirror of social policy (international experience and Russia). *Socio-humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarny'e znaniya*. 2023;(2):15–22. (In Russ.). DOI [10.34823/SGZ.2023.2.51976](https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.2.51976).
3. Voronkova O. A. Network internalization: the emergence of a new motivational matrix for social and political participation. *Social and Political Research=Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*. 2020;1(6):17–28. (In Russ.). DOI [10.20323/2658-428X-2020-1-6-17-28](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-1-6-17-28).
4. Streltsova E. A., ed. Online life: the digital transformation of Russian society. Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki; 2025. 183 p. ISBN 978-5-7598-3031-3. ISBN 978-5-7598-3112-9 (e-book).
5. Vasilyev N. A., Karpukhin O. I. Social networks: turning the “field of freedom” into a weapon of the anti-Russian information war. *P.O.I.S.K: Politics. Social Studies. Art. Sociology. Culture=Poisk: Politika. Obshestvovedenie. Iskusstvo. Sociolodiya. Kul'tura*. 2022;(4):18–32. (In Russ.).
6. Smorgunov L. V. Transversality of network communications and the choice of behavioral strategy: A conceptual dimension. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science=Vestnik Rossiyskogo universiteta drizbu narodov. Seriya Politologoya*. 2025;27(3):417–429. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429).
7. Smorgunov L. V., ed. Social networks: power, communication, and behavioral strategies. Moscow: Aspect press; 2025. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-1381-7.
8. Dridze T. M. Textual activity in the structure of social communication. Problems of semiosociopsychology. Moscow: Nauka; 1984. 268 p. (In Russ.).
9. Dridze T. M. Two new paradigms for social cognition and social practice. In: Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books. Book 1. Moscow: IS RAN; 2000. P. 5–42. (In Russ.).
10. Adamyants T. Z. Social meanings as a subject of ciological analysis. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2021;(9):16–25. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250015252-0](https://doi.org/10.31857/S013216250015252-0).
11. Adamyants T. Z. Meanings and semantic nuances on open internet platforms as a subject of sociological research (using the example of patriotic blogs on “Zen”). *Sociological science*

- and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2023;11(4):204–220. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.9](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.9).
12. Konstantinovskiy D. L., Popova E. S., Kuznetsov I. S., Kuznetsov R. S. Digital technologies and big data in sociological research: concept, methodology, and opportunities. *World of Russia=Mir Rossii*. 2025;34(1):144–160. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2025-34-1-144-160](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-144-160).
 13. Mikhaylenok O. M., Shchenina O. G. Humanitarian expertise of digitalization: a political aspect. *Socio-humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarny'e znaniya*. 2022;(5):130–134. DOI [10.34823/SGZ.2022.5.518906](https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.5.518906). (In Russ.).
 14. Tarshis E. Y. Content analysis. In: Osipov G. V., Moskvichev L. N., eds. *Sociological dictionary*. Moscow: Norma; 2008. P. 192–194. (In Russ.).
 15. Adamyants T. Z. The method of intentional (motivational-targeted) analysis as a tool of social cognition. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)=Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)*. 2025;(61):259–286. (In Russ.). DOI [10.19181/4m.2025.34.2.7](https://doi.org/10.19181/4m.2025.34.2.7).
 16. Abulkhanova-Slavskaja K. A. *Strategy of life [Strategiya zhizni]*. Moscow: Mysl'; 1991. 299 p. (In Russ.). ISBN 5-244-00380-1.
 17. Alexander J. *The meanings of social life: cultural sociology*. Moscow: Praxis; 2013. 640 p. (In Russ.). ISBN 978-5-901574-96-6.
 18. Leontiev D. A. *Psychology of meaning [Psixologiya smysla]*. Moscow: Smy'sl; 1999. 487 p. (In Russ.). ISBN 5-89357-062-6.
 19. Toshchenko Zh. T. Meanings as a qualitative and essential characteristic of the sociology of Life. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarnij Yuga Rossii*. 2017;6(5):13–28. (In Russ.) DOI [10.23683/2227-8656.2017.5.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.1).
 20. Schutz A. *Selected works: the world sanctified by meaning*. Comp. and trans. by N. M. Smirnova. Moscow: ROSSPE'N; 2004. 1054 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0513-7.
 21. Yakovlev A. M. Social value. In: Osipov G. V., Moskvichev L. N. ed. *Sociological dictionary*. Moscow: Norma; 2008. P. 558–559. (In Russ.).
 22. Peirce Ch. *Collected papers*. Vol. 6. Cambridge, MA: The Belknap press of Harvard Univ. press; 1956.
 23. Gurvich F. M. Methods and procedures for obtaining expert information (Part 1). *Economics and mathematical methods=Ekonomicheskie i matematicheskie metody*. 1973;IX(5):962–975. (In Russ.).
 24. Lapin N. I. The humanitarian choice of the Russian population and the focus of Russian sociology. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;(5):23–34. (In Russ.).
 25. Osipov G. V., ed. *Russian society and the state in a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020*. Moscow: Perspektiva; 2020. 532 p. (In Russ.). ISBN 978-5-905790-48-5. DOI [10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532](https://doi.org/10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532).
 26. Gulevich O. A. *Psychology of intergroup relations [A Textbook for universities, 2nd ed.]*. Moscow: Yurajt; 2025. 345 p. ISBN 978-5-534-10719-7. [website]. Available at: <https://urait.ru/index.php/book/psihologiya-mezhgruppovyh-otnosheniy-563443?ysclid=mhacipvf9y194382124>. (accessed: 07.03.2026).
 27. Vinokurova S. P. Patriotism. In: *Sociology: encyclopedia*. Minsk: Knizhny'j dom; 2003. P. 713. (In Russ.).

Information about the Author

T. Z. Adamyants

Doctor of Sociology, Professor,

Main Researcher

ResearcherID: ABD-1686-2020

Scopus AuthorID: 56951112600

The article was submitted 30.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 26.05.2026.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ: МЕЖДУ ПАТЕРНАЛИЗМОМ И САМООРГАНИЗАЦИЕЙ

Эльвина Азадовна Сагдиева

ОСП «Институт истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан»,

Казань, Россия

Elvina_n@inbox.ru,

ORCID 0000-0003-4510-9467

Для цитирования: Сагдиева Э. А. Гражданское участие и социальный капитал в сельских поселениях: между патернализмом и самоорганизацией // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 42–66. DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.3. EDN YSYWJT.

Аннотация. В статье анализируются модели, барьеры и эффективность гражданского участия в сельских поселениях Республики Татарстан в контексте состояния и воспроизводства социального капитала. Эмпирической базой исследования послужили данные анкетного опроса глав всех сельских поселений 43 муниципальных районов Республики Татарстан, проведённого в 2025 году, а также материалы интервью, собранные в 2024–2025 гг. Теоретико-методологическую основу работы составляют концепция социального капитала Р. Патнэма, институциональный подход Д. Норта и О. Уильямсона, а также теория патернализма в управлении. Показано, что в сельских поселениях доминирует реактивная модель гражданского участия, при которой вовлечённость населения во многом иницируется и поддерживается органами местного самоуправления. Выявлено преобладание «связывающего» социального капитала при слабой развитости «соединяющих» форм, что ограничивает переход к устойчивым практикам самоорганизации. Установлено, что главы сельских поселений высоко оценивают собственную эффективность в сфере администрирования, мобилизации ресурсов и работы с обращениями граждан, но значительно реже рассматривают развитие территориального общественного самоуправления и горизонтальных форм взаимодействия как приоритет своей деятельности. Анализ предпочтительных форм участия и обратной связи свидетельствует о доминировании традиционных очных практик (сходы граждан, самообложение), дополняемых цифровыми каналами коммуникации. Особое внимание в исследовании уделено анализу состояния института сельских депутатов, для которого характерно сочетание высокой функциональной значимости и выраженного кадрового дефицита. Полученные результаты позволяют охарактеризовать современное сельское местное самоуправление в Республике Татарстан как гибридную систему, сочетающую элементы патернализма, управляемого участия и ограниченной самоорганизации населения.

© Сагдиева Э. А., 2026

Ключевые слова: гражданское участие, социальный капитал, сельские поселения, местное самоуправление, патернализм, самоорганизация, Республика Татарстан

Благодарности: работа выполнена за счёт гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан научным и научно-педагогическим работникам обособленных структурных подразделений Академии наук Республики Татарстан с целью стимулирования их к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

Введение

Проблематика гражданского участия и социального капитала в сельских территориях сегодня занимает одно из центральных мест в теоретических и прикладных исследованиях, ориентированных на развитие регионов России. От того, насколько жители готовы участвовать в решении вопросов местного значения, зависит не только формальное функционирование муниципальной системы, но и реальные перспективы устойчивого развития поселений, сохранения базовой инфраструктуры и качества жизни людей. В сельской местности это особенно важно, потому что здесь меньше экономических и институциональных ресурсов, а роль человеческих связей, доверия и готовности «делать вместе» значительно выше, чем в городе. За последние десятилетия сельские территории России переживают системную депопуляцию и старение населения. Молодёжь и активная часть трудоспособных граждан уезжают из сельской местности. В результате многие сёла не только сталкиваются с потерей численности населения, но и теряют «ядро» социально активных жителей, способных брать на себя роли местных лидеров, организаторов инициатив, участников выборов и общественных обсуждений. Старшее поколение, которое остаётся, чаще ограничено в ресурсах и здоровье, что снижает потенциал участия, хотя именно эти люди часто сохраняют сильные соседские связи и установки на взаимопомощь. Одновременно сокращается ресурсная база сельских поселений. Местные бюджеты зависят от трансфертов «сверху», собственные доходы невелики, а на муниципальный уровень часто передаются дополнительные обязанности без адекватного финансирования. В такой ситуации участие в местном самоуправлении (далее – МСУ) всё чаще воспринимается как малозначимое и неэффективное, что подрывает мотивацию включаться в обсуждение и реализацию проектов.

Там, где сохраняются доверие, тесные горизонтальные связи, совместные действия (ремонт дорог, благоустройство, самообложение на нужды села), местные сообщества лучше справляются с внешними вызовами, включая нехватку средств и кадров. Это и есть проявление роли социального капитала, что подразумевает не только «хорошие отношения» между людьми, но и устойчивые практики сотрудничества, нормы взаимопомощи и ответственность за общее дело.

Важно и то, что реформы МСУ последних лет сопровождаются укрупнением муниципальных образований, перераспределением полномочий и частичной стандартизацией процедур участия граждан. Для сельских поселений это означает, что формально спектр задач и инструментов участия расширяется,

но фактически возможности влияния жителей и органов МСУ часто сужаются из-за зависимости от решений властей районного или регионального уровня. Без развитого социального капитала такие изменения воспринимаются как очередное подтверждение бесполезности участия, а не как повод к самоорганизации.

Таким образом, на уровне сельских поселений становится видно, превращается ли МСУ в реальный канал с участием граждан или остаётся формальной конструкцией, существующей при слабой вовлечённости населения. Анализ состояния социального капитала и реальных практик участия в таких условиях позволяет лучше понять, какие модели взаимодействия власти и жителей сегодня преобладают в сельской местности и какие ресурсы ещё могут быть задействованы для сохранения и развития сельских территорий.

В современной научной литературе исследования гражданского участия и социального капитала в сельских территориях России изучены в ряде направлений, но остаются эмпирически неполными и фрагментарными. Исследования показывают, что сельские территории можно рассматривать как «микромодель» гражданского общества: здесь в концентрированном виде проявляются как институциональные ограничения МСУ, так и ресурсы самоорганизации населения [1]. При этом в работах подчёркивается двойственная природа участия: устойчивые патерналистские ожидания от государства сочетаются с эпизодической активизацией локальных инициатив, часто ориентированных на конкретные проблемы или на конкретных лидеров [2; 3]. Часть исследований посвящена анализу нормативных и практических аспектов вовлечения граждан в МСУ, где показано, что юридически закреплённые формы участия (выборы, общественные слушания, обращения, опросы) воспринимаются населением с неполным доверием и ощущением «формальности» процедур [4; 5]. И. В. Копотева предлагает типологию сельских общественных организаций и инициативных групп, выделяя структуры, оказывающие политическое влияние, и организации, ориентированные исключительно на решение локальных проблем силами сообщества [6].

Исследования сельских территорий через призму социального капитала показывают, что здесь сохраняются плотные соседские связи, практики взаимопомощи и локальные идентичности, которые могут выступать ресурсом для самоорганизации и участия. На примере сельских поселений Крымского полуострова показано, что высокие уровни доверия и горизонтальных связей облегчают запуск локальных инициатив, но их конвертация в устойчивые институциональные формы (территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС), постоянные общественные советы, устойчивые практики участия в МСУ) зависит от позиции местных лидеров и характера взаимодействия с региональными органами власти [7]. Аналогичные выводы о значении социального капитала для готовности населения участвовать в управлении территорией делаются и применительно к региональным сообществам России в целом: ценности доверия, взаимности и ответственности за место проживания положительно связаны с участием в общественных инициативах, но остаются неравномерно распределёнными между группами населения [8; 9; 10; 11; 12].

Часть исследований рассматривают сельские поселения как специфическое пространство пересечения патернализма и самоорганизации. Значительная часть населения демонстрирует патерналистские ожидания, полагая, что инициатива и ответственность лежат на институтах власти, в то время как роль граждан сводится к пассивному или формальному соучастию [13]. В то же время кейс-описания успешных сельских инициатив (в сфере благоустройства, экологии, локальных проектов развития) показывает, что при наличии поддерживающей информационной и организационной среды жители могут переходить от разовых акций к более устойчивым формам соучастия и партнёрства с местной властью. Вклад исследователей в осмысление феномена сельской самоорганизации отличается как широтой охвата, так и глубиной анализа: от описания отдельных практик к построению теоретических моделей, объясняющих роль институтов, стимулов и ограничений [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22].

На этом фоне заметен исследовательский дефицит работ, в которых сельское гражданское участие и социальный капитал анализируются с позиции глав сельских поселений. Большинство публикаций опираются либо на опросы населения, либо на региональную статистику и правовой анализ, тогда как взгляды и практики, позиции глав поселений – ключевых медиаторов между населением и вышестоящими уровнями власти – часто не представлены. Существующие исследования часто либо локальны (охватывают несколько поселений или один регион), либо основаны на анализе документов и экспертных мнений. Представленное репрезентативное исследование глав всех сельских поселений 43 муниципальных районов Республики Татарстан приобретает особую актуальность, поскольку устраняет пробелы в понимании масштаба и типологии проблем на низовом уровне. Также данная работа вносит вклад в изучение гибридных моделей участия – сочетания традиционных общинных форм (сходы, взаимопомощь) с современными инструментами (самообложение, интернет-консультации), выявляя, где участие проактивно, а где вынужденно из-за ресурсного дефицита и патерналистских ожиданий, и освещает кризис кадрового воспроизводства МСУ, барьеры депутатства и стимулы формального вовлечения. Новизну работе придаёт и её региональная специфика: анализ в контексте Республики Татарстан позволяет учесть влияние уникальных этнокультурных, хозяйственных и управленческих факторов, характерных для данного субъекта РФ.

Целью исследования является анализ моделей гражданского участия, его эффективности и барьеров в реализации его потенциала в сельских поселениях Республики Татарстан через призму оценок и опыта их глав, а также определение характера, качества и потенциала социального капитала в сельской среде и его связи с состоянием локальной демократии. В ходе исследования решались следующие задачи: оценка степени и характера участия сельчан в МСУ и выявление самооценок главами своего профессионального уровня в сфере работы с населением; определение наиболее эффективных форм гражданского участия и обратной связи; анализ роли и проблем института сельских депутатов.

Методология, эмпирическая база исследования

В исследовании использован комплексный подход: структурно-функциональный анализ и неинституциональная методология. МСУ рассмотрено как институт, где формальные механизмы (законы, подзаконные акты и нормативные документы, официальные процедуры) взаимодействуют с неформальными практиками (личные связи, неофициальные договорённости, неписаные нормы).

Теоретической основой исследования является концепция социального капитала Р. Патнэма [23], который определял его как совокупность норм, сетей и доверия, облегчающих координированные действия между людьми для достижения общих целей. Исследователь считал, что понятие «социальный капитал» объясняет различия в эффективности институтов регионального и местного самоуправления, подчёркивая, что только формально-правовых механизмов недостаточно для устойчивой кооперации. Р. Патнэм рассматривал социальный капитал комплексно, делая акцент на структурных элементах (сети взаимодействий), культурных элементах (нормы, взаимность, доверие) и на связи с кооперацией ради взаимной выгоды, а не только из-за субъективных установок. Социальный капитал трактуется не как индивидуальное свойство, а как характеристика сообщества, муниципалитета или региона, поддающаяся межтерриториальному сравнению и соотнесению с качеством управления. Сети у Р. Патнэма – устойчивые горизонтальные связи между гражданами (ассоциации, инициативные группы, соседские сообщества), которые создают каналы циркуляции информации, взаимной поддержки и коллективного действия. В нашем исследовании – это наличие и функционирование ТОС, регулярность сходов граждан, вовлечённость в программы поддержки, взаимодействие с НКО и бизнесом, использование цифровых каналов.

Нормы взаимности понимаются как ожидание того, что помощь и кооперация будут ответны в будущем, даже если нет немедленной выгоды. Применительно к Татарстану – это оценка главами «степени участия сельчан», устойчивости практик самообложения, готовности становиться депутатами, готовности к волонтерству и участию в проектах.

Доверие представляет собой системный феномен, возникающий в ходе самоорганизации социума, который позволяет снижать неопределённость и издержки взаимодействия, делая кооперацию более вероятной. Восприятие главами сельских поселений эффективности обратной связи с населением, характера взаимодействия с органами власти разных уровней, оценки барьеров и стимулов к участию рассматривается автором статьи как операционализация феномена социального доверия в исследовании. Сочетание описанных выше трёх элементов формирует гражданскую общность, способную к самоорганизации и контролю над институтами власти.

Р. Патнэм выделял два измерения социального капитала [24].

Bonding social capital – «связывающий» капитал, характерный для гомогенных групп (семейные, родственные, соседские сети, религиозные общины).

Он усиливает внутригрупповую солидарность и взаимопомощь, но может сопровождаться закрытостью и недоверием к «чужим».

Bridging social capital – «соединяющий» капитал, формирующий связи между социально разнородными группами и сообществами (межпоселенческие сети, НКО, партнёрства с внешними акторами). Он способствует формированию обобщённого доверия и расширению радиуса кооперации.

Для сельских поселений Республики Татарстан обозначенные измерения очень актуальны. Высокая плотность родственных и соседских связей создаёт значительный запас «связывающего» капитала, обеспечивающий эффективность традиционных форм участия (сходы граждан, самообложение, коллективные работы). Однако недостаток «соединяющего» капитала, а именно – слабость сетей, связывающих сельчан с внешними институтами (федеральные и республиканские программы, профессиональные сообщества), ограничивает возможности перехода «вынужденного» участия к устойчивым формам гражданской вовлечённости и партнёрств с властью. Соответственно, устойчивые практики участия в МСУ (регулярные сходы граждан, работа ТОС, участие в бюджетных и грантовых программах) можно интерпретировать как инвестиции в социальный капитал, которые повышают эффективность локальной демократии, а не только как следствие нормативных требований закона.

Таким образом, опора на концепцию социального капитала Р. Патнэма задаёт целостную теоретическую рамку, в которой гражданское участие в сельских поселениях Татарстана автором исследования понимается как проявление и одновременно механизм воспроизводства локального социального капитала, непосредственно связанного с качеством локальной демократии и устойчивостью моделей самоорганизации.

Методологический подход, применённый в исследовании, опирается на теорию институтов Д. Норта и О. И. Уильямсона, которая позволяет при интерпретации данных объяснить, почему формальные правила участия граждан в МСУ работают только в сочетании с неформальными нормами поведения, культурными ориентациями и рациональными расчётами жителей и глав поселений.

Согласно Д. Норту, институты закрепляют «правила игры»: формальные (законы, процедуры) задают рамки, а неформальные (нормы взаимности, доверие, традиции) обеспечивают их соблюдение, снижая издержки контроля и принуждения [25]. Формальные правила без неформальной поддержки остаются «бумагой», а люди руководствуются не только рациональным расчётом выгод, но и культурными установками, определяющими ожидания от взаимодействия.

О. И. Уильямсон пишет о транзакционных издержках: эффективность институтов участия зависит от баланса между формальными механизмами (контракты, процедуры) и неформальными нормами, регулирующими оппортунизм и ограниченную рациональность [26]. В сельских поселениях это проявляется так: формальные каналы участия (сходы, общественные обсуждения) эффективны, только если подкреплены локальными нормами доверия и взаимопомощи, иначе издержки на мобилизацию и контроль слишком высоки.

В статье представлены оценки глав сельских поселений, касающиеся соотношения формальных и неформальных практик участия на соответствующих территориях, а также условий, при которых социальный капитал может трансформировать патерналистские ожидания в устойчивые формы самоорганизации.

Методологический подход проведённого автором статьи исследования также опирается на разработки отечественных исследователей, рассматривающих патернализм как устойчивую характеристику взаимодействия государства и общества (А. Л. Темницкий [27], В. Г. Фёдоров [28]). В рамках данного подхода патернализм трактуется как модель, при которой граждане ориентированы на получение от государства социальной поддержки, помощи в решении жизненных проблем и перераспределения ресурсов, что обусловлено исторически сложившимися особенностями политической культуры России. В этих условиях участие населения в местном самоуправлении формируется под влиянием патерналистских установок, определяющих ожидания от власти и границы собственной инициативы. Анализ направленности оценок главами сельских поселений установок населения позволяет эмпирически зафиксировать, каким образом они проявляются в практиках участия. Это, в свою очередь, даёт возможность выявить, в каких случаях ориентация на государственную поддержку сдерживает развитие самоорганизации, а в каких может служить ресурсом для вовлечения граждан в локальные инициативы и взаимодействие с институтами МСУ.

Метод сбора данных. Анализируемые данные были получены с помощью анкетного опроса, инструментарий которого рассылался главам всех 872 сельских поселений Республики Татарстан в июле – августе 2025 г. Были получены ответы 838 глав сельских поселений из 43 муниципальных районов республики. Таким образом, данные опроса можно считать репрезентативными. База данных формировалась и обрабатывалась с использованием IBM SPSS Statistics. Также были изучены законодательные акты, регулирующие деятельность МСУ в Республике Татарстан ¹, проведён анализ информации о деятельности сельских МСУ, размещённой на сайтах и порталах муниципальных образований республики.

Результаты.

Оценка активности населения и самоофективности глав сельских поселений

Анализ ответов глав сельских поселений Татарстана позволяет описать характерную картину гражданской активности в муниципальных районах республики. Жители в основном участвуют в жизни села лишь после напоминаний и призывов со стороны власти, а не по собственной инициативе, это так называемая реактивная стратегия включения жителей. Главы, в свою очередь, высоко оценивают свои умения именно в области администрирования, организации

¹ Министерство юстиции Республики Татарстан : сайт. URL: <https://minjust.tatarstan.ru/zakonMSU.htm> (дата обращения: 01.02.2026).

и реакции на запросы населения. В то же время такие формы местной самоорганизации, как ТОС, не стали для большинства руководителей поселений привычным инструментом работы. Можно говорить об устоявшейся патерналистской схеме отношений: жители ожидают действий и решений от власти, которая сосредоточена на управлении и администрировании, а не на развитии самостоятельной активности граждан (см. рис. 1).

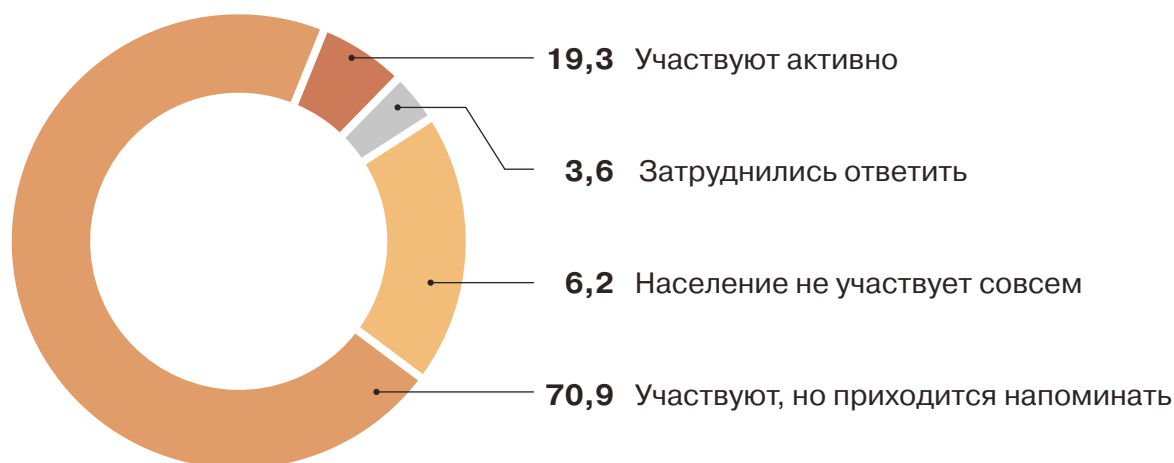

Рис. 1. Распределение оценок главами степени вовлечённости сельчан в вопросы поселения, год 2025, %

Согласно данным опроса, представленным на рисунке 1, из 838 принявших участие в опросе глав сельских поселений лишь пятая часть (19,3%) считают, что жители «участвуют активно» в решении вопросов местного значения. Этот показатель отражает наличие небольшого круга постоянных активистов, характерного для многих локальных сообществ, где публичная активность концентрируется вокруг ограниченного числа лиц. Подавляющее большинство респондентов (70,9%) отмечают преобладание реактивной модели условно-обязательного, «подталкиваемого» действия: «участвуют, но приходится напоминать им об этом». Большинство населения вовлекается в решение местных вопросов не по собственной инициативе, а в ответ на призывы или административное давление со стороны местной власти. Жители готовы откликнуться, но не склонны выступать инициаторами процессов. Подобная модель соответствует концепции «мобилизованного», или «управляемого», участия [29; 30], которая долгое время доминировала в постсоветском пространстве и характеризуется зависимостью гражданских практик от организующей роли институтов. Исследования ряда авторов показывают, что в режиме «управляемого участия» гражданская активность часто принимает либо ритуализированный характер, либо сводится к точечным практикам поддержки уже принятых решений [31; 32]. Только 6,2% глав поселений констатируют полное отсутствие участия населения в общественной жизни, а 3,6% затруднились с ответом. Таким образом, более трёх четвертей глав описывают вовлечённость сельчан как зависимую от инициативы и напоминаний со стороны местной власти, а не как установку на самостоятельное гражданское действие.

Подобное распределение оценок респондентов позволяет предположить, что социальный капитал сельских поселений в его «связывающей» и тем более «соединяющей» формах развит слабо. Преобладает «скрепляющий» (*bonding*) социальный капитал, основанный на доверии и взаимопомощи в рамках узких первичных групп (семья, соседи), но который плохо конвертируется в коллективные действия на уровне всего поселения для решения общезначимых проблем. Низкая проактивность может быть обусловлена комплексом причин: демографическим старением и оттоком молодёжи, исторически сложившейся установкой на патернализм, а также дефицитом времени, финансов и компетенций у населения для систематической общественной работы.

Анализ гражданской активности в рамках социальных исследований показывает, что для перехода от реактивного участия к проактивному необходимы формальные возможности для участия, а также прочный фундамент взаимного доверия, готовность к совместным действиям и позитивный опыт коллективной работы. Из-за недостатка этих факторов местные сообщества часто предпочитают перекладывать ответственность на лидера – главу поселения. Ему доверяют не только принятие решений, но и организацию общественной жизни.

В то же время данные опроса выявляют противоречивую ситуацию: при высокой включённости жителей в отдельные традиционные формы коллективной деятельности (самообложение, участие в благоустройстве, встречи с главой) их участие в других формах гражданского действия (инициативное проектирование, общественный контроль, институт старост, участие в работе ТОС, общественных советов) остаётся ограниченным и в значительной мере зависит от «активизирующих» усилий администрации. Такой тип участия соответствует модели «селективно-реактивной активности», когда готовность жителей к участию высока в ситуациях, напрямую связанных с жизненно важной инфраструктурой и социальной поддержкой, но существенно ниже в сферах стратегического планирования, контроля и критической публичной рефлексии.

Оценка сельскими главами собственной эффективности демонстрирует интересный диссонанс с оценкой активности населения. Главы высоко оценивают свои компетенции в области работы с жителями, но фокус этих компетенций лежит в плоскости администрирования и реагирования, а не взращивания самостоятельных низовых инициатив.

Наиболее распространённым ответом глав поселений на вопрос о наиболее успешно выполняемых ими рабочих задачах стало умение «организовывать самообложение среди граждан» (53,6%) (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос о наиболее успешно выполняемых рабочих задачах, год 2025, % (допускался множественный выбор)

Рабочие задачи	Доля респондентов, n = 838
Развивать ТОС	5,7
Организовывать самообложение среди граждан	53,6

Окончание таблицы 1

Рабочие задачи	Доля респондентов, n = 838
Работать с обращениями жителей	43,7
Подавать заявки на гранты, участвовать в программах, эффективно использовать средства на их реализацию	34,6
Внедрять цифровые технологии, сервисы в работу среди населения	7,6
Сотрудничать с бизнесом и НКО	4,8
Налаживать взаимодействие со спонсорами, предпринимателями, меценатами	31,6
Налаживать взаимодействие с органами государственной власти (района, Республики Татарстан, федеральными органами)	28,7

Самообложение – инструмент, предполагающий сбор средств с жителей на конкретные нужды поселения (ремонт, благоустройство). В Республике Татарстан практика самообложения реализуется с 2013 года с софинансированием из республиканского бюджета (на каждый собранный рубль с жителей республика добавляет 4 руб.) [22]. Успех в этой сфере больше объясняется доверием населения к этому инструменту вследствие многолетней ежегодной практики и возможностью оценить результат проделанной работы. Но, несомненно, важно и доверие населения к главе в финансовых вопросах и его способности аргументировать необходимость взносов на конкретные цели, то есть мобилизовывать население на сбор средств. Это вертикальная модель «сверху-вниз»: инициатива и организационная рамка задаются главой, а население выступает ресурсом (в данном случае финансовым).

Вторая наиболее успешно выполняемая задача – это работа с обращениями жителей (43,7%), то есть реагирование на индивидуальные запросы, жалобы и просьбы, адресуемые в администрацию поселения. Умение работать с обращениями жителей – это одна из базовых задач любого уровня власти. В сельском поселении, где глава и жители находятся в постоянном личном контакте, эта функция приобретает особое значение. Высокая самооценка главами успешности выполнения такой функции показывает, что они видят себя в первую очередь ответственными за реакцию на запросы и решение проблем граждан. Такая роль действительно необходима, но она по своему характеру остаётся именно реактивной, главы поселений откликаются на уже возникшие проблемы, но не инициируют изменений.

Третье место по успешности реализации среди управленческих компетенций занимает умение подавать заявки на гранты, участвовать в программах, эффективно использовать выделяемые на них средства (34,6%). Данный показатель отражает институциональную особенность Республики Татарстан, где активно развивается система грантовой поддержки местных инициатив. В регионе действуют как федеральные программы («Комплексное развитие

сельских территорий», «Вода России», «Земский доктор/учитель»), так и республиканские механизмы, включая конкурсную поддержку проектов ТОС, гранты на развитие материально-технической базы учреждений культуры, программы по благоустройству и т. д. Для значительной доли сельских администраций гранты являются одним из немногих реальных источников финансирования инфраструктурных проектов, ремонта социальных объектов и благоустройства общественных пространств. Это сформировало запрос на особый тип компетенций руководителя: от главы сегодня требуется не только знание административных процедур, но и способность ориентироваться в конкурсной документации, грамотно составлять заявки, обосновывать сметы, отчитываться по целевому использованию средств. Сельский глава здесь выступает в роли «добытчика»: он не столько генерирует ресурсы внутри поселения, сколько привлекает их из республиканского и федерального бюджетов. Эта модель успешно работает в условиях развитой грантовой инфраструктуры, но одновременно закрепляет зависимость сельских территорий от внешнего финансирования и сохраняет логику вертикального распределения ресурсов.

Достаточно хорошо, по мнению сельских глав, у них получается налаживать взаимодействие «со спонсорами, предпринимателями, меценатами» (31,6%) и «с органами государственной власти (района, Республики Татарстан, федеральными органами)» (28,7%). Доли респондентов, выделивших успешность в решении данных задач, возможно, указывают на ситуативный, проектный характер упомянутого взаимодействия, поскольку оно активизируется тогда, когда возникает конкретная потребность, а именно – необходимость изыскать финансирование в районе или найти спонсора для проведения какого-либо мероприятия. В то же время следует отметить, что спонсорская поддержка в сельских поселениях республики очень развита, особенно благодаря выходцам из сёл, которые достигли определённых успехов и имеют возможность оказывать всяческую помощь «малой родине» [21]. Взаимодействие сельских глав с органами государственной власти строго регламентировано нормативными документами, однако избыточная бюрократизация и недостаточная гибкость существующих процедур существенно ограничивают его эффективность в решении местных вопросов.

Значительно менее востребованными оказались компетенции, связанные с развитием горизонтальных связей и гражданской самоорганизации. Вариант «развивать ТОС» набрал лишь 5,7%. ТОС представляет собой институциональную форму низовой самоорганизации, наиболее приближенную к населению. Низкий показатель может указывать на то, что работа по созданию и поддержке автономных от администрации общественных структур не является для большинства сельских глав приоритетной или успешной. Схожие низкие показатели у вариантов «сотрудничать с бизнесом и НКО» (4,8%) и «внедрять цифровые технологии, сервисы в работу среди населения» (7,6%). Последнее особенно показательно в контексте цифровизации публичного управления и указывает

на возможный разрыв между технологическими возможностями и реальными практиками на селе.

Таким образом, самоэффективность глав сельских поселений сконцентрирована преимущественно в сфере вертикального взаимодействия: мобилизация ресурсов населения (самообложение), реагирование на их запросы (обращения) и привлечение ресурсов извне (гранты). Навыки, связанные с развитием горизонтального социального капитала, гражданской инфраструктуры (ТОС, НКО) и современных цифровых форм коммуникации, развиты существенно слабее. В этой системе глава оказывается своего рода «распределительным центром»: без его участия затруднено как получение ресурсов, так и согласование действий. В результате горизонтальная активность жителей остаётся на периферии, уступая место вертикальному управлению.

В сельских поселениях доминирует реактивная модель гражданского участия, при которой большинство жителей включаются в общественные дела лишь по инициативе администрации. Это свидетельствует о сохранении патерналистских установок и дефиците проактивного социального капитала. Высокая самооценка сельскими главами своей успешности именно в сфере самообложения и работы с обращениями, при низкой оценке собственной способности развивать ТОС, указывает на укоренённость «административно-мобилизационного» сценария, при котором глава выступает не партнёром и модератором общественных инициатив, а организатором и посредником между населением и вышестоящими уровнями власти. Складывается круг, разорвать который сложно: система снова и снова использует привычные административные инструменты и почти не создаёт условий для того, чтобы у людей появился опыт реального соучастия в управлении. Такая модель позволяет поддерживать порядок и решать текущие вопросы, но не даёт импульса для долгосрочного развития. Между тем старение и отток населения, нехватка собственных средств и растущие запросы к качеству жизни требуют другого подхода. Необходим переход к партнёрским отношениям, где власть и жители совместно определяют приоритеты развития и несут ответственность за результат.

Эффективные формы участия и обратной связи в системе МСУ

Анализ представлений глав сельских поселений об эффективных формах участия граждан в МСУ демонстрирует устойчивое доминирование традиционных, очных и персонифицированных практик взаимодействия власти и населения. Полученные результаты отражают специфику сельского социального контекста и особенности институциональной среды, в которой реализуется МСУ. По мнению глав сельских поселений, наиболее эффективной формой участия сельчан являются сходы граждан: данный вариант набрал 71,4% (см. рис. 2).

Рис. 2. Структура предпочтений сельских глав относительно форм участия сельчан в МСУ, год 2025, % (допускался множественный выбор)

Высокая оценка сходов граждан указывает на их ключевую роль как универсального института сельского самоуправления, выполняющего одновременно функции информирования, коллективного обсуждения и легитимации принимаемых решений. В условиях малых сообществ сход граждан остаётся наиболее понятной и социально укоренённой формой вовлечения населения, обеспечивающей символическое и практическое признание решений со стороны жителей.

Второе место по значимости занимает самообложение граждан (67,9%). Его высокая оценка респондентами объясняется не только финансовым значением для бюджетов сельских поселений, но и социальной функцией: участие в самообложении воспринимается как форма коллективной ответственности и практическая реализация принципа соучастия жителей в развитии своей территории. Самообложение в сёлах республики функционирует как социальная практика, опирающаяся на плотные неформальные связи и локальные нормы взаимных обязательств.

В отличие от самообложения, значимость участия сельчан в таком партисипаторном инструменте, как инициативное бюджетирование, главами оценивается значительно ниже (8,1%). Низкая оценка этого инструмента коррелирует с его фактическим статусом в регионе – формально он существует в нормативной плоскости, но не обеспечивается системным выделением средств из республиканского бюджета и остаётся преимущественно в фазе пилотных проектов и обсуждений¹. В Татарстане проекты по инициативному бюджетированию

¹ Инициатива финансово наказуема // Коммерсантъ : сайт. 30.12.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4637743?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 03.02.2026); Гордеева Н. В Госсовете предложили ввести инициативное бюджетирование как альтернативу самообложению // Татар информ : сайт. 16.10.2023. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-gossovete-predlozili-vvesti-iniciativnoe-byudzetirovanie-kak-alternativu-samooblozeniyu-5922942?utm> (дата обращения: 03.02.2026); Собрать деньги не только с жителей, но и с бизнеса: Татарстану предлагают новое самообложение // KAZANFIRST : сайт. 20.11.2024. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/sobrat-dengi-ne-tolko-s-zhitelej-no-i-s-biznesa-tatarstanu-predlagayut-novoe-samooblozhenie?utm> (дата обращения: 02.02.2026).

и порядок проведения конкурсного отбора размещены на официальных ресурсах 2, то есть механизмы и процессы для реализации данных проектов можно считать юридически и организационно подготовленными. Но на практике выделение средств если и происходило, то носило эпизодический и фрагментарный характер. Вследствие этого сельские главы предпочитают формы участия, которые уже доказали свою ресурсную эффективность в республике (самообложение), а инициативное бюджетирование остаётся для них «инструментом ожидания», который пока не обеспечивает необходимое финансирование проектов.

Такую форму участия, как «личные неофициальные обращения, просьбы, жалобы», многие руководители воспринимают как работающий механизм вовлечения людей в МСУ (27,7%). Но личная просьба не создаёт коллективного субъекта, не формирует повестку для всего сельского поселения, не порождает устойчивых практик самоорганизации. Поэтому, признавая её эффективность в конкретных ситуациях, главы не ставят её в один ряд со сходами и самообложением, которые работают на уровне сообщества в целом. Неформальное обращение решает проблему конкретного человека; сход и самообложение направлены на решение проблем поселения.

Другие формы гражданского участия, такие как волонтерство (13,7%), общественные слушания (6,3%), опросы и анкетирование (6%), упоминаются реже, что не свидетельствует о полном отсутствии данных практик, однако может указывать на их вторичный характер по сравнению с традиционными формами коллективного взаимодействия.

Распределение предпочтений демонстрирует ориентацию глав сельских поселений на проверенные и институционально укоренённые формы участия, обеспечивающие управляемость процессов и предсказуемость реакции населения. Это позволяет говорить о воспроизводстве традиционалистской модели гражданского участия, адаптированной к условиям сельской местности.

Аналогичная структура предпочтений выявляется и по отношению к оценкам форм обратной связи между органами МСУ и населением (см. рис. 3).

Рис. 3. Оценка сельскими главами эффективности каналов обратной связи с жителями, год 2025, % (допускался множественный выбор)

Абсолютным лидером в эффективности каналов обратной связи вновь выступают сходы граждан (72,1%), что подтверждает их универсальный характер как канала двусторонней коммуникации. Существенную роль играют личные неофициальные обращения (40,9%), что свидетельствует о персонифицированном характере власти на сельском уровне: глава поселения воспринимается жителями как доступный и конкретный адресат для запросов. Важным элементом современной коммуникационной структуры становится использование социальных сетей и мессенджеров (39,3%). Их значимость сопоставима с личными обращениями, но цифровые каналы в данном случае не вытесняют традиционные формы, а интегрируются в них, образуя гибридную модель обратной связи. Социальные сети и мессенджеры используются преимущественно для оперативного информирования и координации, тогда как ключевые решения и обсуждения по-прежнему концентрируются вокруг очных форм взаимодействия. Такие формы обратной связи, как общественные слушания (9,7%), опросы и анкетирование (10,6%), горячая линия / телефонные обращения (13,2%), почтовые и электронные обращения (7%), работа с ТОС (5,5%), оцениваются значительно ниже, но всё же имеют место.

В совокупности полученные данные подтверждают, что в сельских поселениях сохраняется ориентация на формы участия и обратной связи, основанные на непосредственном личном контакте, высокой плотности социальных связей и локальном доверии. Современные партисипаторные и цифровые инструменты воспринимаются как вспомогательные и не обладают самостоятельной легитимирующей силой. Это позволяет говорить о гибридном характере сельского МСУ, в рамках которого элементы модернизации сосуществуют с устойчивым традиционализмом управленческих и коммуникативных практик.

Институт депутатов сельских поселений: между функциональностью и кадровым дефицитом

В муниципальных образованиях Татарстана свыше 7,5 тыс. человек составляют депутатский корпус городских и сельских поселений. При этом именно сельские депутаты остаются для значительной части населения регулярно доступным каналом представительства интересов «на земле», что подтверждает актуальность анализа их мотивации, кадрового воспроизводства и реальной вовлечённости в решение вопросов местного значения в условиях продолжающейся реформы системы МСУ.

Анализ данных, характеризующих состояние института депутатов сельских поселений, показывает имеющееся противоречие. С одной стороны, депутатский корпус сохраняет высокую функциональную значимость – по мнению сельских глав. С другой стороны, воспроизводство этого института сталкивается с системными трудностями, обусловленными падением привлекательности депутатского мандата и кризисом мотивации потенциальных кандидатов.

На вопрос о сложности поиска кандидатов в депутаты (см. рис. 4) лишь 3,6% глав ответили, что такие находятся легко. Подавляющее большинство респондентов

(96,2%) отмечают наличие проблем в этой сфере. При этом оценки распределяются следующим образом: 36,5% глав поселений констатируют, что найти кандидатов «очень сложно», а 59,7% признают, что «бывают трудности, но они решаемые».

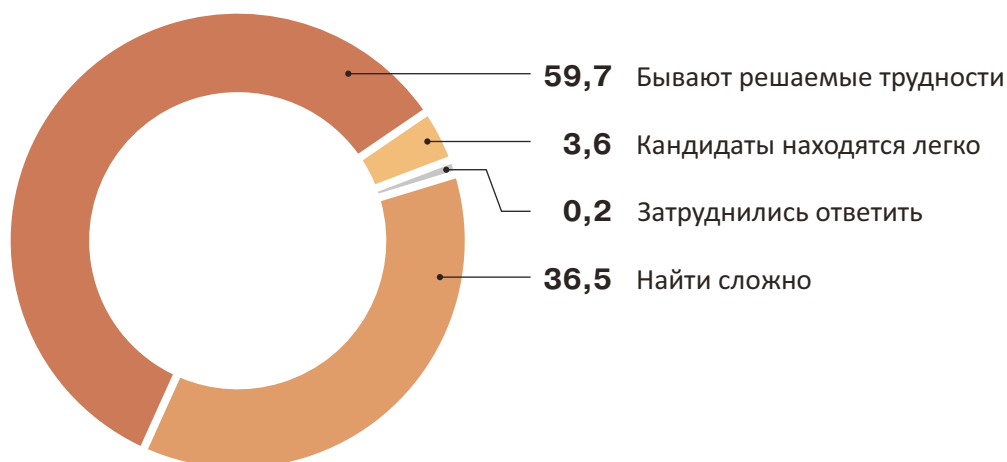

Рис. 4. Оценка сельскими главами кадровой ситуации при формировании депутатского корпуса, год 2025, %

Данные рисунка 4 показывают, что проблема кадрового дефицита в представительных органах носит общереспубликанский системный характер, лишь единицы глав не сталкиваются с ней. Но важно, что для большинства (59,7%) проблема пока остаётся преодолимой, удаётся находить кандидатов, хотя и с усилиями. В то же время более трети глав (36,5%) испытывают кадровый голод, для них поиск депутатов превращается в серьёзную проблему.

Респонденты отмечают, что самой распространённой причиной нежелания жителей избираться в представительные органы является убеждение в том, что деятельность депутата – это «безвозмездная работа, депутаты не получают зарплату» (62,3%). Вторую позицию занимает мнение о непрестижности деятельности депутата сельского поселения (32,7%). Отмечаются также такие факторы, как недостаток свободного времени (28,3%), «большая ответственность» (27,7%), пожилой возраст (16,6%), конфликты с жителями (15,3%), «неверие в возможность что-то изменить» (12,6%).

Данные опроса дают возможность выделить барьеры, которые останавливают потенциальных кандидатов в депутаты. Главный барьер – материальный. Депутатство требует временных и эмоциональных затрат, но не приносит дохода. В условиях, когда сельское население в значительной части ориентировано на поиск работы или совмещение нескольких источников заработка, безвозмездная общественная нагрузка становится невозможной.

Второй барьер статусный. Отсутствие престижа указывает на то, что депутатский мандат не воспринимается как социальный лифт, как знак уважения или признания. Напротив, он ассоциируется с дополнительной обузой при отсутствии символических дивидендов.

Третий барьер ресурсный – дефицит свободного времени, поскольку люди заняты зарабатыванием средств и не могут позволить себе регулярно

участвовать в заседаниях, работать с избирателями, вникать в бюджетные вопросы. Демографическая ситуация в сельских поселениях также ограничивает круг желающих избираться и эффективно работать в представительных органах.

Четвёртый барьер психологический. Большая ответственность и боязнь конфликтов с односельчанами свидетельствуют о том, что люди стремятся избегать публичных претензий и личных обид. В малом сообществе, где все друг друга знают, конфликт с соседом на почве нерешённой проблемы становится общеизвестным.

Пятый барьер мировоззренческий. Скептическое отношение к результативности депутатской работы указывает на утрату доверия к формальным механизмам участия.

Из ответов респондентов также можно выделить дополнительный «декларационный барьер», суть которого состоит в обременительности процедуры декларирования доходов и имущества для должности, не предполагающей вознаграждения, а также страх административной ответственности за решения, принимаемые в условиях ограниченных ресурсов поселений: *«Депутат, имеющий хорошую финансовую обеспеченность, не желает показывать свои доходы в декларации»*; *«Ежегодно сдавать справку о доходах»*; *«Заполнение декларации, так как денег не получают за работу»*; *«Сдача справок о доходах и расходах, показ имущества, счетов в банках, сбор справок. Большая ответственность, прокурорские проверки»*.

Институт депутатов, будучи формально безвозмездным, тем не менее обременён отчётными процедурами, характерными для оплачиваемых должностей. Возникает ситуация, при которой государство предъявляет к безвозмездным общественникам требования, но не сопровождает их ни заработной платой, ни социальными гарантиями. Это становится мощнейшим демотивирующим фактором, особенно для людей, имеющих реальный доход и не желающих его афишировать.

Несмотря на кадровый дефицит, сельские главы высоко оценивают роль депутатов в управлении поселением (см. рис. 5).

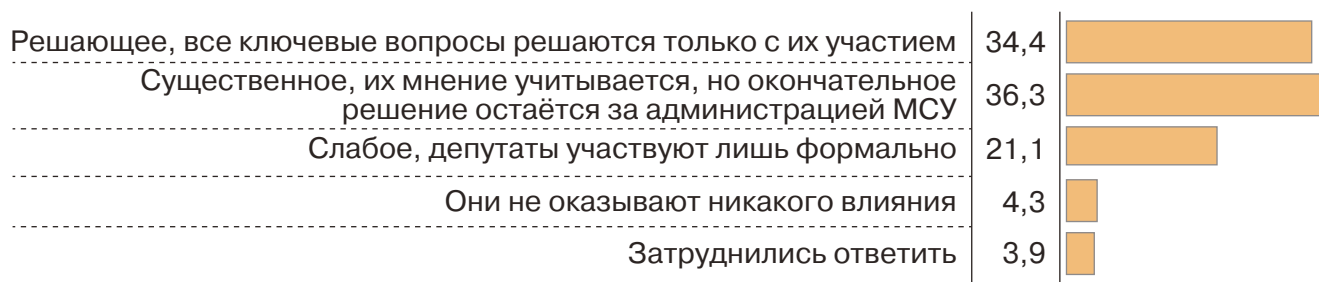

Рис. 5. Оценка главами сельских поселений степени влияния депутатов на принятие решений, год 2025, %

Более 70% опрошенных глав сельских поселений признают депутатский корпус реально влиятельной силой.

Распределение ответов респондентов о наиболее важных функциях депутатов соотносится с оценками их влияния на принятие решений (см. рис. 6).

Рис. 6. Приоритетные направления депутатской деятельности в оценках сельских глав, год 2025, % (допускался множественный выбор)

Абсолютное большинство глав видят главную миссию депутатов в «представлении интересов жителей» (на рис. 65,5%). Второй по значимости функцией названо «решение вопросов благоустройства» (55,4%). Третьей – «повышение активности граждан» (на рис. 39,9%). Далее идут такие функции, как «утверждение местного бюджета» (22,1%) и «поиск спонсоров» (21,6%). Наименьшие доли у функций «контроль за деятельностью администрации» (на рис. 9%) и «помощь при подаче заявок на гранты, программы» (9,7%).

Данные позволяют сделать вывод о том, как именно главы видят роль депутатов в системе МСУ. Депутат для них – это прежде всего «голос жителей», транслятор их запросов и проблем во власть. Вторая по значимости функция – «хозяйственник на территории», человек, отвечающий за состояние дорог, освещения, детских площадок. Интересно, что такие классические представительские функции, как утверждение бюджета и контроль за администрацией, оказались на периферии. Это говорит о том, что в реальной практике сельского управления депутаты воспринимаются не столько как «контролёры» или «законодатели», сколько как «помощники» глав, работающие с населением и решающие локальные проблемы.

Сопоставление полученных данных о трудностях кадрового воспроизводства и о высокой функциональной значимости депутатов обнаруживает институциональное противоречие. Система МСУ остро нуждается в депутатах, признаёт их роль и влияние, но при этом не может обеспечить приток новых людей. Депутатский корпус стареет, воспроизводится с трудом, а механизмы мотивации (материальные, статусные, символические) практически отсутствуют. Кадровый ресурс поддерживается за счёт личных усилий глав и инерции существующего состава, но по мере естественного старения населения поселений и выбывания депутатов проблема будет только обостряться. Преодоление этого кризиса требует пересмотра самой модели низового представительства через введение достойной оплаты депутатского труда или упрощение отчётных требований и снижение административной нагрузки. Без этих изменений институт сельских депутатов рискует превратиться в формальную структуру, не способную выполнять возлагаемые на неё функции.

Заключение

Проведённое исследование выявило устойчивые особенности гражданского участия и функционирования социального капитала в сельских поселениях Республики Татарстан, зафиксированные в оценках и практическом управленческом опыте их глав. Полученные данные показывают, что в сельских поселениях преобладает реактивная модель участия, при которой большинство жителей вовлекаются в решение вопросов местного значения по инициативе органов МСУ и при их активной координирующей роли. Проактивное гражданское участие населения выражено в ограниченной степени и концентрируется вокруг небольшого числа постоянных участников.

Анализ показал, что социальный капитал сельских поселений преимущественно формируется за счёт плотных локальных связей, поддерживающих традиционные практики коллективного действия, прежде всего – через сходы граждан и самообложение. Вместе с тем данные формы участия в значительной степени воспроизводят вертикальную модель взаимодействия, где ключевая организационная и координирующая роль принадлежит главе сельского поселения. Недостаточная развитость «соединяющего» социального капитала затрудняет институционализацию устойчивых форм самоорганизации (деятельность ТОС) и участие в более сложных партисипаторных механизмах.

Самооценки глав сельских поселений отражают приоритет административно-мобилизационных функций, связанных с организацией самообложения, работой с обращениями граждан и привлечением внешних ресурсов через программные и грантовые механизмы. В то же время развитие горизонтальных форм взаимодействия, сотрудничество с НКО и бизнесом, а также использование цифровых инструментов вовлечения населения остаются на периферии управленческих приоритетов. То есть сельский глава выступает центральным посредником между населением и вышестоящими уровнями власти, а гражданская активность сохраняет зависимый и фрагментарный характер.

Исследование выявило институциональное противоречие в функционировании депутатского корпуса сельских поселений, проявляющееся в сочетании признанной значимости депутатов и устойчивого кадрового дефицита. Основными барьерами воспроизводства депутатского корпуса выступают безвозмездный характер деятельности, отсутствие престижности мандата, высокая ответственность и обременительные отчётные требования. Сохранение данных условий усиливает риски формализации института депутатства и ослабления представительной составляющей МСУ.

В целом сельское МСУ Республики Татарстан предстаёт как гибридная система, в которой патерналистские ожидания населения, управляемые формы участия и элементы самоорганизации сосуществуют, не складываясь в устойчивую модель партнёрского взаимодействия.

Зафиксированные особенности указывают на структурные ограничения развития локальной демократии и подчёркивают роль социального капитала

как ключевого ресурса трансформации гражданского участия в сельских территориях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нечаев Д. Н. Сельские поселения как микромодель гражданского общества в рамках муниципального образования // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 60–67. DOI [10.12737/13174](#). EDN [ULESTR](#).
2. Личак Н. А., Руденко Л. Д. Институт местного самоуправления в восприятии граждан России // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 1 (23). С. 5–20. DOI [10.20323/2658-7866-2025-1-23-5](#). EDN [JWKVVC](#).
3. Мархинин В. В., Ушакова Н. В. Нормативные и практические аспекты политического участия и самоуправления граждан: анализ кейса (по материалам исследования органов местного самоуправления в Сургутском районе) // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 9. С. 55–60. DOI [10.24158/пер.2024.9.6](#). EDN [PUCBPK](#).
4. Гамидов С. С. Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России // Управление. 2019. Т. 7, № 2. С. 5–10. DOI [10.26425/2309-3633-2019-2-5-10](#). EDN [OWKCUD](#).
5. Вручинская Э. А. Правовые формы участия граждан в местном самоуправлении // Вестник магистратуры. 2021. № 5-6 (116). С. 106–110. EDN [MVTTKQ](#). URL: https://www.magisterjournal.ru/docs/VM116_6.pdf (дата обращения: 17.05.2026).
6. Копотева И. В. Гражданское общество и гражданская активность сельской России // Крестьяноведение. 2016. Т. 1, № 1. С. 142–166. DOI [10.22394/2500-1809-2016-1-1-142-166](#). EDN [ZBFBSP](#).
7. Гусаков Т. Ю. Развитие социального капитала сельской местности на Крымском полуострове (на примере села Новоалексеевка) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 156–171. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171](#). EDN [МКНМНК](#).
8. Гужавина Т. А. Социальный капитал сельского населения: к оценке состояния // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 136–152. DOI [10.15838/ptd.2018.4.96.9](#). EDN [XUFIIX](#).
9. Гужавина Т. А. Гражданское участие как экстерналия социального капитала // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 1 (25). С. 37–54. DOI [10.19181/snsp.2019.7.1.6268](#). EDN [CHLUYU](#).
10. Зинатуллина Г. Ф. Конвертация социального капитала сельской семьи региона // Регионоведение. 2015. № 1 (90). С. 134–142. EDN [TNDZVN](#).
11. Бражник Г. В., Шевченко Н. В. Факторы риска при формировании социального капитала на селе // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). С. 60–65. EDN [SYBADX](#).
12. Бражник Г. В., Бабинцев В. П., Шевченко Н. В. Условия формирования и воспроизводства социального капитала сельских жителей // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 16 (187). С. 49–53. EDN [TEDLHP](#).
13. Швецов А. Н. Государственный патернализм или региональная свобода? // Федерализм. 2016. № 2 (82). С. 109–122. DOI [10.21686/2073-1051-2016-2-109-122](#). EDN [WDIQR](#).
14. Фадеева О. П., Нефёдкин В. И. «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане // Крестьяноведение. 2018. Т. 3, № 3. С. 95–114. DOI [10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114](#). EDN [YMMJZZ](#).

15. Фадеева О. П., Нефедкин В. И. Неформальное государственно-частное партнёрство как инициатива снизу: сельские кейсы // Крестьяноведение. 2020. Т. 5, № 3. С. 131–145. DOI [10.22394/2500-1809-2020-5-3-131-145](#). EDN [VDBTPR](#).
16. Шомина Е. С. Самоорганизация жителей в сельских поселениях – взгляд сквозь розовые очки // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2 (30). С. 114–132. DOI [10.19181/snsp.2020.8.2.7308](#). EDN [MGJNAT](#).
17. Виноградский В. Г., Виноградская О. Я. Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 2. С. 355–367. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367](#). EDN [ROZNSD](#).
18. Аверкиева К. В., Куксин Я. К. Роль низовой самоорганизации населения в развитии периферийной сельской местности // Известия Русского географического общества. 2025. Т. 157, № 4. С. 486–504. DOI [10.7868/S3034538325040026](#). EDN [ZXIJST](#).
19. Реутов Е. В. Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина, А. А. Турьянский // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4 (140). С. 145–164. DOI [10.14515/monitoring.2017.4.10](#). EDN [YLYNUZ](#).
20. Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнёрства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72–82. DOI [10.31857/S013216250015275-5](#). EDN [NHSLVN](#).
21. Сагдиева Э. А. Реципрокность и патрон-клиентизм как формы института сетевой взаимопомощи в сёлах Республики Татарстан // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 229–246. DOI [10.31857/S0869541524020129](#). EDN [CJVTKZ](#).
22. Сагдиева Э. А. Что удалось сделать в сельском Татарстане за десять лет реализации системы самообложения населения // Историческая этнология. 2024. Т. 9, № 2. С. 262–275. DOI [10.22378/he.2024-9-2.262-275](#). EDN [BLPGRP](#).
23. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.
24. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York : Simon & Schuster, 2000. 544 p. ISBN 978-0-7432-0304-3.
25. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 159 p.
26. Williamson O. E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. New York : Free Press, 1985. 450 p.
27. Темницкий А. Л. Патерналистские основы российской цивилизации в сфере труда // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2 (10). С. 51–69. EDN [RYVHRO](#).
28. Федоров В. Г. Государственный патернализм как социокультурная матрица российской цивилизационной выживаемости // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 51. С. 17–29. DOI [10.26516/2073-3380.2025.51.17](#). EDN [SSDVWC](#).
29. Поцелуев С. П., Цибенко С. Н. Феномен национальной мобилизации: к уточнению концепта // Ars Administrandi. 2019. Т. 11, № 1. С. 1–23. DOI [10.17072/2218-9173-2019-1-1-23](#). EDN [VWYTFS](#).
30. Ушакова С. Н. Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов II региональной молодёжной науч. конф. / Отв. ред. А. К. Кириллов. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2008. С. 205–212.

31. Зеленцов В. В. Развитие общественного участия в местном самоуправлении в муниципальных образованиях Республики Бурятия // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 3 (32). С. 40–47. EDN [HRQXKC](#).
32. Великий П. П., Вяльшина А. А. Предпосылки реализации потенциала социальной активности сельских жителей в современных формах гражданского участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 110–136. DOI [10.17323/1999-5431-2024-0-3-110-136](#). EDN [TFOFES](#).

Сведения об авторе

Э. А. Сагдиева

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: [3056-1578](#)

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 26.05.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.2.3](#)

CIVIC PARTICIPATION AND SOCIAL CAPITAL IN RURAL SETTLEMENTS: BETWEEN PATERNALISM AND SELF-ORGANIZATION

Elvina Azadovna Sagdieva

Marjani Institute for History
under Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia

Elvina_n@inbox.ru,
ORCID [0000-0003-4510-9467](#)

For citation: Sagdieva E. A. Civic participation and social capital in rural settlements: between paternalism and self-organization. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):42–66. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.2.3](#).

Abstract. The article analyzes models, barriers, and the effectiveness of civic participation in rural settlements of the Republic of Tatarstan in the context of the condition and reproduction of social capital. The empirical basis of the study consists of data from a questionnaire survey of heads of all rural settlements in 43 municipal districts of the Republic of Tatarstan conducted in 2025, as well as interview materials collected in 2024–2025. The theoretical and methodological framework draws on R. Putnam's concept of social capital, the institutional approach of D. North and O. Williamson, and theories of paternalism in governance. The findings demonstrate the predominance of a reactive model of civic participation in rural settlements, in which public involvement is largely initiated and sustained by local self-government bodies. A prevalence of “bonding” social capital alongside the weak development of “bridging” forms is identified, which constrains the transition to sustainable practices of self-organization. It is established that heads of rural settlements highly assess their own effectiveness in administration, resource mobilization, and handling citizens’

appeals, but far less often regard the development of territorial public self-government and horizontal forms of interaction as priorities of their activity. An analysis of preferred forms of participation and feedback indicates the dominance of traditional face-to-face practices (citizens' assemblies, self-taxation), supplemented by digital communication channels. Particular attention is paid to the institution of rural deputies, characterized by a combination of high functional significance and a pronounced personnel shortage. The results obtained make it possible to characterize contemporary rural local self-government as a hybrid system combining elements of paternalism, managed participation, and limited self-organization of the population.

Keywords: civic participation, social capital, rural settlements, local self-government, paternalism, self-organization, Republic of Tatarstan

Acknowledgments: The work was carried out with the help of a grant provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to scientific and scientific-pedagogical workers of separate structural divisions of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan with the aim of stimulating them to defend doctoral dissertations and carry out scientific research work.

REFERENCES

1. Nechaev D. N. Rural settlements as a micro-model of civil society within municipalities. *Journal of Public and Municipal Administration=Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. 2015;(2):60–67. (In Russ.). DOI [10.12737/13174](https://doi.org/10.12737/13174).
2. Lichak N. A., Rudenko L. D. Local self-governance institution in Russian citizens' perception. *World of Russian-speaking countries=Mir russkogovorjashhih stran*. 2025;1(23):5–20. (In Russ.). DOI [10.20323/2658-7866-2025-1-23-5](https://doi.org/10.20323/2658-7866-2025-1-23-5).
3. Markhinin V. V., Ushakova N. V. Normative and practical aspects of political participation and citizen self-governance: case study. *Society: Politics, Economics, Law=Obshchestvo: politika, jekonomika, pravo*. 2024;(9):55–60. (In Russ.). DOI [10.24158/pep.2024.9.6](https://doi.org/10.24158/pep.2024.9.6).
4. Gamidov S. S. Current problems of civic participation in local self-government in Russia. *Management=Upravlenie*. 2019;7(2):5–10. (In Russ.). DOI [10.26425/2309-3633-2019-2-5-10](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-2-5-10).
5. Vrchinskaya E. A. Legal forms of citizen participation in local self-government. *Master's Journal=Vestnik Magistratury*. 2021;(5-6):106–110. (In Russ.). Available at: https://www.magisterjournal.ru/docs/VM116_6.pdf (accessed: 17.05.2022).
6. Kopoteva I. V. Civil society and civic activity of rural Russia. *Russian Peasant Studies=Krest'janovedenie*. 2016;1(1):142–166. (In Russ.). DOI [10.22394/2500-1809-2016-1-1-142-166](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2016-1-1-142-166).
7. Gusakov T. Yu. Development of social capital in rural areas of the Crimean Peninsula. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Sociologija*. 2023;23(1):156–171. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171).
8. Guzhavina T. A. Social capital of rural population: assessment of condition. *Problems of Territory's Development=Problemy razvitija territorii*. 2018;4(96):136–152. (In Russ.). DOI [10.15838/ptd.2018.4.96.9](https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.9).
9. Guzhavina T. A. Civic engagement as an externality of social capital. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019;7(1):37–54. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.1.6268](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6268).

10. Zinatullina G. F. Conversion of social capital of a rural family. *Regionology=Regionologija*. 2015;1(90):134–142. (In Russ.).
11. Brazhnik G. V., Shevchenko N. V. Risk factors in formation of social capital in rural areas. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law=Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*. 2014;(9):60–65. (In Russ.).
12. Brazhnik G. V., Babintsev V. P., Shevchenko N. V. Conditions for formation and reproduction of rural residents' social capital. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law=Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*. 2014;(16):49–53. (In Russ.).
13. Shvetsov A. N. State paternalism or regional freedom? *Federalism=Federalizm*. 2016;(2):109–122. (In Russ.). DOI [10.21686/2073-1051-2016-2-109-122](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2016-2-109-122).
14. Fadeeva O. P., Nefedkin V. I. Regional dirigisme and rural self-organization in Tatarstan. *Russian Peasant Studies=Krest'janovedenie*. 2018;3(3):95–114. (In Russ.). DOI [10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114).
15. Fadeeva O. P., Nefedkin V. I. Informal public-private partnership as a grassroots initiative: rural cases. *Russian Peasant Studies=Krest'janovedenie*. 2020;5(3):131–145. (In Russ.). DOI [10.22394/2500-1809-2020-5-3-131-145](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2020-5-3-131-145).
16. Shomina E. S. Self-organization of residents in rural settlements: a critical view. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(2):114–132. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.2.7308](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7308).
17. Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya. The phenomenon of rural self-organization. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija*. 2023;23(2):355–367. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367).
18. Averkieva K. V., Kuksin Ya. K. Role of grassroots self-organization in development of peripheral rural areas. *Izvestiya of the Russian Geographical Society=Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 2025;157(4):486–504. (In Russ.). DOI [10.7868/S3034538325040026](https://doi.org/10.7868/S3034538325040026).
19. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V., Turyansky A. A. Self-organization in local communities. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2017;(4):145–164. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2017.4.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.10).
20. Medvedeva N. V., Frolova E. V., Rogach O. V. Territorial public self-government and local authorities. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2021;(10):72–82. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250015275-5](https://doi.org/10.31857/S013216250015275-5).
21. Sagdieva E. A. Reciprocity and patron-clientelism in rural Tatarstan. *Ethnographic Review=Etnograficheskoe obozrenie*. 2024;(2):229–246. (In Russ.). DOI [10.31857/S0869541524020129](https://doi.org/10.31857/S0869541524020129).
22. Sagdieva E. A. Results of ten years of population self-taxation in rural Tatarstan. *Historical Ethnology=Istoricheskaja jetnologija*. 2024;9(2):262–275. (In Russ.). DOI [10.22378/he.2024-9-2.262-275](https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.262-275).
23. Putnam R. Making democracy work: civic traditions in modern Italy [Chtoby' demokratiya srahotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii]. Moscow: Ad Marginem; 1996. 287 p. (In Russ.).
24. Putnam R. D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York: Simon & Schuster; 2000. 544 p. ISBN 978-0-7432-0304-3.
25. North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 159 p.

26. Williamson O. E. The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting. New York: Free Press; 1985. 450 p.
27. Temnitsky A. L. Paternalistic foundations of Russian civilization in the sphere of labor. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2015;2(10):51–69. (In Russ.).
28. Fedorov V. G. State paternalism as a sociocultural matrix of Russian civilizational survival. *Izvestiya of Irkutsk State University. Series Political Science and Religious Studies=Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 2025;(51):17–29. (In Russ.). DOI [10.26516/2073-3380.2025.51.17](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.17).
29. Potseluev S. P., Tsybenko S. N. The phenomenon of national mobilization. *Ars Administrandi*. 2019;11(1):1–23. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-9173-2019-1-1-23](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-1-1-23).
30. Ushakova S. N. Social mobilization as a systemic characteristic of Soviet society. In: *Historical research in Siberia*. A. K. Kirillov, ed. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN; 2008. P. 205–212. (In Russ.).
31. Zelentsov V. V. Developing public participation in local government in the Republic of Buryatia. *Municipality: Economics and Management=Municipalitet: e'konomika i upravlenie*. 2020;(3):40–47. (In Russ.).
32. Velikiy P. P., Vyalshina A. A. Prerequisites for realizing social activity potential of rural residents. *Public Administration Issues=Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2024;(3):110–136. (In Russ.). DOI [10.17323/1999-5431-2024-0-3-110-136](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-3-110-136).

Information about the Author

E. A. Sagdieva

Candidate of Sociology,

Senior Researcher

ResearcherID: [I-1787-2018](https://orcid.org/0000-0001-9178-7218)

Scopus AuthorID: [57194549072](https://orcid.org/0000-0001-9178-7218)

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 26.05.2026.

БЛАГОПОЛУЧИЕ И БЛАГОПОЛУЧНАЯ СТАРОСТЬ В НАРРАТИВАХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Анастасия Алексеевна Соколова¹

Ангелина Эдуардовна Жданова²

Алёна Алексеевна Корзина³

^{1, 2, 3} Вологодский научный центр РАН,
Вологда, Россия

¹ anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-5434-8094

² angelinazhdanova99@mail.ru,
ORCID 0000-0002-4526-3571

³ lawrentjewa.alyona2016@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-0516-0631

Для цитирования: Соколова А. А., Жданова А. Э., Корзина А. А. Благополучие и благополучная старость в нарративах старшего поколения // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 67–92. DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.4. EDN WAUJLE.

Аннотация. В статье на основе глубинных интервью с пожилыми Вологодской области анализируются субъективные представления о благополучии и благополучной старости. Выделенные категории рассматриваются на разных уровнях осмысления: на реконструируемом через описание повседневных практик и через осмысление абстрактных понятий «благополучие» и «благополучная старость». Анализ нарративов выявил расхождение между уровнями осмысления. Так, на уровне повседневности пожилые информанты демонстрировали многомерное и процессуальное переживание благополучия, однако при прямом вопросе о благополучии они были склонны редуцировать его компоненты, описывая благополучие как совокупность отдельных условий или особых состояний. Компоненты благополучия (физический, психологический, деятельностный, социальный, материальный) находятся во взаимодействии на всех уровнях осмысления, но характер этих взаимосвязей различен. В нарративах о повседневности компоненты благополучия проявляются взаимосвязанно и часто сложно отделимы друг от друга, тогда как при обсуждении абстрактных категорий информанты легко дифференцируют компоненты и выстраивают в индивидуальную иерархию значимости. Важным наблюдением является то, что при вербализации понимания благополучной старости нарративы пожилых становятся более предметными, соотносящимися с текущим жизненным этапом и состоянием «здесь и сейчас», тогда как понимание благополучия описывалось более обобщённо и широко. Благополучная старость зачастую редуцировалась до высказываний о здоровье, но при этом, несмотря на приоритетное упоминание физического компонента, в практиках повседневности

© Соколова А. А., 2026

© Жданова А. Э., 2026

© Корзина А. А., 2026

сти оно не выступало смысловым центром жизнедеятельности пожилых. В отношении социального компонента благополучия информанты продемонстрировали некоторую двойственность, когда на уровне повседневных практик качественное общение и включённость в социальную жизнь выступали значимым ресурсом благополучия, тогда как на уровне абстрактного понимания благополучия акцент смещался в сторону автономности и независимости. Кроме того, нарративы пожилых о благополучии и благополучной старости изобиловали темами со смещённым фокусом, где информанты переходили от обсуждения собственного состояния благополучия к благополучию значимых близких, что свидетельствует о межпоколенческом, а не исключительно индивидуалистическом характере переживания благополучия.

Ключевые слова: благополучие, субъективное благополучие, благополучная старость, повседневность, пенсионеры, пожилые, старшее поколение

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-78-10128, <https://rscf.ru/project/23-78-10128/>; коллектив авторов выражает благодарность Лариной Алине Алексеевне – лаборанту-исследователю Центра социально-демографических исследований Вологодского научного центра Российской академии наук за помощь в проведении глубинных интервью.

Введение

В связи с глобальной проблемой старения населения и на фоне возрастающей продолжительности жизни всё более востребованной становится тематика изучения качества жизни населения в старших возрастах. У общества и государства повышается заинтересованность в продлении активной жизни старшего поколения, в результате чего перспективными становятся концепции активного долголетия пожилых и их благополучия.

Во многом понимание благополучия формируется в процессе интерпретации жизненного опыта, и в этом отношении особенно выделяется пожилой возраст. Данный этап онтогенеза характеризуется процессами адаптации к возрастным ограничениям, изменениям в здоровье, социальной роли и повседневной активности, что, в свою очередь, может отражаться на уровне субъективного благополучия пожилых. Также этот период характеризуется прохождением нормативного кризиса, на этом этапе происходит интеграция жизненного опыта, где человек, оглядываясь на свою прожитую жизнь, принимает её как единственно возможную и значимую, и полную целостного индивидуального смысла [1]. Во время кризиса происходит изменение структуры личности, где в случае позитивного исхода у пожилых происходит смещение фокуса на другие формы активности и новые роли, адаптация к физическим изменениям, осознание и решение экзистенциальной проблемы конечности бытия и т. д., что служит условием успешного решения задач данного возрастного этапа [2].

Процесс субъективной оценки пройденного пути включает формирование индивидуального ориентира, который представляет собой совокупность представлений о том, какая жизнь считается соответствующей собственным ожиданиям, и сопровождается последующим сравнением индивидом обстоятельств

своей жизни с этим ориентиром [3]. Подобные сопоставления основываются не столько на фактических событиях из прожитого опыта человека, а в большей степени на том, как индивиды производят реконструкцию данного опыта в памяти, где ретроспективные оценки событий могут существенно отличаться от того, как эти события воспринимались в момент их проживания [4; 5]. По мере прохождения жизненного пути, при приближении к пожилому возрасту происходит переориентация значимости многих аспектов жизни, которые выступают в том числе и компонентами субъективного благополучия. В результате оно определяется не объективными параметрами жизненного пути, а тем, как человек интерпретирует и интегрирует свой прошлый опыт в целостный жизненный нарратив.

Важную роль в формировании этих интерпретаций выполняет повседневность, которая представляет собой смысловой базис, который индивид интерпретирует через призму различных аспектов своего опыта [6]. Повседневная жизнь как неотъемлемая часть социальной реальности характеризуется рутиной, привычностью и практиками, которые обеспечивают смысл, ориентацию и безопасность. Оставаясь зачастую нерефлексируемой, повседневность представляет собой дотеоретическое пространство опыта [7], которое позволяет выявить отношение к благополучию в опосредованной форме.

Категория субъективного благополучия трактуется исследователями достаточно многомерно и охватывает ряд различных аспектов состояния человека [8], в которых сам индивид определяет те области, которые он считает важными [3]. Понимание благополучия осложняется индивидуальной значимостью его факторов, зависящей от самоощущения и запросов личности [9]. То есть благополучие¹ выступает в качестве субъективной оценки жизни, основанной на сравнении актуальных или потенциальных её аспектов с эталонами и нормами, отражёнными в сознании человека, формирующимися под влиянием социокультурной среды [11]. Вместе с тем в научной литературе отсутствует единое понимание содержательного наполнения рассматриваемого понятия. В наиболее обобщённой форме субъективное благополучие представляется как синоним счастья [12], однако при более детальном анализе исследователи выделяют его различные компоненты. Так, структура субъективного благополучия может раскрываться через соотношение гедонии и эвдемонии, которые выражаются в сочетании стремления к получению позитивного аффекта и ощущения переживания жизни как полноценной, значимой и целостной [13]. Структура субъективного благополучия включает удовлетворённость жизнью, позитивные и негативные аффекты [14], а также удовлетворённость в конкретных сферах жизнедеятельности [15], таких как психологическая, социальная, материальная, физическая и духовная сферы [16]. В целом рассматриваемое понятие представляет собой гибридный концепт, включающий взаимосвязанные, но не всегда

¹ В работе используется термин «благополучие» в значении субъективного благополучия, исходя из тезиса о том, что люди оценивают его самостоятельно, исходя из своего субъективного восприятия [10].

коррелирующие аффективные и когнитивные компоненты [17]. Таким образом, в рамках данной работы субъективное благополучие пожилых понималось как реализация возможностей пожилых в ключевых сферах жизнедеятельности (физическая, психологическая, деятельностьная, социальная, материальная) и удовлетворённость ими [18].

Также важно принимать во внимание то, что благополучие в старших возрастах приобретает возрастно-специфическое содержание. Благополучная старость может рассматриваться как форма субъективного благополучия, свойственная для конкретного этапа онтогенеза и отражающая ограничения и ресурсы данного возрастного периода. Данный период рассматривается как динамичная фаза жизненного развития, характеризующаяся многообразием траекторий и сценариев старения, где пожилые рассматриваются как гетерогенная социальная группа [19]. Также, согласно концепции нормативных кризисов развития личности, достижение эго-идентичности является необходимым условием для переживания субъективного благополучия [20], которое во многом определяется способностью пожилых людей гибко согласовывать реализацию задуманных целей с имеющимися ресурсами и переопределять жизненные приоритеты [21]. Таким образом, благополучная старость выступает не только как оценка жизни в целом, но и как результат качественного наполнения важными активностями и смыслами [18], а также сохранения субъективной целостности.

Важно принимать во внимание то, что подобный аналитический взгляд и декомпозиция понятия благополучия на составляющие являются исследовательским приёмом, однако остаётся открытым вопрос о том, в какой мере понятие благополучия соотносится с повседневными представлениями индивидов и их субъективным осмыслением. На сегодняшний день работ, посвящённых выявлению субъективного семантического содержания данного феномена респондентами, недостаточно [22]. Таким образом, целью настоящего исследования является анализ субъективных представлений людей старшего поколения о благополучии и благополучной старости. Теоретическая значимость исследования состоит в расширении анализа категории благополучия и благополучной старости за счёт обращения к различным уровням её осмысления. В рамках проведённого исследования данный термин анализируется опосредованно через повседневные практики пожилых, а также на уровне осознания, через обобщённые оценки благополучия в целом и в виде более конкретных субъективных конструкций, соотносимых с проживаемым этапом жизненного пути в контексте понимания благополучной старости. Практическая значимость работы заключается в том, что выявленные в интервью субъективные представления пожилых о благополучной старости, раскрывающие латентные критерии качества жизни, значимые с точки зрения самих опрошенных, могут быть использованы при донастройке социальной политики в направлении повышения её адресности и учёта реальных потребностей старшего поколения. При этом полученные результаты могут найти отражение также и в работе организаций некоммерческого сектора, медицинских и социальных учреждений.

Материалы и методы

Качественное эмпирическое исследование, проведённое в 2025 году в Вологодской области методом глубинного полуструктурированного интервью ($n = 34$), было ориентировано на анализ индивидуальных смыслов и представлений о благополучии и благополучной старости у лиц пожилого возраста¹. Общение с информантами проходило лично. Процесс интервьюирования был построен таким образом, чтобы получить представления пожилых о благополучии на разных уровнях осмысления. Структура интервью включала в себя тематические блоки, затрагивающие ключевые сферы жизнедеятельности пожилых людей и их восприятие текущего жизненного этапа. В первой части интервью респондентам предлагалось рассказать о себе, своей семье, наличии или отсутствии трудовой деятельности в настоящее время, о материальном и психофизическом самочувствии, а также о досуговых практиках в повседневной жизни. Затем информанты делились информацией о понимании ими благополучия и о произошедших изменениях этого понимания с возрастом, а также о понимании благополучной старости. Представленные тематические блоки исследования позволили получить многогранную картину жизни пожилых людей, охватывающую широкий спектр аспектов их жизнедеятельности.

Анализ интервью в отношении повседневных практик респондентов осуществлялся в логике тематического кодирования. Интервью было структурировано по смысловым фрагментам, которые при дальнейшем анализе были соотнесены с выделенными компонентами субъективного благополучия. Компонент физического благополучия включал в себя высказывания, связанные с субъективной оценкой состояния здоровья, психологический компонент благополучия охватывал нарративы о психоэмоциональном состоянии информантов, деятельностный компонент был связан с оценкой включённости пожилых в различные виды активности (работа, хобби, волонтерство и т. д.), социальный отражал удовлетворённость наличием и качеством социальных взаимоотношений, а материальный – субъективные оценки уровня удовлетворённости материальным положением.

Таким образом, анализ повседневности осуществлялся с помощью вопросов, направленных на раскрытие практик и условий жизни, где они рассматривались как базовый контекст, в котором формируются субъективные представления о благополучии и благополучной старости, в то время как прямые вопросы о благополучии, об изменении его понимания с возрастом и о благополучной старости позволяли зафиксировать рефлекссию о целостном понимании данных терминов у пожилых людей и в дальнейшем сопоставить их.

¹ В данной работе под лицами пожилого возраста понимаются принявшие участие в интервью информанты в возрасте от 62 до 90 лет. Для обозначения данной категории лиц в данном тексте во избежание повторов были использованы синонимы, такие как пенсионеры, пожилые, представители старшего поколения.

Поиск информантов для исследования осуществлялся через культурно-досуговые организации, предоставляющие услуги пожилым лицам, и учреждения социального обслуживания населения. В выборку попали 34 человека (23 женщины и 11 мужчин в возрасте от 62 до 90 лет). Информанты имели различный образовательный уровень (высшее образование – 16 чел., среднее профессиональное – 17 чел., среднее общее – 1 чел.), статус трудоустройства (трудоустроенные – 5 чел., не трудоустроенные – 29 чел.) и различное семейное положение (находящиеся в официально зарегистрированном браке – 14 чел., одинокие/вдовы – 20 чел.). Первоначально критерии выборки предусматривали включение респондентов старше 65 лет. Однако в процессе проведения интервью были опрошены также три участника в возрастном диапазоне 62–64 лет, и хотя они формально не достигли заданного возрастного порога, было принято решение включить их в анализ, поскольку на момент проведения интервью они уже находились на пенсии и демонстрировали сходные модели повседневности, характерные для возрастной группы старше 65 лет, что соотносится с положениями теории «этапа жизненного пути» (life course approach), в рамках которого социальные статусы рассматриваются как более значимые маркеры, чем хронологический возраст. Поскольку исследование посвящено благополучию в старшем возрасте, социальный и функциональный статусы были признаны более значимыми критериями.

Поскольку поиск информантов осуществлялся через учреждения досуга и социального обслуживания пожилых людей, то ограничением исследования является смещение выборки в сторону социально включённых пенсионеров, которые участвуют в культурно-досуговой деятельности, а также тех, кто имеет доступ к социальной поддержке. Важно отметить, что полученные в исследовании результаты отражают субъективные смыслы и индивидуальные особенности восприятия феномена благополучной старости у лиц старшего возраста и это исключает возможность экстраполяции выводов на исследуемую категорию населения в целом. Кроме того, интерпретация данных интервью основана на исследовательской рефлексии, что несёт в себе элементы субъективизма. Преобладание женского населения в выборке смещает представленность мнений обоих полов, но данная диспропорция связана с объективными особенностями половозрастной структуры населения, где в возрастных группах старше 65 лет наблюдается количественное преобладание женщин [23], а значительная диспропорция в уровне занятости у пенсионеров отражает ситуацию на отечественном рынке труда [24].

Важным уточнением и одновременно ограничением исследования является то, что при анализе субъективного благополучия необходимо учитывать, что его разделение на отдельные компоненты носит скорее аналитический характер и в некоторой степени является искусственным, поскольку в реальной жизни индивиды редко расщепляют данное понятие и бывает так, что различные аспекты субъективного благополучия тесно взаимосвязаны. В ходе анализа было выявлено, что наибольшие сложности при разделении компонентов

вызывают психологический и социальный компоненты. В связи с этим при кодировании материалов интервью те высказывания, которые касались внутреннего состояния индивида (эмоции, удовлетворённость, чувства, ощущения, источники ресурсного состояния и т. п.), относились к психологическому компоненту, тогда как к социальному – характеристики внешних взаимодействий (наличие, интенсивность и качество отношений с окружающими).

Тем не менее, принимая во внимание специфику исследуемой темы и цели работы, результаты позволяют получить информацию как об общих смысловых паттернах, так и об индивидуальных различиях в отношении представлений о благополучной старости и её компонентах.

Результаты

Благополучие в контексте повседневности. В оценке **физического компонента благополучия** большая часть респондентов склонна оценивать своё здоровье как удовлетворительное, нормальное. Данную особенность подтверждают и другие исследования о самочувствии старшего поколения, показывающие, что для большинства пенсионеров определять здоровье в старости удовлетворительным – это норма [25] и особенность российского менталитета [26].

Нужно отметить, что нарративы респондентов о самооценке своего здоровья позволяют говорить о формировании субъективного возраста [27]. Так, большинство опрошенных делают акцент на возрастных особенностях, определяя своё самочувствие удовлетворительным именно для своих лет. Данная тенденция сводится к позитивной самоидентификации возраста респондентов и отображается в возможности пожилых людей адаптироваться к старению и сохранять своё благополучие [28]: *«Болезнь-то я, конечно, болею, потому что и простудные, и поднакопилось что-то, и внутри надо починить. Хожу по докторам, но не часто. И думаю, что для моего возраста моё состояние вполне можно признать удовлетворительным»* (жен., 87).

Меньшая доля информантов оценивает своё здоровье достаточно критично, что в равной степени связано как с наличием каких-либо заболеваний, так и с осознанием своего «немолодого» возраста: *«Позвоночник нарушен, болит. Ну, что делать? Уже возраст такой. Через два года будет семьдесят лет»* (жен., 68).

Изучение физического компонента благополучия затрагивает вопросы поддержки, включая как собственные усилия старшего поколения, так и помощь им со стороны общества и государства. Участники интервью называют три ключевых вектора поддержки своего здоровья: физическая активность, эмоциональная стабильность и медицинская помощь. В качестве физической активности пожилые информанты чаще упоминают такие практики, как продолжительная ходьба и зарядка по утрам. Лишь немногие респонденты отмечают другие формы активности – теннис, занятия в тренажёрном зале, гимнастику, танцы. Обращает на себя внимание понимание у пожилых людей важности физической

активности для поддержания своего хорошего самочувствия, в результате чего становится очевидной трансформация субъективных представлений о роли здоровья в формировании благополучной жизни и благополучной старости: *«В молодости, конечно, здоровье не важно. Я уже говорила, в молодости некогда было болеть. Н некогда было. И не думали ничего. А сейчас все думаем. Раньше таблеток у меня вообще не было, только детям от температуры. А сейчас у меня целые ящики таблеток»* (жен., 72).

Кроме того, в высказываниях некоторых информантов проявляется ретроспективная оценка в отношении своего образа жизни, где происходит осознание значимости упущенных решений в отношении практик здоровьесбережения: *«Это нужно думать с молодости. Это я сделала вывод»* (жен., 88).

Фактором поддержания хорошего самочувствия и здоровья для пожилых информантов также часто выступают не только практики, связанные с физической активностью, но и социальные контакты и хороший психоэмоциональный фон, что говорит о том, что компоненты благополучия в нарративах о повседневности пожилых очень тесно связаны друг с другом: *«Ну да, гуляю, но мне больше помогает, когда с кем-то общаешься. Психологическая поддержка. Но теперь уже начинаешь понимать, что общаться-то вообще-то не с кем уже. Вот от этого мне становится плохо»* (жен., 62).

Удовлетворённость общением, межличностным взаимодействием и социальными связями является важным компонентом психологического благополучия, но далеко не единственным [29], однако в пожилом возрасте оно занимает одно из ключевых позиций в нарративе пожилых. В отношении **психологического компонента благополучия** большая половина интервьюируемых отмечают, что значимым источником стабильного эмоционального фона, ощущения внутреннего покоя и радости является общение с семьёй и близкими, в особенности с детьми и внуками. Это подтверждает тесную взаимосвязь психологического, социального и даже физического компонентов благополучия в повседневных практиках пожилых.

Зачастую благополучие пожилых формируется в пространстве межличностных взаимодействий, и в данном случае сами информанты выступают не как автономные агенты по воспроизводству психологического компонента благополучия, а как зависимые от социальных взаимоотношений. В данном контексте информанты фокусируются не только на своих собственных ощущениях, им важно осознание благополучия у значимых других. Это позволяет им поддерживать привычные роли родителя, интересного собеседника и т. д., сохраняя свою социальную идентичность и включённость в социальную жизнь: *«Если у внуков и у дочери всё хорошо, у меня тем более. Только глядя на них, если у них всё хорошо, значит – у меня хорошее настроение и, кажется, здоровье улучшится в это время»* (жен., 73).

Можно отметить, что психологический компонент благополучия в нарративах пожилых проявляется как пространство поддержания агентности в условиях возрастных, социальных и иных ограничений. Так, значительно меньшая часть

пожилых в качестве источника психологического благополучия обозначают внутренние ресурсы. Подобные практики позволяют сохранять чувство контроля над своей жизнью, тем самым стабилизируя внутренние состояния в условиях ограниченного влияния на внешние обстоятельства, усиливая агентность пожилых. В данном случае психологический компонент благополучия основывается не только на ощущении стабильного эмоционального фона, но и на способности интерпретировать себя как субъекта, имеющего силы справляться с обстоятельствами самостоятельно: *«Ну и сам я как бы тоже вот – кремень. Ну не кремень, конечно. Но нахожу внутри себя силы бороться с обстоятельствами»* (муж., 67).

Для небольшой части информантов важной стратегией поддержания психологического равновесия выступает «уход» в деятельность, которая имеет не инструментальный смысл, а терапевтический, поскольку она позволяет переключить внимание с тревожащих обстоятельств и восстановить чувство внутреннего психологического равновесия. Здесь деятельность становится ресурсом эмоциональной саморегуляции, что подчёркивает тесное соприкосновение деятельностного компонента благополучия с психологическим в рамках повседневности: *«Грустно когда, конечно, помогает справляться то, что я беру за дело. Когда что-нибудь делаю, я успокаиваюсь»* (жен., 75).

С выходом на пенсию образ жизни человека претерпевает значительные изменения и в этот период поддержка и понимание со стороны семьи приобретают особую ценность. Наличие и значимость дружеских отношений занимают важное место в повседневности пожилых [30].

Социальный компонент благополучия зачастую связывается в первую очередь с удовлетворённостью семейным общением, которое является не просто совместным времяпрепровождением, а является особой эмоциональной связью, основанной на взаимопонимании, уважении и заботе. В условиях возрастного сужения социальных контактов семья становится основным источником позитивных эмоций и чувства принадлежности к ней. В нарративах информантов семья выполняет функцию реляционного ресурса, где через взаимодействие с детьми и внуками пожилые получают ощущение включённости и собственной нужности. То есть социальный компонент благополучия в повседневности конструируется не только через количество социальных связей и контактов, а через качественное участие в значимых отношениях, где лица старшего поколения имеют возможность проявить себя как активные субъекты отношений: *«Так что вот эти отношения родственные, они имеют огромное значение и дают стимул, вдохновение и доброе, хорошее начало для творческих дел и вообще житейских дел. И поддерживать как человека, потому что живёшь, знаешь, что ты думаешь о ком-то, а о тебе думают и так далее. Это очень хорошее дело»* (муж., 73).

Весомую роль в таком общении играют передача своего опыта и мудрые советы со стороны родственника-пенсионера молодому поколению, что является одной из форм реализации агентности в семейном пространстве. Подобная практика является ресурсом сохранения собственной значимости,

востребованности, что позволяет пожилым воспринимать свой возраст не как ограничение, а как капитал, позволяющий обеспечивать включённость в семейное взаимодействие: *«Ну, что я умею, конечно, я передаю опыт свой, что я умею»* (жен., 88).

Анализ ответов интервьюируемых выявляет сложную и неоднозначную картину дружбы и социальных связей среди лиц старших возрастов. Сохраняются профессиональные контакты, что позволяет поддерживать чувство непрерывности социальной идентичности. Упоминается важная роль друзей в поддержании здоровья и физической формы, что способствует сохранению активного образа жизни и взаимной поддержки: *«Есть люди, с которыми я общаюсь, скажем так, более в профессиональной сфере. Там общение идёт в основном на производственные какие-то темы, технологические ещё какие-то. Но, тем не менее, и личные тоже. Я считаю, что люди должны взаимодействовать между собой во всех аспектах. В плане здоровья – тоже у меня есть друзья, езжу к которым и с которыми вместе и занимаюсь, и которые мне помогают поддерживать меня в хорошей физической форме»* (муж., 67).

С возрастом может происходить трансформация дружеских отношений: большое число знакомых в молодости уступает место более узкому, но глубокому кругу близких людей в пожилом возрасте. В разговорах с информантами также была выявлена тенденция сохранения отношений с друзьями, дружба с которыми зародилась в молодости и остаётся значимым источником поддержки и общения в настоящее время: *«А знаете, вот я уже поняла, что когда по молодости встречаешься с подругами, считаешь подругами, то они подруги до старости»* (жен., 76).

Поляризация мнений выявлена в вопросах одиночества пенсионеров. Среди лиц старшего возраста есть те, кто испытывает одиночество и отсутствие социальных контактов, ограничиваясь общением только с самыми близкими родственниками либо социальными работниками. Часть информантов не актуализируют одиночество как проблему в связи с высокой занятостью и включённостью в социальные практики (*«некогда быть одиноким-то»* (муж., 85), *«со мной всегда кто-то рядом»* (жен., 75)) либо в силу личностной ориентации на внутреннюю автономность. В последнем случае одиночество можно интерпретировать не как негативное проявление отсутствия общения, а как привычный и контролируемый образ жизни индивида: *«Я по природе своей одинокий человек, много я с самим собой живу, обращаюсь к самому себе иногда. Поэтому одиночество для меня не является проблемой. Потому что я к этому привык давно»* (муж., 76).

Для второй части респондентов чувство одиночества предстаёт ощутимой проблемой, коренящейся, главным образом, в пережитой утрате близких людей. Помимо психологического аспекта, одиночество зачастую усугубляется ухудшающимся физическим самочувствием, ограничивающим социальную активность и возможности взаимодействия с внешним миром: *«я иногда тоскую по мужу»*.

Всё-таки больше 50 лет мы прожили вместе. Смотрю на его портрет и начинаю думать, что как плохо одной» (жен., 88).

Важным ресурсом поддержания психологического состояния, социальной включённости и физической активности является посещение культурно-досуговых мероприятий. Культурные мероприятия позволяют пенсионерам чувствовать себя частью общества, бороться с чувствами одиночества и изоляции, которые возникают у некоторых из них. Культурный досуг стимулирует пенсионеров выходить из дома, посещать новые места и поддерживать физическую и эмоциональную активность.

Значительная часть информантов положительно относятся к данному виду активности и стараются посещать проводимые культурные мероприятия. Наш опрос показал, что наиболее привлекательными для пенсионеров выступают такие учреждения культуры, как театры, музеи, выставочные центры, что согласуется с данными региональных социологических исследований [31]. Кинотеатры менее привлекательны из-за показываемого контента и присутствующего контингента зрителей: *«В кино сейчас уже почти не ходим. Потому что не устраивает публика в зале меня, честно скажу. Поведение публики не очень нравится. Мы не приучены были к такому поведению в общественных местах. А так, концерты, конечно, многие посещаем обязательно» (муж., 85).*

Однако основным барьером для посещения данных мероприятий пенсионерами с периферии является отсутствие инфраструктуры для культурного потребления в их населённом пункте, а также отдалённость от крупных городов: *«Нет, это редко. У нас до Вологды, там сколько, 80 километров, так нет» (жен., 78).*

Материалы интервью показывают, что вопросы, относящиеся к **деятельностному компоненту благополучия**, а именно – к профессиональной самореализации и удовлетворённости от пройденного трудового пути, занимают значимое место в нарративах пожилых людей. В нарративах тех информантов, которые сохраняют трудовую активность, выделяется роль работы не как экономической деятельности, приносящей доход, а как экзистенциально и социально значимой практики, обеспечивающей пожилых ощущением наполненности жизненной энергией и чувством собственной значимости, выступая механизмом сохранения социальной идентичности [32]. *«В материальном плане эта работа практически ничего не даёт, ну совсем мизерную прибавку к пенсии, так что <...> в основном вот это то, что ощущение, что ты нужен, что твои знания и опыт востребованы» (муж, 67).*

Роль трудовой деятельности как формы служения другим отмечалась в нарративах женщин, имевших опыт работы в социальной сфере и образовании. В данном случае работа выступала не как средство самореализации в индивидуальном смысле, а как вклад в благополучие других, действие, дающее ощущение социальной значимости: *«Мне больше всего понравилось работать в социальной сфере. Потому что я, как сказать, я приносила пользу конкретному человеку» (жен., 73).*

В ретроспективе трудовой опыт сохраняет своё влияние на жизнь пожилых как некоего рода социальный капитал, где трудовая деятельность рассматривалась как источник жизненного опыта и моральных ориентиров. В этом контексте трудовой путь рассматривается не только как биографический этап, но и как основа личностного и нравственного развития, которая сохраняет своё влияние и на данном этапе жизненного пути информантов: *«...работа врачом, она мне много дала для понимания жизни»* (муж., 76).

Значительная часть информантов воспринимала свою работу как ключевой канал социального взаимодействия и удовлетворения своей потребности в общении, а также формирования навыка взаимодействия с людьми: *«Общение с людьми, получать какие-то там навыки у людей»* (жен., 78).

В нарративах неработающих пожилых увлечения и хобби частично замещали утрату профессиональной реализации после выхода на пенсию. В таких случаях увлечения становились смыслообразующим компонентом повседневности: *«в хоре я уже больше тридцати лет занимаюсь <...> без хора трудно жить»* (муж., 85).

Для части пожилых информантов досуговая деятельность выступала формой поддержания социальной включённости и дополнительной физической активности: *«Вхожу в хор ветеранов. Три раза в неделю – это всё же движение туда и обратно. И потом это культурное общение»* (жен., 87).

Роль досуговой деятельности в жизни пожилых можно описать и как ресурс психологической разгрузки, где она описывается как источник хорошего эмоционального фона и инструмент преодоления негативных переживаний: *«Ну конечно, в какой-то мере, во-первых, настроение даёт. Потому что в жизни не всегда бывает так, что: ой, как мне весело, как весело, но иногда и грустно. Поэтому здесь я отвлекаюсь. Бабушки ко мне очень хорошо относятся. Поэтому, когда прихожу сюда на работу, хорошее настроение всегда. Хоть бывает и на душе не очень, но здесь у меня хорошее настроение, чтобы бабушкам не портить их настроение. Поэтому, думаю, что и заряд сил какой-то»* (жен., 73).

Одновременно у значительной части информантов отмечается сокращение досуговой деятельности в пожилом возрасте в связи с ограничениями здоровья (*«Раньше было рукоделье, а сейчас глаза не позволяют»* (жен., 88)), с инфраструктурной недоступностью (*«Пытался найти досуг в своём районе для пенсионеров. Не нашёл»* (муж., 78)), а также с накопленной психологической усталостью (*«А потом в какой-то момент наступил ступор, какой-то психологический, и перестал (заниматься хобби. – Прим. авт.). <...> Перенасыщение произошло»* (муж., 76)). Пожилым людям ввиду названных ограничений приходится отказываться от недоступных форм активности, однако им не всегда удаётся найти альтернативу утраченной досуговой деятельности, что может усиливать риск социальной эксклюзии.

Волонтерство в старших возрастах рассматривается как одна из форм активного долголетия, которое позволяет пожилым людям чувствовать себя значимыми, расширять круг своего повседневного общения и смягчать чувство

одинокости [33; 34]. По результатам проведённых интервью было замечено, что большая часть лиц старшего возраста не участвуют в деятельности волонтерских движений, общественных и благотворительных организаций. Те пожилые, которые вовлечены в деятельность подобных организаций, отмечают, что подобная активность является для них ресурсом восполнения недостатка общения и улучшения своего психологического состояния: *«Я участвую в художественной самодеятельности в клубе. Общение с людьми. Вот, например, сын на работу уезжает, он только на выходные приезжает. Я всё время дома одна. А я с людьми в клубе общаюсь и приду, и настроение как-то хорошее и дальше хочется жить»* (жен., 78).

В нарративе пожилых людей, которые испытали потери близких, участие в волонтерской деятельности приобретает компенсаторный характер, где забота о других позволяет пережить травматичный опыт и реализовать потребность в заботе в связи с утратой значимых социальных ролей: *«Как бы сказать, много значит. У меня вот сына-то сейчас нет, я очень жалею, сейчас и солдаты, и переживаю, и всё. У меня сейчас у сестры вообще внук пропал без вести»* (жен., 76).

Очень важной частью участия в общественной деятельности для пожилых выступает не только осознание общественной полезности, но и чувство собственной значимости в глазах общества. Регулярная позитивная обратная связь со стороны окружающих поддерживает мотивацию к продолжению участия в волонтерской работе и, как следствие, позволяет укрепить позитивную самооценку и сохраняет активную жизненную позицию: *«Волонтером я, как сказать? Нахожусь волонтером здесь, в доме ветерана. Помогаю. Вот и в этом корпусе нашим (помогаю. – Прим. авт.). Чуть не каждый день: то лампочка у бабушки там прогорит. Всё помогаю. <...> А чего? Хорошие отношения. Встречаешь. "Здравствуй, Володя! Здравствуй, Володя! Здравствуйте! Здравствуйте! Ну, вы молодец, всё помогаете нам!"»* (муж., 78).

Нарративы о **материальном компоненте благополучия** демонстрируют выраженную дифференциацию оценок и стратегий интерпретации собственного финансового положения. Материальный компонент благополучия в данном случае выступает не только как объективный показатель дохода, но и как результат осмысления своей экономической ситуации.

К первой относятся ответы тех информантов, кто удовлетворён своим финансовым положением, причиной чего являются наличие большого трудового стажа, различные денежные надбавки и продолжение трудовой деятельности в пенсионный период. Оценка удовлетворённости формируется преимущественно в сравнительной перспективе, через сопоставление себя с другими пенсионерами: *«Вы знаете, я считаю себя необделённым, удовлетворительным в плане размера пенсии. Я смотрю телевидение и другие СМИ и вижу, что многие пенсионеры живут, конечно, такой, ущербной жизнью. Низкие пенсии, поэтому им приходится выживать. У меня, слава Богу, другая ситуация»* (муж., 76).

Вторая половина опрошенных – те, кто считает своё финансовое положение неудовлетворительным, однако внутри данной группы наблюдаются различные

способы интерпретации такого финансового положения. Часть информантов демонстрируют стратегию адаптивного принятия, где низкий доход признаётся, но не становится источником сильных эмоциональных переживаний (*«И не злорадствую, что, если меньше. В общем, нормально себя ощущаю»* (жен., 68)). Другие участники исследования смещают фокус внимания с размера денежных доходов на практики их рационального распределения. В данном случае материальный компонент благополучия на уровне повседневности воспринимается как результат личной ответственности и контроля, также в некотором роде успешной реализации практик финансовой грамотности: *«Вы знаете, я всегда удивляюсь. Начинают там стонать: ой, как плохо мы живём, пенсионеры. Да нет. Я считаю, что пенсионеры достаточно хорошо живут. Нормально нужно только расходовать свои ресурсы, свои финансы»* (жен., 84).

Большая группа респондентов в своих нарративах демонстрирует ограниченную агентность, когда опрошенные озвучивают неудовлетворённость своим материальным положением. Испытываемое чувство несправедливости может быть ассоциировано с ощущением недостаточности признания вклада старшего поколения: *«Как говорил один мой друг: пенсия у меня хорошая, только маленькая. Нет, я не удовлетворён, конечно, тем, что нам государство дало. Вот за 43 года я получаю совсем маленькую пенсию. Ну что делать?»* (муж., 67).

Основной причиной низкого финансового благополучия респонденты называют постоянный рост цен на коммунальные услуги, продукты питания и одежду, а также на лекарственные препараты. В высказываниях пожилых прослеживается не только личное недовольство, но и коллективное чувство социальной неудовлетворённости: *«Ну, я не знаю, наверное, надо бы повернуться лицом к этому поколению. И всё. И увидели бы всё. Как люди живут? У некоторых вообще ведь пенсии маленькие. Как перебиваются бабушки, дедушки? Это никого не интересует. Вот это и плохо»* (жен., 73).

Важной составляющей материального благополучия населения старшего возраста являются сберегательные практики, такие как создание и поддержание своих финансовых резервов [35]. Анализ интервью показал, что для большинства респондентов данного исследования формирование «подушки безопасности» невозможно из-за низких доходов. Лишь треть информантов отмечают возможность накопления средств. Однако, несмотря на это, в нарративах опрошенных наблюдается понимание важности накопления сбережений: *«Только мечтаю о том, когда я буду откладывать. Всё получается так, что надо кому-то»* (жен., 77).

Стоит также отметить особенность трансформации субъективного представления о финансовом благополучии у старшего поколения. Так, для данной категории людей характерно смещение фокуса с собственного благополучия на благополучие своих родных, в частности детей и внуков. В этом случае деньги осмысляются не столько как средство личного потребления, сколько как инструмент поддержки значимым близким, выступая при этом ресурсом сохранения социальной роли родителя, и даже при ограниченных доходах

информанты стремятся сохранить её: *«Конечно, чувствую, что мы живём все очень скромно. И денег не хватает. Потому что надо и внуку немножко посылать. Он тоже – неизвестно, как живёт. И мы тоже лишнего себе не позволяем. Только самое необходимое покупаем, это только на еду. А так, чтобы одежды или обуви – это большая проблема. Если что-то купим, типа кроссовки на лето новые, то надо немножко себя прижать в питании»* (жен., 87).

Безусловно, низкое материальное положение старшего поколения, являясь ограничивающим фактором, сильно влияет на общее ощущение субъективного благополучия. Так, каждый третий респондент назвал материальное положение важной составляющей благополучной жизни и отметил необходимость государственной поддержки в данной сфере.

Понимание благополучия и благополучной старости. При осмыслении категории благополучия в целом информанты продемонстрировали гетерогенность в понимании термина. Условно можно разделить нарративы пожилых людей на моноцентричное понимание благополучия, где пожилые выделяли только один компонент, и многокомпонентное понимание благополучия, в котором либо присутствовала иерархия компонентов благополучия, либо, в значительно меньшем количестве нарративов, все элементы были равноценными. Фрагментарность упоминания компонентов благополучия не связана с тем, что неназванные элементы не значимы для информантов, а скорее вызвана тем, что пожилые называли наиболее значимые для них компоненты, которые формировали «ядро» их субъективного понимания благополучия. Важно понимать, что даже одинаковые компоненты раскрывались в нарративах с индивидуальными смыслами.

Часть пожилых информантов демонстрировали моноцентричное понимание благополучия, концентрируя внимание на одном определяющем аспекте. Возможно, выделение одного субъективно значимого конкретного элемента для понимания благополучия позволяет сохранить чувство личностной целостности, несмотря на утрату или снижение влияния других значимых сфер. Это можно интерпретировать как механизм адаптации, который позволяет выстроить устойчивую модель субъективного благополучия в условиях возрастных изменений.

Моноцентричное понимание благополучия через социальный компонент чаще всего выражалось через наличие устойчивых и значимых взаимоотношений с родными, где семья выполняла роль ресурсного, поддерживающего потенциала. Важно отметить, что информанты нередко говорили о благополучии опосредованно, через нарративы о благополучии детей и внуков, что может свидетельствовать об отождествлении личного благополучия с благополучием значимых других: *«Это благополучие хорошее, когда сыновья и внуки у нас, когда к нам звонят: и вы есть, и они на свете. И всё у них хорошо. Это самое благополучие, остальное – оно всё мелочное»* (муж., 85).

Моноцентричное понимание благополучия через материальный компонент выражалось в нарративах напрямую и носило более индивидуализированный

характер. Информанты отождествляли благополучие с уровнем материального положения и через количество доступных денежных средств: *«Благополучие – ну, что-то, что зависит от денег, конечно»* (жен., 69).

В нарративах пожилых чаще всего встречалось многокомпонентное понимание благополучия, при котором на первое место информанты чаще всего ставили психологический или социальный компонент субъективного благополучия. Для таких информантов оказываются значимыми ощущение внутреннего комфорта, душевного равновесия, наличие значимых социальных связей, чувство включённости и нужности. Остальные компоненты в подобных интервью воспринимаются как производные, которые «приложатся» при реализации психологического и социального компонентов. Подобные мнения подтверждают тезис о том, что благополучие людей в возрасте в большей степени зависит от внутренних факторов [16]. Это особенно ярко может проявляться в ситуациях, когда другие компоненты, такие как физический, деятельностный и материальный, больше не могут служить ресурсами обеспечения состояния благополучия в связи с возрастными изменениями. При этом психологический и социальный компоненты чаще всего находятся в тесной взаимосвязи в нарративах пожилых: *«Душевное равновесие. Это когда тебя не тревожат какие-то очень критические ситуации в твоей жизни. И когда... и в семье чтобы был... порядок, чтобы было нормальное состояние <...> чтобы было добро, и чтобы тебя не забывали. Очень тяжело быть, когда ты выброшенный»* (жен., 84).

Вторая по распространённости группа ответов связана с приоритетом физической составляющей благополучия, а именно – с наличием хорошего здоровья: как у себя, так и у близких: *«А мне кажется, было бы здоровье своё и у внуков, и у дочери, то и всё»* (жен., 73).

Значительно меньшая доля информантов в своих ответах ставили на первое место материальный и деятельностный компоненты благополучия. Такое положение обуславливается особенностью данного жизненного этапа, когда происходит частичное или полное сокращение трудовой активности, изменение уровня дохода. В этих условиях материальное положение и возможность сохранять активность через занятия и увлечения остаются важными, но реже рассматриваются как ключевые основания субъективного благополучия: *«Ну, благополучие – это когда ты не ощущаешь финансовое затруднение»* (муж., 78). *«Ну, благополучие в целом, я считаю, если человек вот ставит какие-то задачи перед собой и эти задачи решает. Самое главное, если у него есть увлечение, и он этим увлечением, так сказать, занимается активно, получается»* (муж., 73).

Большая часть информантов ответили, что понимание благополучия с возрастом для них не изменилось. Однако пожилые, отметившие произошедшую трансформацию представления о благополучии, чаще связывали её с изменением материального достатка. С одной стороны, это может объясняться тем, что материальный компонент благополучия может быть наиболее когнитивно доступным и измеримым, а также он, в отличие от других, воспринимается как наиболее изменчивый на протяжении жизненного пути, что делает его наиболее

удобным для рефлексии и наиболее сопоставимым в библиографической перспективе: *«Да нет, наверное. Ну, в молодости, естественно, особенно в девяностые годы, мы вообще на талонах жили. Это же очень плохо было. Не знали, как что-то купить, детей покормить, внуков»* (жен., 73).

Часть информантов, которые определяли изменение понимания благополучия через материальный компонент, отмечали важность названного компонента и при определении благополучия в целом, что свидетельствует о высокой значимости материальной составляющей. Тогда как встречались и те пожилые, которые, отмечая изменение понимания благополучия в контексте материальной сферы, не упоминали материальный компонент при обсуждении благополучия в целом. Это может обуславливаться тем, что материальная составляющая благополучия является важной составляющей в жизни информантов, однако она либо не выводится на сознательный уровень осмысления, либо это может быть связано с культурными особенностями, когда не принято открыто обсуждать ценности материальной стороны жизни.

В отдельном случае трансформация понимания благополучия произошла через накопленный жизненный опыт, что соотносится с нормативным процессом пересмотра жизненного опыта у пожилых. При этом выраженная негативная оценка может свидетельствовать о том, что процесс прохождения нормативного кризиса старшего возрастного периода находится в активной фазе: *«Да, изменилось. Конечно, изменилось. В молодости ещё не знала ничего, всё думала, хорошо будет. А тут уж стало хуже»* (жен., 75).

Затруднение в оценке процесса изменения представлений о благополучии по мере того, как информанты становились старше, проявлялось в уходе от прямых ответов: они либо отмечали, что никогда не задумывались над этим вопросом, либо переходили к описанию своих повседневных практик. Часть информантов объясняли своё затруднение тем, что благополучие воспринимается ими как непрерывный континуум жизненного цикла, который существует вне возрастных изменений: *«Дело в том, что я вот как раз вот именно вот это – определение благополучия – никак с жизнью не связывал»* (муж., 67); *«Наверное, нет. Не изменилось. И 20 лет назад, в общем-то, я так же думал. Здоровье, семья и материальное обеспечение. И сейчас я так думаю»* (муж., 66).

Понимание **благополучной старости** у информантов не совпадает с таковым о благополучии в целом. Лишь для небольшой части пожилых людей понимание совпало, тогда как для других рассматриваемые категории отличались. В части нарративов представления о благополучной старости сокращались к меньшему количеству значимых элементов. Важным отличием в понимании благополучной старости является смещение иерархии компонентов в сторону приоритезации аспектов, связанных с физическим компонентом благополучия. Нарративы о здоровье разворачиваются в сторону сохранения автономии и независимости, где важно не отсутствие болезней само по себе, а отсутствие необходимости постоянного ухода со стороны близких и ощущение того, что пожилые имеют контроль над собственной жизнью: *«Главное, чтобы было*

здоровье всё равно. Даже важнее финансов всех, чтобы было здоровье, чтобы я никому не обременительна была – вот так вот» (жен., 68).

Социальное благополучие также занимает значимое место в представлениях информантов о благополучной старости, хотя чаще оно располагается на второй позиции и ниже. В контексте благополучной старости информанты делали акцент на сохранении значимых социальных связей, благополучии детей и внуков, а также на насущной потребности быть нужным, сохранять эмоциональную связь с близкими и получать подтверждение собственной значимости: «Ну, чтоб не остаться одной. Ну, чтоб была какая-то забота от кого-то и внимание. Самое страшное – остаться одной, без всех, без поддержки, где-то там в одиночестве до последних дней. Ладно там, не хватает еды или что-то, это всё можно пережить, болезни как-то – можно где-то что-то подлечить, а вот так, что без поддержки, без внимания – это, наверное, сама плохое» (жен., 63).

Примечательно, что потребность быть значимым и нужным неоднократно поднималась в нарративах о повседневных практиках пожилых в контексте трудовой занятости, благотворительной деятельности и т. д., что подчёркивает значимость ощущения востребованности для пожилых, которая идёт лейтмотивом через многие сферы их жизни.

Представления о благополучной старости проявляются и через ответы информантов о том, чего в настоящий момент не хватает лично им для ощущения благополучия. Пожилые вновь подчёркивают значимость удовлетворительного физического и психологического состояния, акцентируя внимание на стремлении к снижению тревожности: «Чтобы не расстраиваться» (жен., 78).

В целом можно заключить, что повседневные практики пожилых теснее связаны с пониманием благополучной старости. В отличие от этого, благополучие в целом выступает более абстрактным конструктом, несколько оторванным от повседневной жизни.

Заключение

Анализ интервью позволяет зафиксировать расхождение между уровнями осмысления благополучия у пожилых. Пожилые респонденты продемонстрировали многомерное переживание благополучия на уровне повседневных практик, однако при прямом вопросе о благополучии они были склонны редуцировать его компоненты. С одной стороны, данное обстоятельство может быть частично связано с особенностями методики, поскольку обсуждение повседневных практик респондентов строилось на большем количестве вопросов. С другой стороны, это может быть обусловлено особенностями восприятия информантов – им было проще отразить в нарративах свой практический, повседневный опыт, тогда как обращение к понятию благополучия как к целостной категории вызывало затруднения.

В повседневных практиках делался акцент на процессуальном аспекте благополучия, т. е. оно было связано с осуществлением каких-либо действий, таких

как общение, помощь другим, участие в семейных делах и т. д. В повседневной жизни пожилые черпают энергию и ресурс из работы, увлечений, заботы о других, то есть из тех активностей, где они могут проявить свою агентность. Благополучие через повседневность вполне конкретно и имеет деятельностный и реляционный характер, а его компоненты существуют в очень тесной взаимосвязи и часто неотделимы друг от друга. Например, компоненты психологического благополучия в повседневной жизни связаны с социальными взаимодействиями и физическими практиками, что образует особую комбинацию компонентов, которая индивидуальна для каждого из респондентов.

В тоже время при осмыслении благополучия как абстрактной категории информанты описывают его как конечное состояние или совокупность условий (наличие материального достатка, здоровья и т. д.). В нарративах о повседневности иногда звучит тревога, описываются переживания, различные ограничения, возникающие у информантов с возрастом, тогда как при определении благополучной старости и благополучия в целом пожилые озвучивают в большей степени «идеальные», нормативные конструкты.

При вербализации понимания благополучной старости становится заметным, что высказывания пожилых являются более предметными, то есть относятся к их состоянию «здесь и сейчас», тогда как понимание благополучия является более обобщённым. Благополучие и благополучная старость рассматриваются респондентами как особые состояния, где рассматриваемые компоненты (деятельностный, психологический, социальный, материальный, физический) тоже взаимодействуют, но не так тесно, как при обсуждении повседневных практик. Информанты легко отделяют их и даже выстраивают в иерархию.

В тоже время анализ интервью демонстрирует, что понимание благополучия формулируется пожилыми шире, чем благополучная старость, которая чаще всего редуцируется до высказываний о здоровье. Несмотря на приоритетное упоминание физического состояния при описании благополучной старости респондентами, в практиках повседневности оно не выступает смысловым центром их жизнедеятельности. Пожилые информанты признают его значимость, говорят о болезнях и связанных с ними ограничениях, однако здоровье воспринимается ими как условие продолжения активной жизни, которое выполняет инструментальную функцию, позволяющую сохранять автономность. При обсуждении благополучной старости здоровье выступает невосполнимым ресурсом, который даже при наличии контроля со стороны пожилого человека (зарядка, соблюдение врачебных предписаний и т. д.) становится всё более непредсказуемым с увеличением возраста («было бы здоровье, больше ничего не надо» (жен., 75)). Это может свидетельствовать о том, что физический компонент оказывается зоной ограниченной агентности, поскольку пожилые признают значимость собственных усилий в сфере поддержания здоровья, но одновременно подчёркивают возрастающую неопределённость в этой сфере.

Схожее рассогласование обнаруживается и в анализе социального компонента благополучия. Так, при описании повседневных практик пожилые часто

черпают внутренний ресурс покоя и умиротворения в качественном общении с близкими, в ощущении собственной значимости в участии в жизни других. Тогда как при осмыслении благополучия в целом появляются нарративы автономности, выражающиеся в стремлении сохранять независимость и не быть обузой. То есть благополучие имеет некоторый двойственный характер: индивиду важно быть социально включённым, но также важно сохранять автономность и независимость.

Часто при обсуждении благополучия и благополучной старости в нарративах информантов встречалось обсуждение сфер со смещённым фокусом. В ряде случаев пожилые информанты, рассуждая о собственном благополучии, переходят к обсуждению благополучия значимых близких. Подобное смещение фокуса может обуславливаться особенностями данного возрастного этапа, где, с одной стороны, индивид видит продолжение себя в потомстве или, с другой стороны, это может раскрываться через механизм проекции, когда пожилые желают, чтобы их близкие воплотили в жизнь те планы и устремления, которые им самим не удалось реализовать. И в этом смысле благополучие имеет не индивидуалистический характер, а приобретает межпоколенческий аспект.

В целом важно отметить, что благополучие на всех уровнях – от повседневных практик до абстрактного осмысления – характеризуется как многомерное переживание со сложной системой взаимосвязи компонентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эриксон Э., Эриксон Дж. Полный цикл жизни. СПб. : Питер, 2024. 164 с. ISBN 978-5-4461-2403-9.
2. Завьялова И. Ю. Психологический анализ развития личности в нормативном кризисе поздней зрелости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2012. № 19 (278). С. 110–112. EDN [OZKSBL](#).
3. Pavot W., Diener Ed. Review of the Satisfaction With Life Scale // Psychological Assessment. 1993. Vol. 5, P. 164–172. DOI [10.1037/1040-3590.5.2.164](#).
4. Fredrickson B. L., Kahneman D. Duration neglect in retrospective evaluations of affective episodes // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65, P. 45–55. DOI [10.1037/0022-3514.65.1.45](#). EDN [HITXOD](#).
5. All's well that ends (and peaks) well? A meta-analysis of the peak-end rule and duration neglect / B. Alaybek, R. S. Dalal, Sh. Fyffe [et al.] // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2022. Vol. 170. P. 104–149. DOI [10.1016/j.obhdp.2022.104149](#). EDN [SBTLBD](#).
6. Жигунова Г. В. Повседневность как социальный феномен // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 8 (52). С. 56–71. DOI [10.12731/2218-7405-2015-8-4](#). EDN [ULUZSP](#).
7. Schrems B. M. Finding the Extraordinary in the Ordinary: Understanding the Role of Everyday Life in Coping With Health Challenges // Nursing Philosophy. 2025. Vol. 26 (4). P. e70039. DOI [10.1111/nup.70039](#). EDN [ZNPWNK](#).
8. Diener Ed., Suh E. M., Lucas R. E., Smith H. L. Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, № 2. P. 276–302. DOI [10.1037/0033-2909.125.2.276](#). EDN [GZSKZP](#).

9. Дудин И. В., Тихонова Н. Е. Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 3. С. 6–25. DOI [10.19181/snsp.2024.12.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.1). EDN [VLHCHJ](#).
10. Deci E. L., Ryan R. M. Hedonia, eudaimonia, and well-being: an introduction // Journal of Happiness Studies. 2013. № 9. P. 1–11.
11. Каранетян Л. В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123, № 1. С. 171–182. EDN [QHWMLU](#).
12. Oishi S., Diener E., Diener E. The Optimum Level of Well-Being. Can People be Too Happy? // Perspectives on Psychological Science. 2007. № 2. P. 346–360.
13. Huta V., Ryan R. M. Pursuing pleasure or virtue: The differential and overlapping well-being benefits of hedonic and eudaimonic motives // Journal of Happiness Studies. 2010. Vol. 11, № 6. P. 735–762. DOI [10.1007/s10902-009-9171-4](https://doi.org/10.1007/s10902-009-9171-4). EDN [CONAXC](#).
14. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95, № 3. P. 542–575.
15. Diener E., Suh E. M. Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators // Social Indicators Research. 1997. № 40. P. 189–216.
16. Междисциплинарный подход к изучению благополучия человека: коллективная монография / А. А. Печеркина, А. М. Плотникова, Е. Л. Солдатова [и др.]. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2023. 272 с. ISBN 978-5-7996-3745-3. EDN [RGJILH](#).
17. The science of well-being / F. A. Huppert, N. Baylis, B. Keverne. Oxford : Oxford University Press, 2005, 546 p. ISBN 0-19-856752-9.
18. Белехова Г. В., Нацун Л. Н., Соловьева Т. С. Благополучная старость: от научных теорий к основам её программирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 2. С. 220–238. DOI [10.15838/esc.2024.2.92.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.12). EDN [WTHBLB](#).
19. Парфенова О. А., Петухова И. С. Размывание возрастных границ и нормативности старения: обзор основных теоретических подходов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17, № 2. С. 11–34. DOI [10.19181/inter.2025.17.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1). EDN [BLGCNZ](#).
20. Солдатова Е. Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 74–84. EDN [QCBQIV](#).
21. Heckhausen J., Wrosch C., Schulz R. A motivational theory of life-span development // Psychological Review. 2010. № 117 (1). P. 32–60. DOI [10.1037/a0017668](https://doi.org/10.1037/a0017668).
22. Дехтяренко А. А., Шлягина Е. И. Возрастная специфика имплицитного понимания субъективного благополучия и ситуации неопределённости // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2024. № 4. С. 39–59. DOI [10.28995/2073-6398-2024-4-39-59](https://doi.org/10.28995/2073-6398-2024-4-39-59). EDN [GBQUWW](#).
23. Демографическое развитие регионов Северо-Западного федерального округа: V региональный демографический доклад / А. А. Шабунова, О. Н. Калачикова, А. В. Короленко [и др.] ; ред. А. А. Шабунова. Вологда : ВолНИЦ РАН, 2024. 134 с. ISBN 978-5-93299-622-5. EDN [PTTBCV](#).
24. Соловьева Т. С. Старшее поколение на российском рынке труда в зеркале официальной статистики // Управление устойчивым развитием. 2024. № 4 (53). С. 61–69. DOI [10.55421/2499992X_2024_4_61](https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_4_61). EDN [XWVRDK](#).
25. Мадьянова В. В. Самооценка состояния здоровья лицами старше трудоспособного возраста // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30, № 2. С. 239–243. DOI [10.32687/0869-866X-2022-30-2-239-243](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-2-239-243). EDN [KGQJTY](#).

26. Максимова Т. М., Лушкина Н. П. Состояние здоровья и проблемы медицинского обеспечения пожилого населения. М. : Пер Сэ, 2012. 224 с. ISBN 978-5-9292-0165-3. EDN [RBCDDX](#).
27. Мелёхин А. И., Сергиенко Е. А. Предикторы субъективного возраста в пожилом и старческом возрасте // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С 185–201. DOI [10.17759/exppsy.2015080316](#). EDN [VCXXTL](#).
28. Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, № 3. С. 243–257. DOI [10.21638/11701/spbu16.2018.303](#). EDN [XZICCD](#).
29. Харламов С. В. Факторы формирования психологического благополучия пожилых людей // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2024. № 4. С. 118–125. DOI [10.24147/2410-6364.2024.4.118-125](#). EDN [FRKKFG](#).
30. Козырева П. М., Смирнов А. И. Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4 (40). С. 46–63. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9282](#). EDN [WIIQWF](#).
31. Косыгина К. Е. Культурный потенциал современного российского региона: инфраструктура и потребление услуг населением (на примере Вологодской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 55–77. DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.3](#). EDN [LVAZRL](#).
32. Колесов А. А. Белехова Г. В. Возрастные различия в восприятии благополучия: социологическое исследование представлений о жизни в целом и в старости // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 2. С. 39–58. DOI [10.14258/SSI\(2025\)2-03](#). EDN [QXUTAH](#).
33. Соболева Е. В. Добровольческая деятельность граждан старшего возраста как одна из форм активного долголетия российских пенсионеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, № 1. С. 47–51. DOI [10.18500/1818-9601-2020-20-1-47-51](#). EDN [GOJXAM](#).
34. *Xi Ch., Ye J.* Factors influencing older adults' participation in community volunteering service in China: a logistic regression and fsQCA perspective // Scientific Reports. 2026. Vol. 16(1). P. 1–20. DOI [10.1038/s41598-025-28669-0](#).
35. Белехова Г. В. Финансовое благополучие населения старших возрастов: теоретико-методологические аспекты и проблемы оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 5. С. 117–137. DOI [10.15838/esc.2023.5.89.7](#). EDN [HUZZKC](#).

Сведения об авторах

А. А. Соколова

кандидат экономических наук,
научный сотрудник
SPIN-код: [5845-3310](#)

А. Э. Жданова

младший научный сотрудник
SPIN-код: [4398-0198](#)

А. А. Корзина

младший научный сотрудник
SPIN-код: [2508-0173](#)

Вклад авторов в подготовку публикации:

А. А. Соколова – 40% (подготовка общетеоретической и методологической основы исследования, организация проведения и обработки данных интервью, участие в написании всех разделов статьи, осуществление критического анализа и доработка текста статьи);

А. Э. Жданова – 30% (участие в проведении и обработке данных интервью, участие в написании раздела с результатами исследования, осуществление доработки текста статьи);

А. А. Корзина – 30% (участие в проведении и обработке данных интервью, участие в написании раздела с результатами исследования, осуществление доработки текста статьи).

Статья поступила в редакцию 27.02.2026; одобрена после рецензирования 30.03.2026; принята к публикации 15.04.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.2.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.2.4)

WELL-BEING AND A PROSPEROUS OLD AGE IN THE NARRATIVES OF THE OLDER GENERATION

Anastasia Alekseevna Sokolova¹

Angelina Eduardovna Zhdanova²

Alyona Alekseevna Korzina³

^{1, 2, 3} Vologda Scientific Center of the RAS,
Vologda, Russia

¹ anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-5434-8094

² angelinazhdanova99@mail.ru,
ORCID 0000-0002-4526-3571

³ lawrentjewa.alyna2016@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-0516-0631

For citation: Sokolova A. A., Zhdanova A. E., Korzina A. A. Well-being and a prosperous old age in the narratives of the older generation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):67–92. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.2.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.2.4).

Abstract. The article analyzes subjective perception of well-being and a prosperous old age based on in-depth interviews with elderly people from Vologda region. These categories are considered at different levels of understanding starting from implicit, reconstructed through the description of everyday practices, and explicit, through the comprehension of the abstract concepts of “well-being” and “a prosperous old age”. The finding reveals a gap between these levels. In everyday life, older people experience well-being as multidimensional and processual. However, when directly asked about well-being, respondents tend to reduce its components, describing well-being as a set of individual conditions. The components of well-being (psychological, physiological, activity-related, social, material) interact at all levels of understanding, but the nature of these relationships differs. In everyday narratives they are in a synergistic relationship and are inseparable from each other, while in abstract discussions, informants easily distinguish the components and rank them in order of importance. When speaking about a prosperous old age, the narratives of the elderly become more concrete,

relating to the current life stage and the state “here and now”, while the understanding of well-being was described more generally and broadly. The prosperous old age was often reduced to statements about health, but despite the priority mentioned of the physiological component, it did not act as the semantic center of the elderly’s daily activities. The social component of well-being showed a dual character. In everyday life social engagement and meaningful communication acted as a significant resource for well-being, while at the levels of abstract understanding of well-being, autonomy and independence become more important. In addition, many narratives shift from personal well-being to the well-being of close family members. This suggests that well-being is experienced not only individually but also as an intergenerational phenomenon.

Keywords: well-being, subjective well-being, prosperous old age, everyday life, pensioners, elderly people, the older generation

Acknowledgments: The research was supported by Russian Science Foundation grant 23-78-10128, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10128/>; the authors would like to thank Alina Alekseevna Larina the research laboratory assistant at the Center for Socio-Demographic Research of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for their assistance in conducting in-depth interviews.

REFERENCES

1. Erickson E., Erickson J. The full cycle of life. St. Petersburg: Piter; 2024. 164 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4461-2403-9.
2. Zavyalova I. Yu. The psychological analysis of development of the personality in standard crisis of the late adulthood. *Bulletin of the South Ural State University. Series: psychology=Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psixologiya*. 2012;(19):110–112. (In Russ.).
3. Pavot W., Diener Ed. Review of the satisfaction with life scale. *Psychological Assessment*. 1993;(5):164–172. DOI [10.1037/1040-3590.5.2.164](https://doi.org/10.1037/1040-3590.5.2.164).
4. Fredrickson B. L., Kahneman D. Duration neglect in retrospective evaluations of affective episodes. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993;(65):45–55. DOI [10.1037/0022-3514.65.1.45](https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.1.45).
5. Alaybek B., Dalal R. S., Fyffe Sh., Alaybek B. [et al]. All’s well that ends (and peaks) well? a meta-analysis of the peak-end rule and duration neglect. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2022;(170):104–149. DOI [10.1037/0022-3514.65.1.45](https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.1.45).
6. Zhigunova G. V. Everyday life as a social phenomenon. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2015;(8):56–71. (In Russ.). DOI [10.12731/2218-7405-2015-8-4](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-8-4).
7. Schrems B. M. Finding the extraordinary in the ordinary: understanding the role of everyday life in coping with health challenges. *Nursing Philosophy*. 2025;(26):e70039. DOI [10.1111/nup.70039](https://doi.org/10.1111/nup.70039).
8. Diener Ed., Suh E. M., Lucas R. E., Smith H. L. Subjective well-being: three decades of progress. *Psychological Bulletin*. 1999;125(2):276–302. DOI [10.1037/0033-2909.125.2.276](https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276).
9. Dudin I. V., Tikhonova N. E. Subjective well-being of Russians through the prism of their identities: state and factors. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(3):6–25. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.3.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.1).
10. Deci E. L., Ryan R. M. Hedonia, eudaimonia, and well-being: an introduction. *Journal of Happiness Studies*. 2013;(9):1–11.

11. Karapetyan L. V. Theoretical approaches to understanding of subjective well-being. *Izvestiya of the Ural Federal University. Series 1, Problems of Education, Science, and Culture=Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy' obrazovaniya, nauki i kul'tury'*. 2014;123(1):171–182. (In Russ.).
12. Oishi S., Diener E., Diener E. The optimum level of well-being. Can people be too happy? *Perspectives on Psychological Science*. 2007;(2):346–360.
13. Huta V., Ryan R. M. Pursuing pleasure or virtue: The differential and overlapping well-being benefits of hedonic and eudaimonic motives. *Journal of Happiness Studies*. 2010;11(6):735–762. DOI [10.1007/s10902-009-9171-4](https://doi.org/10.1007/s10902-009-9171-4).
14. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*. 1984;95(3):542–575.
15. Diener E., Suh E. M. Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators. *Social Indicators Research*. 1997;(40):189–216.
16. Pecherkina A. A., Plotnikova A. M., Soldatova E. L. [et al.]. An interdisciplinary approach to the study of human well-being: collective monograph. Yekaterinburg: Ural'skij federal'ny'j universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina; 2023. 272 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-3745-3.
17. Huppert F. A., Baylis N., Keverne B. The science of well-being. Oxford: Oxford University press; 2005. 546 p. ISBN 0-19-856752-9.
18. Belekova G. V., Natsun L. N., Soloveva T. S. Prosperous old age: From scientific theories to the fundamentals of its programming. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, and Forecasts=E'konomicheskie I social'ny'e peremeny': fakty', tendencii, prognoz*. 2024;17(2):220–238. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2024.2.92.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.12).
19. Parfenova O. A., Petukhova I. S. Blurring Age Boundaries and Normativity of Aging: a Review of Key Theoretical Approaches. *Interaction. Interview. Interpretation=Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. 2025;17(2):11–34. (In Russ.). DOI [10.19181/inter.2025.17.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.2.1).
20. Soldatova E. L. Ego-identity in normative development crises. *Questions of psychology=Voprosy' psixologii*. 2006;(5):74–84. (In Russ.).
21. Heckhausen J., Wrosch C., Schulz R. A motivational theory of life-span development. *Psychological Review*. 2010;(117):32–60. DOI [10.1037/a0017668](https://doi.org/10.1037/a0017668).
22. Dekhtiarenko A. A., Shliagina E. I. Age specifics of implicit understanding of subjective well-being and uncertainty situation. *RSUH/RGGU Bulletin. Psychology. Pedagogics. Education Series=Vestnik RGGU. Seriya: Psixologiya. Pedagogika. Obrazovanie*. 2024;(4):39–59. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6398-2024-4-39-59](https://doi.org/10.28995/2073-6398-2024-4-39-59).
23. Shabunova A. A., ed. Demographic development of the regions of the North-Western Federal district: V Regional demographic report. Vologda: VolNC RAN; 2024. 134 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93299-622-5.
24. Soloveva T. S. The older generation in the Russian labor market, as reflected in official statistics. *Sustainable Development Management=Upravlenie ustojchivy'm razvitiem*. 2024;(4):61–69. (In Russ.). DOI [10.55421/2499992X_2024_4_61](https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_4_61).
25. Madyanova V. V. The self-evaluation of health by individuals older than able-bodied age. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine=Problemy' social'noj gigieny', zdravooxraneniya I istorii mediciny'*. 2022;30(2):239–243 (In Russ.). DOI [10.32687/0869-866X-2022-30-2-239-243](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-2-239-243).
26. Maksimova T. M., Lushkina N. P. Health status and problems of medical support for elderly population. Moscow: Per Se'; 2012. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9292-0165-3.
27. Melekhin A. I., Sergienko E. A. Predictors of subjective age and emotional health in the elderly. *Experimental Psychology=Eksperimental'naya Psikhologiya*. 2015;8(3):185–201. (In Russ.). DOI [10.17759/exppsy.2015080316](https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080316).

28. Sergienko E. A., Kharlamenkov N. E. Psychological factors of well-being aging. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*=*Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psixologiya i pedagogika*. 2018;8(3):243–257. (In Russ.). DOI [10.21638/11701/spbu16.2018.303](https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.303).
29. Kharlamov S. V. Factors influencing the formation of psychological well-being. *Herald of Omsk University. Series Psychology*=*Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Psikhologiya*. 2024;(4):118–125. (In Russ.). DOI [10.24147/2410-6364.2024.4.118-125](https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.4.118-125).
30. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Social isolation and loneliness in older age. *Sociological Science and Social Practice*=*Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2022;10(4):46–63. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9282](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9282).
31. Kosygina K. E. The cultural potential of the modern Russian region: infrastructure and consumption of services by the population (on the example of the Vologda region). *Sociological Science and Social Practice*=*Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):55–77. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.3).
32. Kolesov A. A., Belekova G. V. Age differences in the perception of well being: a sociological study of ideas about life in general and in old age. *Society and Security Insights*. 2025;8(2):39–58. (In Russ.). DOI [10.14258/SSI\(2025\)2-03](https://doi.org/10.14258/SSI(2025)2-03).
33. Soboleva E. V. Senior citizens' volunteer activity of as one of the forms of active longevity of Russian pensioners. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*=*Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2020;20(1):47–51. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2020-20-1-47-51](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-47-51).
34. Xu Ch., Ye J. Factors influencing older adults' participation in community volunteering service in China: a logistic regression and fsQCA perspective. *Scientific Reports*. 2026;(16):1–20. DOI [10.1038/s41598-025-28669-0](https://doi.org/10.1038/s41598-025-28669-0).
35. Belekova G. V. Financial well-being of older adults: theoretical and methodological aspects and assessment issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*=*E'konomicheskie i social'ny'e peremeny': fakty, tendencii, prognoz*. 2023;16(5):117–137. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2023.5.89.7](https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.7).

Information about the Authors

A. A. Sokolova

Candidate of Economics
Researcher

A. E. Zhdanova

Junior Researcher

A. A. Korzina

Junior Researcher

Contribution of the authors:

- A. A. Sokolova – 40% (preparation of the general theoretical and methodological basis of the research, organization of conducting and processing interview data, participation in writing all sections of the article, carrying out critical analysis and revision of the article text);
- A. E. Zhdanova – 30% (participation in conducting and processing interview data, participation in writing the section with research results, revision of the article text);
- A. A. Korzina – 30% (participation in conducting and processing interview data, participation in writing the section with research results, revision of the article text).

The article was submitted 27.02.2026; approved after reviewing 30.03.2026; accepted for publication 15.04.2026.

УДК 316.4

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.2.5

EDN: VXAZPG

Научная статья

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЕХНОЛОГИИ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА В ОРГАНАХ ВЛАСТИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ)

Ольга Владимировна Рогач

Финансовый университет при Правительстве РФ,

Москва, Россия

*OV*Rogach@fa.ru,

ORCID 0000-0002-3031-4575

Для цитирования: Рогач О. В. Эффективность технологии кадрового резерва в органах власти (результаты опроса муниципальных служащих) // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 93–112. DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.5. EDN VXAZPG.

Аннотация. В статье рассматривается потенциал использования технологии кадрового резерва в формировании долгосрочных карьерных стратегий муниципальных чиновников. Цель исследования заключается в оценке эффективности технологии кадрового резервирования. Анализ основан на данных анкетного опроса муниципальных служащих ($n = 3066$, 2025 г.). Методика исследования предусматривала выявление наличия и особенностей связи карьерных стратегий респондентов с их восприятием эффективности управленческой технологии кадрового резерва. Установлено наличие деструкций в формировании профессиональной идентичности муниципальных кадров: с увеличением стажа работы в органах власти усиливаются изменения в эмоционально-личностной сфере (зафиксированы признаки профессионального выгорания, усталости, формализма в решении профессиональных задач). При этом карьерная пассивность не позволяет таким специалистам более осознанно подойти к планированию своего профессионального и должностного роста через участие в кадровом резерве. Выявлена амбивалентность карьерных стратегий молодых специалистов: в данной категории муниципальных служащих несколько выше, чем в среднем по выборке, доля респондентов, не задумывающихся о смене сферы трудовой деятельности. С другой стороны, молодые специалисты существенно реже, чем иные муниципальные служащие, планируют построение карьеры в местных органах власти на долгосрочной основе. Результаты исследования показали достаточно низкие оценки респондентами эффективности технологии формирования кадрового резерва – вне зависимости от территориальной принадлежности. Эффективной технология оказывается для служащего, имеющего следующие черты: активность в карьерном планировании, стаж работы от года до 5 лет, высокий уровень мотивации на продолжение службы в выбранном органе муниципальной власти. Не считают эффективной существующую технологию служащие, отличающиеся такими качествами, как: карьерная пассивность и отсутствие желания продолжать работу в муниципальных органах власти, стаж работы более 10 лет, низкая мотивация и наличие признаков профессионального выгорания.

Ключевые слова: муниципальная служба, кадровый резерв, престиж, карьерные стратегии, профессиональное выгорание, профессионализация управления

Благодарности: автор выражает благодарность доктору социологических наук, профессору Е. В. Фроловой за помощь в организации и проведении исследования

Введение. Обоснование проблемы

Сложность обеспечения высокого качества жизни населения и проактивного развития территорий муниципальных образований определяет внимание учёных и практиков к кадровому корпусу местных органов власти. В научном дискурсе представлены исследования, выявляющие проблемные зоны в разработке профессиональных стандартов [1, с. 274] и профессиональном развитии муниципальных кадров [2, с. 88], карьерных перспективах служащих в органах местной власти [3, с. 55]. В значительной степени современный фокус кадровой работы во властных структурах на местах сосредоточен на оперативных задачах: организации конкурсных процедур, аттестации, ведении личных дел. В меньшей степени наблюдается фокусировка усилий кадровых служб на формировании кадровых резервов как инструмента снижения оттока профессиональных кадров и карьерного развития муниципальных служащих [4, с. 228].

В целом исследования обосновывают необходимость выработки новых подходов в кадровой политике, пересмотр мер профессионального развития специалистов публичных органов власти. Данный вывод коррелирует с тематикой зарубежных исследований последних лет, где обозначены такие приоритеты, как раскрытие личностно-профессионального потенциала чиновников [5, р. 52], стимулирование их мотивации к практикам общественного служения в контексте гуманизации условий работы, оптимизация профессиональных задач и оплаты труда [6, р. 2]. По мнению Т. Клатт и М. Фэйрхолм, кадровые технологии в органах публичной власти должны обеспечивать, с одной стороны, мотивацию муниципальных служащих на долгосрочные карьерные стратегии, с другой – формировать особую политическую культуру, основанную на принципах служения, доминирования этических норм и гуманистических ценностей [7, р. 67]. В развитие данного вывода можно привести результаты опроса муниципальных служащих сельских поселений на севере Швеции, иллюстрирующие наличие зависимости между созданными в органах власти организационными условиями и формированием профессионального самосознания муниципальных кадров [8, р. 1225].

В России появление симптоматики карьерных деструкций на муниципальной службе совпало с реформированием модели местного самоуправления. Сложившееся положение актуализировало значимость использования передовых для сферы управления кадрами инструментов и технологий, нацеленных на повышение привлекательности работы в органах муниципальной власти. Особое внимание экспертов сфокусировалось на потенциале создания кадровых резервов для обеспечения высокого уровня профессионализации

муниципальных служащих. По мнению А. Г. Комиссарова и И. Б. Шебуракова, кадровые резервы становятся определяющим условием оценки «уровня готовности <управленческих кадров> к саморазвитию, к личной и профессиональной мобильности, карьерных ожиданий» [9, с. 7]. Также учёные акцентируют внимание на необходимости изменения кадровых технологий при оценке компетенций «управленцев» для повышения эффективности кадрового отбора в органы власти [10, с. 540].

Новые российские реалии формируют запрос муниципалитетов на устойчивость института муниципальной службы, что может быть достигнуто путём изменения практик формирования и использования кадрового резерва в органах власти. Схожей позиции придерживается и Т. Э. Каллагов, по мнению которого наблюдается противоречивая ситуация в подходах к его формированию [11, с. 87]. Несмотря на то, что данный инструмент кадровой политики в органах власти призван стать «фильтром» отбора не просто профессиональных работников, но кадров новой формации – наиболее способных к эффективному управлению, согласно своим деловым, моральным и этическим качествам, отмечаются дефициты профессиональных компетенций муниципального кадрового корпуса [12]. Дополняя данную точку зрения, В. В. Нестеренко и В. В. Кутько артикулируют значимость формирования кадрового резерва как необходимого условия «обеспечения кадровой преемственности» [13, с. 2], «подготовки компетентных профессиональных кадров» [14, с. 92].

Ряд исследований, проведённых на отечественном эмпирическом материале, посвящён оценке эффективности кадровых процедур на муниципальной службе [15, с. 2]. В частности, рассматриваются такие аспекты кадровой работы, как подбор муниципальных чиновников, развитие их профессиональных компетенций, выстраивание карьерных треков в публичных органах власти. В этом контексте интересны выводы, сделанные Г. М. Шамаровой. По мнению учёного, в муниципалитетах с дефицитами ресурсной базы отмечается и недостаток передовых инструментов кадровой работы, в том числе на самых первых ступенях профессионального развития муниципальных кадров: подбор, привлечение талантливой молодёжи, удержание опытных и высококвалифицированных служащих [16, с. 231]. Указанная дисфункциональность кадровых технологий, отсутствие акцента на возможности кадрового резервирования муниципальных служащих становятся причинами нарушений профессиональной идентичности специалистов, их оттока из органов власти в коммерческий сектор. Минимизация карьерных возможностей в местных органах власти может быть следствием дефицита знаний руководителей местных администраций о кадровых резервах, непонимания последними возможности использования данной кадровой технологии для формирования устойчивых трендов на долгосрочность карьерных установок муниципальных служащих [17, с. 264].

Анализ научного дискурса свидетельствует, что эмпирическое описание потенциала использования кадровых инструментов в органах власти в большей степени представлено примерами государственных структур. Активное

задействование механизмов отбора для замещения вышестоящих должностей на государственной службе трансформировало восприятие резервистов как «запасных игроков» к пониманию этого контингента как «ресурса развития» [18, с. 324]. Вместе с тем указанный подход к отбору наиболее подготовленных кадров не только не воспроизводится в той же мере на уровне современных муниципалитетов, но и не становится действенным инструментом профессионализации кадров.

Стоит отметить, что исторический контекст формирования карьерных траекторий в органах власти предполагал наличие «разветвлённой сети социальных механизмов <их> идеологической и профессиональной подготовки» [19, с. 294]. Однако современные условия прохождения службы имеют скорее стохастический характер в профессиональной мобильности муниципальных кадров. Такой подход иллюстрируется недостаточной прозрачностью механизмов ротации кадров и их резервирования, сужением вариативности стратификационных возможностей в муниципалитетах. В рамках государственных структур управления кастомизация карьерных стратегий имеет элитарную направленность, тогда как на уровне местной власти более перспективным становится расширение каналов политического лидерства [20, с. 37].

Дефициты кадровых технологий в муниципальных органах власти могут рассматриваться в качестве предпосылки ухудшения профессионального самочувствия муниципальных служащих, деградации мотивационных установок, профессиональных ценностей и этических норм данной профессиональной группы. Использование формального подхода в резервировании муниципальных кадров элиминирует значимость профессиональной самоидентификации муниципальных служащих. Так, по мнению Т. Н. Родюковой, трансформация кадровых процедур в формальные шаблоны, которые не отражают требования к соблюдению профессиональной дисциплины на муниципальной службе, становится активатором целого комплекса проблем, снижающих эффективность муниципального управления [21, с. 91].

Методология, методика, цель и эмпирическая база исследования

В социологическом дискурсе изучение резервов органов власти как технологии ротации кадров зачастую связывается с идеями вертикальной и горизонтальной мобильности служащих. В этом контексте теории социальной мобильности представляют существенную методологическую ценность в обосновании функциональной возможности технологии кадрового резерва выступать карьерным лифтом для муниципальных служащих. Согласно П. А. Сорокину, социальную мобильность следует рассматривать как перемещение индивидов внутри социального пространства [22], которое обеспечивает изменение их социального статуса и экономического благосостояния. Такой подход высвечивает преференции участия муниципальных служащих в кадровых резервах, в числе

которых можно выделить: продвижение по должностной лестнице, рост заработной платы, развитие профессиональных компетенций и т. п. По мнению П. А. Сорокина, социальная мобильность индивида интериоризируется в формате горизонтальных и вертикальных перемещений. Поливариантность социальной мобильности муниципальных служащих, как и иной профессиональной группы, может быть проиллюстрирована в выборе индивидом предпочтительных карьерных треков.

В качестве методологической координаты исследования, на данных которого осуществлён анализ, используются положения теории социального действия, которые дополняют объяснение специфики резервирования в части восприятия муниципальными служащими эффективности данной кадровой технологии. Согласно М. Веберу, социальные действия индивида определяются субъективным смыслом и связаны с рациональным выбором средств достижения цели [23], что обуславливает необходимость поиска детерминант востребованности кадровых резервов на муниципальной службе. По мнению учёного, ценностно-рациональная ориентация социального действия отличается осознанным определением индивидом вектора «движения» и осуществлением последовательных шагов по достижению цели. Согласно Т. Парсонсу, сущность социального действия проявляется в таких признаках, как нормативность (связь с общепринятыми нормами и структурами), волюнтаризм (наличие у индивида некоторой свободы выбора) и механизмы [24]. В контексте анализа данных исследования, на котором основаны выводы, представленные в статье, положения теории социального действия М. Вебера и Т. Парсонса применяются к объяснению специфики карьерного планирования на муниципальной службе.

Цель авторского анализа данных исследования заключается в оценке эффективности технологии кадрового резервирования на муниципальной службе, установлении субъективно-личностных факторов, связывающих карьерные стратегии служащих органов власти с их восприятием эффективности упомянутой технологии.

Для сбора эмпирической информации использовался метод анкетного опроса муниципальных служащих. Рекрутирование респондентов для формирования выборки осуществлялось посредством онлайн-рассылки анкеты. Организационную поддержку на этом этапе оказала Всероссийская ассоциация развития местного самоуправления (ВАРМСУ), обеспечив персонализированную рассылку анкет главам муниципальных образований всех регионов Российской Федерации. Отклик получен из муниципальных образований 36 субъектов Российской Федерации. Из остальных субъектов ответа не поступило. Общая численность всех служащих в исполнительно-распорядительных органах муниципальных образований на момент опроса составляла 277,5 тыс. человек, совокупность полученных анкет составляет 3 066 единиц наблюдения, то есть в массиве данных представлен 1,1% общероссийской численности муниципальных служащих. В муниципальных образованиях 36 регионов, предоставивших анкеты, общая численность служащих муниципальных органов власти

составляла 147,6 тыс. человек, 3 066 единиц наблюдения от этого количества составляют 2,1%. Поскольку анкета передавалась через посредника и на самозаполнение, мотивация конкретного человека принять участие в опросе не известна, представлять совокупность анкет как выборку нет оснований. Тем не менее как совокупность, как целевой массив конкретного социально-профессионального профиля населения данные представляют интерес при поисковой, разведывательной стратегии анализа специфики основного массива. Результаты, безусловно, не могут интерпретироваться относительно всей совокупности муниципальных служащих, однако они являются отражением мнений и оценок контингента муниципальных служащих 36 регионов. Это обстоятельство позволяет рассматривать результаты как основу для масштабного опроса этой категории, а также для научной поддержки управленческих инициатив.

Обработка результатов осуществлялась на базе программного обеспечения SPSS.

Социально-демографический портрет опрошенных представлен следующими пропорциями. Возраст респондентов в целом отражает характеристики кадрового состава муниципальной службы: молодёжь (18–25 лет) от общего числа опрошенных составляет только 2,7%, лица в возрасте 26–35 лет – 14,2%, среднего возраста (36–45 лет) – 37,3% и 46–55 лет – 32,5%. Доля респондентов старше 56 лет составила 13,3%. Указанное распределение респондентов по возрасту в целом пропорционально их опыту службы. Минимальный стаж работы в органах местной власти (до 1 года) имеют только 7,4% респондентов, от 1 года до 3 лет – 13,2%, от 3 до 5 лет – 10,6%, от 5 до 10 лет – 18,2%; у большинства респондентов стаж работы составляет 10 лет и более (50,5%). 45,4% из числа опрошенных занимают старшие муниципальные должности. Распределение по иным должностям муниципальной службы – главные, ведущие, младшие специалисты – имеет практически равное представительство: 20,4%, 15,9% и 18,3% соответственно. Территориальное представительство респондентов имеет следующие пропорции: условно равные доли в совокупности респондентов имеют служащие из городов численностью до 50 тыс. человек (34,2%) и сельских поселений (33,3%); доля респондентов из более крупных городских поселений представлена в малых пропорциях: в городах до 100 тыс. человек – 11,8%, до 500 тыс. человек – 9,0%, свыше 1 млн человек – 4,3%. Доля муниципальных служащих из городов с численностью выше миллиона человек составила 7,4%.

Результаты

Согласно полученным данным, треть опрошенных рассматривают муниципальную службу как привлекательную сферу профессиональной деятельности (32,0%). Суммарная доля респондентов, полагающих, что престиж муниципальной службы в современных российских реалиях невысок, составила 38,6%. Примечательно, что 29,4% опрошенных затруднились с ответом. Сложившееся среди муниципальных служащих мнение иллюстрирует наличие деструкций

в развитии института местного самоуправления в целом и формировании профессиональной идентичности муниципальных кадров в частности.

Косвенным свидетельством сделанного вывода становится установленная связь между тональностью ответов респондентов и стажем работы в органах власти: «новички» в целом более позитивно оценивают привлекательность муниципальных органов власти для построения карьеры, тогда как служащие с опытом работы более 10 лет склоняются к противоположному мнению. Для них характерно наличие признаков профессионального выгорания, эмоциональной усталости, формализма в решении профессиональных задач. Ответы респондентов коррелируют с результатами исследований ряда российских авторов: возрастной порог в 45 лет рассматривается как своего рода переломный момент, характеризующийся накоплением усталости от выполнения большого объёма рабочих задач, что мотивирует муниципальных служащих задуматься о смене сферы профессиональной деятельности [25, с. 8]. Полученные данные частично подтверждают сохранение традиционных для кадровой политики местной власти проблемных зон, связанных с консервативностью подходов, отсутствием инноваций в работе с кадровыми резервами. При этом молодые специалисты в возрасте 18–25 лет, имея минимальный опыт работы в муниципальных органах власти, отличаются амбивалентностью карьерных стратегий (см. табл. 1).

Таблица 1
Планы относительно срока пребывания на муниципальной службе
респондентов разных возрастных групп, 2025 г., %

Возраст	Планы относительно срока пребывания на муниципальной службе			
	Не задумывались об этом	Планируют остаться надолго	Планируют уйти в ближайшее время	В поиске работы
От 18 до 25 лет	51,8	24,1	18,1	6,0
От 26 до 35 лет	42,8	34,2	17,0	6,0
От 36 до 45 лет	44,5	37,0	12,8	5,7
От 46 до 55 лет	43,7	38,0	13,4	4,9
Старше 56 лет	53,3	28,7	17,2	0,8
По массиву в целом	45,4	35,5	14,3	4,8

С одной стороны, в категории муниципальных служащих в возрасте до 25 лет несколько выше, чем в среднем по совокупности опрошенных, доля респондентов, не задумывавшихся о смене трудовой деятельности (51,8%, что выше средних значений на 6,4 п. п.). Заметим, что в категории респондентов предпенсионного возраста эта доля ещё выше (53,3%). Однако в этом случае речь, скорее всего, идёт о завершении карьеры в органах власти, поэтому сравнение возрастной когорты старше 56 лет с иными возрастными группами не в полной мере релевантно. С другой стороны, молодые специалисты существенно реже,

чем иные муниципальные служащие, планируют построение карьеры в местных органах власти на долгосрочной основе (24,1%, что ниже средних значений на 11,4%). Примечательно, что с возрастом муниципальные служащие всё больше склоняются к долгосрочным карьерным трекам («планирую остаться надолго») и менее склонны к быстрой смене сферы профессиональной деятельности.

Согласно российскому законодательству, приоритетные направления формирования кадрового состава муниципальной службы включают в себя, помимо прочего, применение современных технологий работы. Однако оценка внутренних условий прохождения муниципальной службы, как и социального контекста реализации полномочий муниципальных чиновников, не отличается позитивными трендами. Организационные условия отличаются типичными признаками бюрократических структур: чёткие инструкции (отметили 69,8% опрошенных), большое количество проверок со стороны вышестоящих органов власти (49,7%), при этом доминирующая доля муниципальных служащих отмечает низкий уровень оплаты их труда (85,7%). Отмечается дефицит ресурсов муниципалитета для решения проблем территории (85,3%), недоверие местных жителей (62,9%) и конфликтогенность специфики решаемых задач (67,0%).

Стоит также отметить и дополнительные факторы, которые вынуждают муниципальных служащих задуматься о прекращении карьеры в органах власти. В их числе стойкое негативное восприятие муниципальной службы в общественном сознании: 43,1% опрошенных отмечают деструктивный контент при освещении их работы в СМИ. Новостная повестка служит инструментом формирования малопривлекательного образа муниципального служащего, привязывая негативные нарративы жизни местного сообщества к последствиям неэффективного управления. Зарубежные исследования также акцентируют внимание на негативном контексте общественной оценки эффективности работы муниципальных служащих [26, р. 43], что в совокупности с формализмом кадровой политики способствует оттоку квалифицированных кадров. При этом только 34,4% опрошенных муниципальных служащих отмечают низкий уровень профессионализма сотрудников местных органов власти. Полученное распределение ответов позволяет высветить несколько методологически ценных координат исследования: большинство местных чиновников склонны рассматривать кадровый корпус муниципальной службы как профессионалов в своей области. При этом сложности организационного и социального характера снижают привлекательность общественного служения для большинства муниципальных служащих, формируя у них зоны фрустрации. Схожие выводы о влиянии мотивационных установок на долгосрочность карьерных стратегий в органах власти сделаны в исследовании Н. В. Проказиной [27].

Результаты исследования показали, что 40,0% респондентов отмечают отсутствие возможностей для построения карьеры в органах муниципальной власти, однако мало кто из них придерживается проактивных карьерных стратегий. Возможным решением выявленных проблем могло бы стать изменение существующего подхода к кадровому резервированию на муниципальной службе,

однако в современных реалиях общие оценки муниципальными служащими эффективности данной технологии демонстрируют низкий диапазон (см. рис. 1). В сумме 44,5% опрошенных отмечают ту или иную степень неэффективности использования на муниципальной службе технологии кадрового резерва.

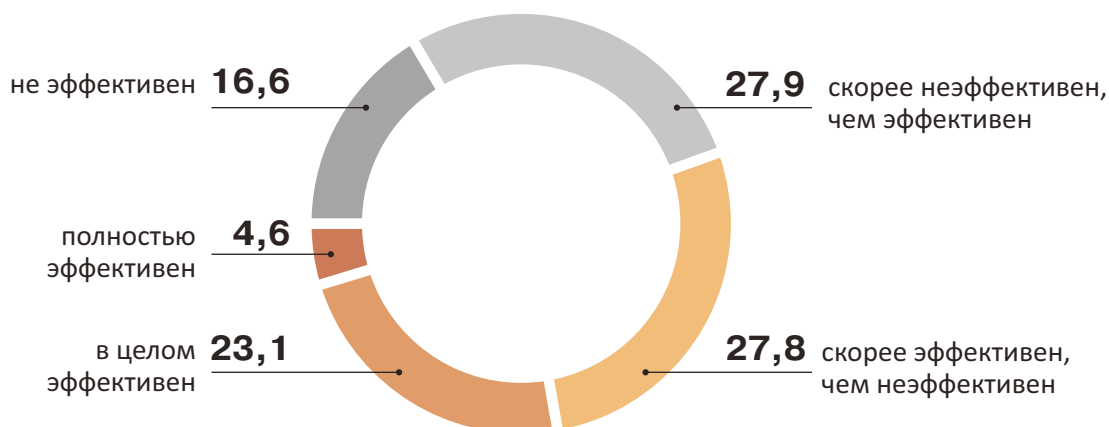

Рис. 1. Оценка респондентами эффективности технологии кадрового резерва муниципальной службы, 2025 г., %

Однако полагаем, что стоит обратить более пристальное внимание на связь оценок эффективности кадрового резерва и карьерных планов муниципальных служащих (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка эффективности технологии кадрового резерва муниципальной службы респондентами с разными карьерными планами, 2025 г., %

Карьерные планы муниципальных служащих	Оценка эффективности кадрового резерва муниципальной службы				
	не эффективен	скорее не эффективен, чем эффективен	скорее эффективен, чем не эффективен	в целом эффективен	полностью эффективен
Хотят «расти» в своём муниципалитете	13,1	21,4	30,2	28,4	6,9
Рассматривают возможность карьерного роста на других уровнях управления (регион, федеральный уровень)	18,7	32,5	25,9	19,9	3,0
Планируют уйти в другую профессиональную сферу	28,9	39,7	18,3	10,6	2,5
Ничего не планируют	14,0	27,3	30,1	24,3	4,3
По массиву в целом	16,6	27,8	27,8	23,1	4,7

Примечание: вопрос не предусматривал ответа «затрудняюсь ответить»

Среди тех опрошенных, кто планирует профессионально расти в своём муниципалитете, выше оценки эффективности использования кадровых резервов на муниципальной службе. При выборе варианта ответа, иллюстрирующего продолжение карьерного роста уже в государственных органах власти, оценки эффективности кадрового резервирования снижаются. Наименьшее признание эффективности кадрового резерва свойственно тем муниципальным служащим, кто планирует уйти в другую профессиональную сферу: «не эффективен» и «скорее не эффективен» выбрали 28,9% и 39,7% респондентов соответственно.

Примечательно, что усреднённые значения демонстрируют те муниципальные служащие, которые отличаются карьерной пассивностью и не строят планов.

Следует также отметить, что косвенным свидетельством эффективности кадровых резервов (или, более широко, – кадровых технологий) выступает показатель текучести кадров. Для предприятий российских отраслей хозяйствования нормой являются показатели от 5 до 10%, однако в органах государственной власти они начинаются с 13%. В органах муниципальной власти, по неофициальным данным, показатель текучести кадров существенно выше. В целом оценки респондентов подтвердили высказанный тезис: в сумме 44,9% муниципальных служащих отметили уровень текучести кадров как высокий (18,2% – высокий, 26,7% – скорее высокий). Только 4,6% опрошенных могут охарактеризовать уровень текучести кадров на муниципальной службе в своём муниципальном образовании как низкий.

В таблице 3 представлены данные о связи оценок текучести кадров и эффективности технологии кадрового резерва.

Таблица 3

Текучесть кадров на муниципальной службе и эффективность кадрового резерва в оценках муниципальных служащих, 2025 г., %

Оценка эффективности кадрового резерва муниципальной службы	Оценка уровня текучести кадров на муниципальной службе				
	высокий	скорее высокий	скорее низкий	низкий	затруднились с ответом
Не эффективен	35,8	31,3	9,0	3,9	20,0
Скорее не эффективен, чем эффективен	21,2	33,0	15,1	1,3	29,4
Скорее эффективен, чем не эффективен	10,0	27,1	20,1	2,7	40,1
В целом эффективен	11,5	19,2	19,4	8,5	41,4
Полностью эффективен	19,4	7,6	16,0	18,8	38,2
По массиву в целом	18,2	26,7	16,5	4,6	34,0

Среди тех муниципальных служащих, кто рассматривает функционирование кадрового резерва как неэффективное, доля высоких оценок текучести

кадров превышает средние значения по выборке на 17,6 п. п. Обратная ситуация складывается среди муниципальных служащих, позитивно оценивающих технологию кадрового резерва («полностью эффективен»). Чаше чем в среднем по массиву они оценивали уровень текучести кадров на муниципальной службе, как низкий – 18,8% при среднем значении в 4,6%. Наличие связи между карьерными планами муниципальных служащих, в том числе выхода из своей профессиональной сферы, и эффективностью технологий резервирования в органах власти требует пересмотра методов и инструментов работы с кадровым резервом на муниципальной службе.

Влияние социально-демографического профиля респондентов на оценки эффективности кадрового резерва показало наличие следующих взаимосвязей (см. табл. 4).

Таблица 4
Оценка эффективности кадрового резерва муниципальных служащих с разным социально-демографическим профилем, 2025 г. %

Социально-демографические характеристики муниципальных служащих	Оценка эффективности кадрового резерва муниципальной службы				
	не эффективен	скорее не эффективен, чем эффективен	скорее эффективен, чем не эффективен	в целом эффективен	полностью эффективен
<i>Возраст</i>					
От 18 до 25 лет	13,3	16,9	31,3	26,5	12,0
От 26 до 35 лет	14,0	25,2	31,0	22,7	7,1
От 36 до 45 лет	17,6	28,4	27,4	23,0	3,6
От 46 до 55 лет	16,9	29,1	28,2	21,2	4,6
Старше 56 лет	16,5	28,3	23,6	27,5	4,1
<i>Стаж</i>					
До 1 года	8,4	15,0	30,5	38,1	8,0
От 1 года до 3 лет	14,5	24,9	27,3	27,6	5,7
От 3 до 5 лет	14,1	29,1	28,5	23,9	4,4
От 5 до 10 лет	15,9	26,1	30,8	22,5	4,7
Более 10 лет	19,1	30,9	26,3	19,7	4,0
<i>Муниципальные служащие</i>					
Главные	18,2	30,2	23,0	25,3	3,3
Ведущие	20,4	29,8	25,3	21,6	2,9
Старшие	16,0	26,7	29,5	22,5	5,3
Младшие	13,0	26,3	31,0	23,1	6,6

Окончание таблицы 4

Социально-демографические характеристики муниципальных служащих	Оценка эффективности кадрового резерва муниципальной службы				
	не эффективен	скорее не эффективен, чем эффективен	скорее эффективен, чем не эффективен	в целом эффективен	полностью эффективен
<i>Тип муниципального образования</i>					
Сельское поселение	16,0	24,3	29,0	26,2	4,5
Город численностью до 50 тыс. чел.	17,3	30,6	28,2	20,1	3,8
Город численностью от 50 до 100 тыс. чел.	13,5	28,5	29,0	24,6	4,4
Город численностью от 100 до 500 тыс. чел.	21,0	27,9	24,3	21,7	5,1
Город численностью от 500 тыс. чел до 1 млн чел.	21,1	22,6	24,8	22,6	8,9
Город-мегаполис от 1 млн чел.	13,3	33,3	24,4	21,8	7,2
По массиву в целом	16,6	27,9	27,8	23,1	4,6

Возрастные характеристики муниципального кадрового корпуса не имеют статистически значимой связи с оценками эффективности технологий кадрового резервирования. Полученное распределение ответов в целом коррелирует с установленной ранее инертностью большинства служащих при планировании карьерного пути в органах власти. Место прохождения муниципальной службы также не дифференцирует массив. Предположение о преобладании в крупных муниципальных образованиях более высоких, чем в среднем по совокупности опрошенных, оценок эффективности кадровых резервов в данном исследовании не подтвердилось. Сделанный вывод можно противопоставить заключению Г. М. Шамаровой о связи ресурсной базы муниципального образования с использованием передовых инструментов кадровой работы, что отмечалось выше [16].

Связь оценок эффективности кадрового резерва и должности муниципального служащего не является статистически значимой. Среди специалистов, находящихся на главных муниципальных должностях, выше, чем в среднем по массиву, признание неэффективности данной кадровой технологии. Возможно, опыт и более точное понимание необходимых при должностном росте профессиональных компетенций формирует у руководителей негативное восприятие возможностей использования резервов как точек роста для муниципальных кадров.

Распределение ответов респондентов показало наличие отрицательной тенденции: увеличение стажа работы в органах муниципальной власти не обеспечивает более высокие оценки эффективности технологии кадрового резерва,

наоборот – рост стажа работы в местных органах управления сопровождается «разочарованием» в данной кадровой технологии. Сопоставляя оценки «не эффективен» у муниципальных служащих с 1 годом стажа и со стажем более 10 лет, наблюдается разрыв в 10,7 п. п. (8,4% vs 19,1%). Обратная ситуация наблюдается среди данных групп в выборе ответа «в целом эффективен» (38,1% vs 19,7%).

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты позволили сделать вывод о наличии деструкций в формировании профессиональной идентичности муниципальных кадров. Респонденты в целом дают низкие оценки привлекательности работы в местных органах власти. Установлена связь отношения к службе в муниципальных органах власти со стажем работы. Наличие профессионального стажа на муниципальной службе от 10 лет и выше сопровождается изменениями эмоционально-личностных характеристик: отмечаются признаки профессионального выгорания, усталости, формализма в решении профессиональных задач. Ликвидация недостатка инновационных кадровых технологий на муниципальном уровне является важнейшим направлением совершенствования работы по подготовке управленческих кадров.

Среди молодёжи отмечается амбивалентность карьерных стратегий. В данной категории муниципальных служащих несколько выше, чем в среднем по выборке, доля респондентов, кто не задумывался о смене трудовой деятельности. С другой стороны, молодые специалисты существенно реже, чем иные муниципальные служащие, планируют построение карьеры в местных органах власти на долгосрочной основе. Результаты исследования позволили предположить, что для местных органов власти характерны кадровый голод и отсутствие целенаправленных действий по отбору наиболее мотивированных к общественному служению специалистов. Карьерная пассивность в начале работы в органах власти может рассматриваться как пример девальвации профессиональных ценностей муниципальной службы, что подтверждается отсутствием более высокой заинтересованности молодых специалистов в кадровом резервировании.

Внутренние условия прохождения муниципальной службы оцениваются как сильно бюрократизированные. Низкий уровень оплаты труда и ограничения карьерного роста, отмеченные в ходе опроса, не компенсируются инструментами личностно-профессионального развития муниципальных служащих, использованием кадровых резервов как механизма нивелирования недовольства специалистов. Среди респондентов, проработавших в органах власти более 10 лет, выше уровень профессионального выгорания, эмоциональной усталости и своего рода «пессимизма». При этом карьерная пассивность не позволяет таким специалистам более осознано подойти к планированию своего профессионального и должностного роста через участие в кадровом резерве.

Результаты исследования показали, что среди муниципальных служащих доминирует мнение о достаточно высоком профессиональном уровне сотрудников

местных органов власти, что можно использовать, применив для российских служащих практики кадрового резервирования, основанные на идее перспективного карьерного «лифта». На данном этапе эффективность кадрового резервирования респондентами всех должностных уровней с карьерным ростом не связывается. Представители главных должностных уровней муниципальной службы несколько чаще, чем в среднем по массиву, отмечают неэффективность технологии кадровых резервов в органах муниципальной власти.

Место прохождения муниципальной службы, как показало исследование, не влияет на оценку эффективности использования в кадровой работе технологий резервирования. Не подтвердилось предположение о преобладании более высоких оценок технологий кадрового резерва в крупных муниципальных образованиях, обладающих бóльшим ресурсным потенциалом для профессионального и карьерного роста муниципальных служащих.

При этом отмечается статистически значимая связь между карьерным планированием и оценкой эффективности кадровых технологий на муниципальной службе. Наименьшее признание эффективности кадрового резерва свойственно тем муниципальным служащим, кто планирует уйти в другую профессиональную сферу, наибольшее – планирующим остаться в своём органе власти. В ходе исследования также установлена взаимосвязь оценок эффективности кадрового резерва муниципальной службы с текучестью кадров.

Подводя итоги проведённого анализа, приведём обобщающие характеристики кадрового резервиста в муниципальных органах власти: активность в карьерном планировании, стаж работы от года до 5 лет, высокий уровень мотивации на продолжение службы в выбранном органе муниципальной власти. Антипода кадрового резервиста отличают такие черты, как: карьерная пассивность и отсутствие желания продолжать работу в муниципальных органах власти, стаж работы от 10 лет, низкая мотивация и наличие признаков профессионального выгорания. Можно предположить, что включение муниципальных служащих из второй категории в кадровые резервы не только не исправит ситуацию, но и будет способствовать оттоку кадров. Однако данный вывод требует проведения качественного анализа мотивационного профиля муниципальных служащих, что не было задачей данного исследования.

В целом перспективными направлениями исследований в рамках данной темы могут стать: анализ карьерных стратегий кадровых резервистов на муниципальной службе, изучение факторов мотивации вступления в кадровые резервы, проведение сравнительных исследований профиля резервистов на государственной и муниципальной службе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Троянская М. А. Использование профессиональных стандартов на муниципальной службе // Вестник Академии знаний. 2021. № 42 (1). С. 273–279. DOI [10.24412/2304-6139-2021-10923](https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-10923). EDN JCNPSR.

2. Козловский М. Е. Муниципальные служащие и проблемы их профессионального и управленческого развития в современной России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 87–93. DOI [10.17213/2075-2067-2021-6-87-93](#). EDN [JZCSRS](#).
3. Сидорова О. В. Современное состояние, проблемы и перспективы развития муниципальной службы в России // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 54–56. DOI [10.47643/1815-1337_2022_8_54](#). EDN [DLRGXD](#).
4. Каменева Т. Н. Направления повышения престижа муниципальной службы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 3. С. 224–234. DOI [10.21869/2223-1552-2025-15-3-224-234](#). EDN [YPENRU](#).
5. Sternberg R. J. Giftedness does not reside within a person: defining giftedness in society is a three-step process // Roeper Review. 2023. Vol. 45, № 1. P. 50–60. DOI [10.1080/02783193.2022.2145400](#). EDN [RUBBWV](#).
6. Favero N., Pedersen M. J., Park J. Which job attributes attract individuals high in public service motivation and self-efficacy to a public service job? // Public Administration. 2023. P. 1–40. DOI [10.1111/padm.12975](#). EDN [SYEYHK](#).
7. Klatt T., Fairholm M. Promote or Deter: How Organizations Influence Public Service Motivation // Public Personnel Management. 2022. Т. 52, № 1. P. 48–69. DOI [10.1177/00910260221121101](#). EDN [OJPLR](#).
8. Organizational and psychosocial environmental work factors associated with self-rated exhaustion disorder among municipal employees in rural northern Sweden / S. Asplund, B.-M. Lindgren, S. Åström [et al.] // WORK. 2023. Vol. 75. № 4. P. 1215–1229. DOI [10.3233/wor-220225](#). EDN [ZOIZUS](#).
9. Комиссаров А. Г., Шебураков И. Б. Кадровые резервы в системе государственного управления: опыт и новые смыслы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 7–38. DOI [10.17323/1999-5431-2024-0-1-7-38](#). EDN [CNIEGH](#).
10. Комиссаров А. Г., Брызгалин В. А. Специфика компетенций высших управленческих кадров в России: кейс конкурса «Лидеры России» // Российский журнал менеджмента. 2022. Т. 20. № 4. С. 524–545. DOI [10.21638/spbu18.2022.404](#). EDN [GVNAVE](#).
11. Каллагов Т. Э. К вопросу о государственной муниципальной кадровой политике в современной России: конституционно-правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 86–88. DOI [10.24412/2414-3995-2023-2-86-88](#). EDN [IVYDIG](#).
12. Шалашикова В. Ю., Разов П. В. Профессионализация муниципального управления: ключевые тренды и проблемы // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 3. С. 160–168. DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-3-160-168](#). EDN [SINJQW](#).
13. Нестеренко В. В., Кутько В. В. Кадровый резерв муниципальной службы: актуальные проблемы формирования и возможные пути их разрешения // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 3. С. 2–5. DOI [10.18572/2072-4314-2024-3-2-5](#). EDN [WERYBN](#).
14. Фурман Е. Н., Молчанова Н. П. Проблемы формирования кадрового резерва муниципальных служащих // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 3. С. 89–100. DOI [10.17308/econ.2020.3/3108](#). EDN [ZHDDTX](#).
15. Шарин В. И., Полещук А. М. Муниципальный кадровый резерв: проблемы функционирования // Human Progress. 2022. Т. 8, № 3. С. 17. DOI [10.34709/IM.183.17](#). EDN [LDQGTS](#).

16. Шамарова Г. М. Современные тенденции развития муниципальной службы // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 3. С. 229–240. DOI [10.15593/2224-9354/2021.3.16](#). EDN [KLOYDL](#).
17. Кулагин А. В., Меньшова В. Н. Профессиональное самочувствие руководителей и специалистов на муниципальной службе // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 256–264. DOI [10.34823/sgz.2021.3.51606](#). EDN [SXEMCJ](#).
18. Масленникова Е. В., Шебураков И. Б., Татарина Л. Н. Анализ применения кадровых резервов в системе государственного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 2. С. 324–336. DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-2-324-336](#). EDN [TFWYQB](#).
19. Лавров И. А., Крыштановская О. В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 2. С. 292–310. DOI [10.17072/2218-9173-2023-2-292-310](#). EDN [EFZRVJ](#).
20. Шалашникова В. Ю., Фролова Е. В., Рогач О. В. Модель «сити-менеджер» как канал формирования политического лидерства в муниципальных образованиях РФ // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18, № 2. С. 36–46. DOI [10.17072/2218-1067-2024-2-36-46](#). EDN [QLYPFF](#).
21. Родюкова Т. Н. Привлечение и удержание молодых специалистов как способ решения кадровых проблем на государственной гражданской и муниципальной службе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. С. 91–96. DOI [10.23672/SAE.2022.48.60.001](#). EDN [QYVUUI](#).
22. Сорокин П. А. Социальная мобильность / Питирим Сорокин; [пер. с англ. М. В. Соколовой]. М. : Academia, 2005. 588 с.
23. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. и общ. ред. Ю. Н. Давыдов. М. : Прогресс, 1990. С. 602–633.
24. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000. 880 с. ISBN 5-8291-0016-9.
25. Исакова Г. К., Аппазова Б. Г., Ихласов Д. Д. Основные направления повышения престижа муниципальной службы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 2 (100). С. 16–20. DOI [10.26726/1812-7096-2019-2-16-20](#). EDN [SLXOPH](#).
26. Wessels R. G. Training and development model for municipal frontline staff // Teaching Public Administration. 2022. Т. 40, № 1. С. 42–69. DOI [10.1177/0144739421997524](#). EDN [NKAMQF](#).
27. Проказина Н. В., Голобородова А. С. Социологический анализ мотивационных механизмов муниципальных служащих: теоретические подходы и социальная практика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 75–90. DOI [10.24412/2071-6141-2025-2-75-90](#). EDN [VCYSCT](#).

Сведения об авторе

О. В. Рогач

доктор социологических наук, доцент
профессор
SPIN-код: [2618-6681](#)

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 15.04.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.2.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.2.5)

EFFECTIVENESS OF STAFF RESERVE TECHNOLOGY IN MUNICIPAL AUTHORITIES (BASED ON A SURVEY OF MUNICIPAL EMPLOYEES)

Olga Vladimirovna Rogach

Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

OVRogach@fa.ru,

ORCID [0000-0002-3031-4575](https://orcid.org/0000-0002-3031-4575)

For citation: Rogach O. V. Effectiveness of staff reserve technology in municipal authorities (based on a survey of municipal employees). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):93–112. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.2.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.2.5).

Abstract. The article examines the potential of using personnel reserve technology in the formation of long-term career strategies of municipal officials. The purpose of the study is to evaluate the effectiveness of personnel reserve technology. The analysis is based on data from a questionnaire survey of municipal employees (n = 3066, 2025). The research methodology involved identifying the presence and characteristics of the relationship between the respondents' career strategies and their perception of the effectiveness of personnel reserve management technology. Destructions in the formation of professional identity of municipal personnel have been identified: as the length of service in government bodies increases, changes in the emotional and personal sphere become more pronounced (signs of professional burnout, fatigue, and formalism in solving professional tasks have been recorded). At the same time, career passivity does not allow such specialists to plan their professional and official growth more consciously through participation in the personnel reserve. The study revealed the ambivalence of career strategies among young professionals: in this category of municipal employees, the proportion of respondents who do not consider changing their field of work is slightly higher than the average for the sample. On the other hand, young professionals are significantly less likely than other municipal employees to plan a long-term career in local government. The results of the study showed that respondents have relatively low ratings of the effectiveness of the technology for creating a personnel reserve, regardless of their territorial affiliation. The technology is effective for employees who have the following characteristics: active career planning, work experience of 1 to 5 years, and a high level of motivation to continue working in the chosen municipal government agency. Employees who have the following qualities do not consider the existing technology to be effective: career passivity and a lack of desire to continue working in municipal government agencies, work experience of more than 10 years, low motivation, and signs of professional burnout.

Keywords: municipal service, personnel reserve, prestige, career strategies, professional burnout, management professionalization

Acknowledgments: the author expresses gratitude for doctor of sciences, professor E. V. Frolova for assistance in organizing and conducting the study.

REFERENCES

1. Troyanskaya M. A. Use of professional standards in the municipal service. *Bulletin of the Academy of Knowledge=Vestnik Akademii znaniy*. 2021;(42):273–279. (In Russ.). DOI [10.24412/2304-6139-2021-10923](https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-10923).
2. Kozlovsky M. E. Municipal employees and the problems of their professional and managerial development in modern Russia. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences=Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-e'konomicheskie nauki* 2021;14(6):87–93. (In Russ.). DOI [10.17213/2075-2067-2021-6-87-93](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-87-93).
3. Sidorova O. V. Current state, problems and prospects for the development of municipal service in Russia. *Law and state: theory and practice=Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2022;(8):54–56. (In Russ.). DOI [10.47643/1815-1337_2022_8_54](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_8_54).
4. Kameneva T. N. Directions for increasing the prestige of municipal service. *Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management=Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: E'konomika. Sociologiya. Menedzhment*. 2025;15(3):224–234. (In Russ.). DOI [10.21869/2223-1552-2025-15-3-224-234](https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-3-224-234).
5. Sternberg R. J. Giftedness does not reside within a person: defining giftedness in society is a three-step process. *Roeper Review*. 2023;45(1):50–60. DOI [10.1080/02783193.2022.2145400](https://doi.org/10.1080/02783193.2022.2145400).
6. Favero N., Pedersen M., Park J. Which job attributes attract individuals high in public service motivation and self-efficacy to a public service job? *Public Administration*. 2023;1–40. DOI [10.1111/padm.12975](https://doi.org/10.1111/padm.12975).
7. Klatt T., Fairholm M. Promote or deter: how organizations influence public service motivation. *Public Personnel Management*. 2022;52(1):48–69. DOI [10.1177/00910260221121101](https://doi.org/10.1177/00910260221121101).
8. Asplund S., Lindgren B.-M., Eström S. [et al.] Organizational and psychosocial environmental work factors associated with self-rated exhaustion disorder among municipal employees in rural northern Sweden. *WORK*. 2023;75(4):1215–1229. DOI [10.3233/wor-220225](https://doi.org/10.3233/wor-220225).
9. Komissarov A. G., Sheburakov I. B. Personnel reserves in the public administration system: experience and new meanings. *Issues of state and municipal administration=Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2024;(1):7–38. (In Russ.). DOI [10.17323/1999-5431-2024-0-1-7-38](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-7-38).
10. Komissarov A. G., Bryzgalin V. A. Specifics of the competencies of senior management personnel in Russia: the case of the “Leaders of Russia” competition. *Russian Journal of Management=Rossiyskij zhurnal menedzhmenta*. 2022;(4):524–545. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu18.2022.404](https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.404).
11. Kallagov T. E. On the issue of state municipal personnel policy in modern Russia: constitutional and legal aspect. *Bulletin of Economic Security=Vestnik e'konomicheskoy bezopasnosti*. 2023;(2):86–88. (In Russ.). DOI [10.24412/2414-3995-2023-2-86-88](https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-2-86-88).
12. Shalashnikova V. Yu., Razov P. V. Professionalization of municipal management: key trends and problems. *Social and political sciences=Social'no-politicheskie nauki*. 2025;15(3):160–168. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-3-160-168](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-3-160-168).
13. Nesterenko V. V., Kutko V. V. Personnel reserve of municipal service: current problems of formation and possible ways of their solution. *Municipal service: legal issues=Municipal'naya sluzhba: pravovy'e voprosy*. 2024;(3):2–5. (In Russ.). DOI [10.18572/2072-4314-2024-3-2-5](https://doi.org/10.18572/2072-4314-2024-3-2-5).
14. Furman E. N., Molchanova N. P. Problems of forming a personnel reserve of municipal employees. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management=Vestnik*

- Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: E'konomika i upravlenie. 2020;(3):89–100. (In Russ.). DOI [10.17308/econ.2020.3/3108](https://doi.org/10.17308/econ.2020.3/3108).
15. Sharin V. I., Poleshchuk A. M. Municipal personnel reserve: problems of functioning. *Human Progress*. 2022;8(3):17. (In Russ.). DOI [10.34709/IM.183.17](https://doi.org/10.34709/IM.183.17).
 16. Shamarova G. M. Modern trends in the development of municipal service. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*=*Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*. 2021;(3):229–240. (In Russ.). DOI [10.15593/2224-9354/2021.3.16](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.3.16).
 17. Kulagin A. V., Menshova V. N. Professional well-being of managers and specialists in municipal service. *Social and humanitarian knowledge*=*Social'no-gumanitarnyye znaniya*. 2021;(3):256–264. (In Russ.). DOI [10.34823/sgz.2021.3.51606](https://doi.org/10.34823/sgz.2021.3.51606).
 18. Maslennikova E. V., Sheburakov I. B., Tatarinova L. N. Analysis of the use of personnel reserves in the public administration system. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*=*Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby' narodov. Seriya: Sociologiya*. 2022;22(2):324–336. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-2-324-336](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-324-336).
 19. Lavrov I. A., Kryshantovskaya O. V. Social mobility and the competition “Leaders of Russia”. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*=*Iskusstvo upravleniya*. 2023;15(2):292–310. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-9173-2023-2-292-310](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-292-310).
 20. Shalashnikova V. Yu., Frolova E. V., Rogach O. V. The “city manager” model as a channel for the formation of political leadership in municipalities of the Russian Federation. *Bulletin of Perm University. Political Science*=*Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2024;18(2):36–46. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-1067-2024-2-36-46](https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-36-46).
 21. Rodyukova T. N. Attracting and retaining young professionals as a way to solve personnel problems in the state civil and municipal service. *Humanities, socio-economic and social sciences*=*Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. 2022;(12):91–96. (In Russ.). DOI [10.23672/SAE.2022.48.60.001](https://doi.org/10.23672/SAE.2022.48.60.001).
 22. Sorokin P. A. Social mobility [Social'naya mobil'nost']. M. V. Sokolova, transl. from English. Moscow: Academia; 2005. 588 p. (In Russ.).
 23. Weber M. Basic sociological concepts [Osnovny'e sociologicheskie ponyatiya]. In: Selected Works. U. N. Davydov, ed.; M. I. Levina, transl. from German Moscow: Progress; 1990. C. 602–633. (In Russ.).
 24. Parsons T. On the Structure of Social Action [O strukture social'nogo dejstviya]. Moscow: Akademicheskij proekt; 2000. 880 p. (In Russ.).
 25. Isakova G. K., Appazova B. G., Ikhlasov D. D. Main directions of increasing the prestige of municipal service. *Regional problems of economic transformation*=*Regional'ny'e problemy' preobrazovaniya e'konomiki*. 2019;(2):16–20. (In Russ.). DOI [10.26726/1812-7096-2019-2-16-20](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-2-16-20).
 26. Wessels R. G. Training and development model for municipal frontline staff. *Teaching Public Administration*. 2022;40(1):42–69. DOI [10.1177/0144739421997524](https://doi.org/10.1177/0144739421997524).
 27. Prokazina N. V., Goloborodova A. S. Sociological analysis of motivational mechanisms of municipal employees: theoretical approaches and social practice. *Bulletin of Tula State University. Humanities*=*Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. 2025;(2):75–90. (In Russ.). DOI [10.24412/2071-6141-2025-2-75-90](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2025-2-75-90).

Information about the Author

O. V. Rogach

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor

Researcher ID: [W-4432-2017](#)

Scopus AuthorID: [57191411110](#)

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 15.04.2026.

УДК 316.4.062

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.2.6

EDN: SCSLSM

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ: ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ, ДОВЕРИЕ, ДОСТУПНОСТЬ

Кирилл Евгеньевич Яценко¹

Михаил Фёдорович Носков²

¹ Институт государственной службы
и управления РАНХиГС;
ООО «Забота и улыбка»
Москва, Россия;

² Новосибирский государственный
педагогический университет
Новосибирск, Россия;
Тобольский филиал Тюменского
индустриального университета,
Тобольск, Россия

¹ yatsenko-kir@mail.ru,

ORCID 0009-0006-4675-9030

² Eggl@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-4514-7925

Для цитирования: Яценко К. Е., Носков М. Ф. Особенности институционализации паллиативной помощи в России: информационное обеспечение, доверие, доступность // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 113–128. DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.6. EDN SCSLSM.

Аннотация. Паллиативная помощь является важным элементом современной системы здравоохранения и социальной политики, отражающим отношение общества к уязвимости, боли и умиранию. В условиях старения населения и роста хронических неизлечимых заболеваний проблема доступности и качества паллиативной помощи приобретает особую социальную значимость. Целью статьи является социологический анализ особенностей развития и функционирования паллиативной помощи в России с акцентом на институциональные механизмы, определяющие её доступность. Теоретико-методологической основой анализа выступают институциональный подход, концепции социологии заботы и теории социального неравенства, позволяющие рассматривать паллиативную помощь как социальный институт, формирующийся на пересечении формальных регуляций и реальных практик ухода. Использование сравнительного подхода даёт возможность сопоставить российскую модель паллиативной помощи с зарубежными практиками и определить её место в глобальной типологии

© Яценко К. Е., 2026

© Носков М. Ф., 2026

систем паллиативной помощи. Социологический подход позволяет выявить факторы, требующие управленческого воздействия для преодоления ситуации, при которой фактический охват населения паллиативной помощью остаётся ограниченным и характеризуется выраженными региональными и социальными неравенствами, несмотря на наличие в Российской Федерации нормативно-правовой базы и государственной вовлечённости в развитие данной сферы.

Ключевые слова: паллиативная помощь, система здравоохранения, хосписная помощь, качество жизни, хронические неизлечимые заболевания, социальная политика, доступность медицинской помощи

Введение

Паллиативная помощь в последние десятилетия становится одним из ключевых направлений развития систем здравоохранения и социальной политики в условиях старения населения, роста хронических и неизлечимых заболеваний, а также изменения общественного отношения к уязвимости, боли и умиранию. В международной практике паллиативная помощь рассматривается не только как медицинская услуга, но и как комплексный социальный институт, обеспечивающий поддержку пациентов и их семей на завершающих этапах жизни. В этом контексте уровень развития паллиативной помощи выступает важным индикатором социальной зрелости общества и способности государства обеспечивать защиту наиболее уязвимых групп населения.

В Российской Федерации в 2010-е гг. была сформирована нормативно-правовая база, закрепившая паллиативную помощь как самостоятельное направление медицинской деятельности. Принятие Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, а также последующих подзаконных актов создало институциональные условия для развития системы паллиативной помощи. Вместе с тем, несмотря на формальное закрепление данного вида помощи и декларируемую государственную поддержку, фактическая доступность паллиативной помощи для населения остаётся ограниченной и характеризуется выраженными региональными и социальными неравенствами. Существенная часть нуждающихся пациентов по-прежнему не получает своевременного и комплексного сопровождения, а значительная нагрузка по уходу за неизлечимо больными возлагается на семьи и некоммерческий сектор.

Актуальность исследования, представленного в статье, обусловлена необходимостью социологического осмысления причин противоречия между нормативной обеспеченностью института паллиативной помощи и практикой его функционирования. В рамках социологии медицины и социальной политики паллиативная помощь может рассматриваться как особый «режим заботы»,

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : сайт. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025> (дата обращения: 06.02.2026).

в котором ответственность за поддержку пациента распределяется между государством, семьёй и некоммерческими организациями. Анализ фактического состояния этого распределения позволяет выявить структурные ограничения системы, механизмы воспроизводства неравенств и факторы, влияющие на реальный доступ к помощи.

Целью статьи является социологический анализ особенностей развития и функционирования паллиативной помощи в России с акцентом на институциональные механизмы, определяющие её доступность. В качестве исследовательского вопроса рассматривается проблема ограниченной доступности паллиативной помощи в условиях наличия нормативно-правовой базы и государственной вовлечённости. Теоретико-методологической основой исследования выступают институциональный подход, концепции социологии заботы и теории социального неравенства, позволяющие рассматривать паллиативную помощь как социальный институт, формирующийся на пересечении формальных регуляций и реальных практик ухода.

Статья основана на анализе вторичных данных, включая нормативные правовые акты, официальную статистику, материалы Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), а также результаты российских и зарубежных исследований в области паллиативной помощи и социологии медицины. Использование сравнительного подхода позволяет сопоставить российскую модель паллиативной помощи с зарубежными практиками и определить её место в глобальной типологии систем паллиативной помощи.

Паллиативная помощь как социальный институт: модели организации, управления и функционирования

В современной социологии медицины паллиативная помощь рассматривается как социальный институт, формирующийся на пересечении системы здравоохранения, социальной политики и семейных практик ухода. Институциональный анализ позволяет выявить, каким образом нормативные регуляции, профессиональные стандарты и неформальные практики заботы определяют реальные возможности получения паллиативной помощи различными социальными группами.

С точки зрения институционального подхода паллиативная помощь представляет собой относительно новый и незавершённый социальный институт, характеризующийся размытостью границ и неоднозначным распределением ответственности между основными акторами. Государство формально закрепляет обязательства по оказанию паллиативной помощи и обеспечивает нормативно-правовую основу её функционирования, однако значительная часть практической реализации возлагается на медицинские организации, некоммерческий сектор и семьи пациентов. В результате формируется гибридная модель, в которой формальные и неформальные элементы института сосуществуют и зачастую вступают в противоречие.

Важным аналитическим инструментом для понимания специфики паллиативной помощи является социология заботы, в рамках которой внимание смещается с медицинских технологий на социальные отношения, эмоциональный труд и распределение заботы. В данном контексте забота выступает не только как профессиональная деятельность, но и как моральное обязательство, значительная часть которого ложится на ближайшее окружение пациента. Это особенно характерно для обществ с ограниченной институциональной поддержкой, где семья становится ключевым субъектом паллиативного ухода.

С позиции теорий социального неравенства доступ к паллиативной помощи определяется совокупностью структурных факторов, включая регион проживания, уровень развития медицинской инфраструктуры, социально-экономическое положение семьи и степень информированности населения. Наличие формальных прав на получение паллиативной помощи не гарантирует её фактической доступности, что приводит к воспроизводству территориальных и социальных различий. В условиях неоднородности российской системы здравоохранения такие неравенства приобретают устойчивый характер и оказывают существенное влияние на качество жизни пациентов и их близких.

Таким образом, рассмотрение паллиативной помощи как социального института позволяет выйти за рамки медицинского подхода и выявить системные ограничения её развития в России. Институциональная незавершённость, фрагментарность механизмов поддержки и высокая зависимость от ресурсов семьи и некоммерческого сектора формируют особый режим заботы, в котором декларируемые государственные гарантии не всегда трансформируются в реальные социальные практики. Такой теоретический фокус задаёт аналитическую рамку для дальнейшего рассмотрения исторических и современных особенностей организации паллиативной помощи в Российской Федерации.

Модели паллиативной помощи. Мировой опыт развития паллиативной помощи демонстрирует разнообразие институциональных моделей, отражающих особенности национальных систем здравоохранения, социальной политики и культурных представлений о заботе и умирании. ВОЗ рассматривает паллиативную помощь как неотъемлемую часть универсального охвата медицинской помощью и подчёркивает необходимость её интеграции на всех уровнях системы здравоохранения – от первичного звена до специализированных стационаров.

Наиболее развитые модели паллиативной помощи сформированы в странах с устойчивыми системами социального государства и высокой степенью межсекторального взаимодействия. В Великобритании паллиативная помощь исторически развивалась в рамках хосписного движения, а затем была интегрирована в Национальную службу здравоохранения. Существенную роль в этой модели играет некоммерческий сектор, однако его деятельность дополняет, а не заменяет государственные обязательства. Паллиативная помощь доступна на различных этапах заболевания и предоставляется в стационарных, амбулаторных и домашних условиях, что способствует снижению нагрузки на семьи и обеспечивает преемственность ухода.

Аналогичные черты характерны для канадской модели, в которой паллиативная помощь интегрирована в систему общественного здравоохранения и финансируется преимущественно за счёт государственных средств при активном участии региональных и муниципальных структур.

Американская концепция паллиативной помощи придаёт первостепенное значение борьбе с болью и решению психологических, социальных и духовных проблем пациента. Её ключевая цель – достижение наилучшего возможного качества жизни как для самого больного, так и для его семьи. При этом подчёркивается, что такая помощь необходима не только пациентам с терминальными онкологическими заболеваниями, но и incurable больным, страдающим от тяжёлых хронических прогрессирующих заболеваний различных систем и органов на конечных стадиях их развития [1].

В странах Центральной и Восточной Европы формирование паллиативной помощи происходило в условиях трансформации постсоциалистических систем здравоохранения. Для таких стран, как Чехия и Польша, характерен постепенный переход от фрагментарных благотворительных инициатив к более институционализированным формам паллиативной помощи. Как и Россия, они унаследовали высокоцентрализованные медицинские системы, дефицит кадровых ресурсов и низкую институционализацию паллиативной помощи в советский период¹. Чехия показательна в контексте сравнительного анализа с Россией, поскольку её развитие паллиативной помощи также было постепенным и зависело от реформ страховой медицины. Так, государственное возмещение услуг домашнего ухода было введено только в 2018 году, что существенно задержало развитие сектора. Для Польши характерно более активное участие религиозных организаций, но при этом система также испытывает кадровый дефицит.

Несмотря на развитие нормативной базы и расширение сети хосписов, упомянутые системы по-прежнему сталкиваются с проблемами кадрового обеспечения, региональных различий и ограниченной интеграции паллиативной помощи в первичное звено здравоохранения. Тем не менее в ряде стран наблюдается устойчивое движение в сторону повышения доступности и признания паллиативной помощи важным элементом социальной политики.

Формирование и институционализация паллиативной помощи в России

Российский опыт организации помощи тяжелобольным имеет глубокие исторические корни. Так, первая в стране община сестёр милосердия – Петербургская Свято-Троицкая обитель (1844) – уже в XIX в. реализовывала комплексный подход, включавший женскую больницу, приют для детей, отделение сестёр милосердия и богадельню для неизлечимо больных, что

¹ Лучка М. Паллиативная помощь в Чехии. От инициативы к повседневной практике // PACED : сайт. URL: https://paced.org.uk/czech_rus#rec1065958931 (дата обращения: 06.02.2026).

можно считать прообразом системной заботы о нуждающихся в паллиативной помощи.

Формирование паллиативной помощи в России имеет длительную и неоднородную историю, в рамках которой медицинские, социальные и благотворительные практики развивались фрагментарно и без единой институциональной логики. До начала XX в. забота о неизлечимо больных преимущественно осуществлялась в форме семейного ухода и благотворительных инициатив, включая деятельность религиозных и общественных организаций. Медицинское сопровождение пациентов на терминальных стадиях заболеваний носило ограниченный характер и не рассматривалось как самостоятельное направление здравоохранения [2].

В советский период проблема паллиативной помощи фактически оказалась вытесненной из публичного и профессионального дискурса. Доминирование идеологии медицинского оптимизма, ориентированной на излечение и восстановление трудоспособности, способствовало маргинализации тем, связанных с умиранием, хронической болью и длительным уходом. Забота о неизлечимо больных в значительной степени перекладывалась на семьи, а институциональные формы поддержки носили эпизодический характер. Отсутствие специализированных служб и подготовленных кадров обусловило формирование устойчивой практики «невидимости» паллиативных пациентов в системе здравоохранения.

Существенные изменения в развитии паллиативной помощи начались в постсоветский период, прежде всего с появлением хосписного движения и активизации некоммерческих организаций. В 1990–2000-е гг. именно НКО и профессиональные сообщества стали основными инициаторами внедрения принципов паллиативной помощи, заимствованных из мировой практики. В этот период открываются первые хосписы, развиваются образовательные программы для медицинских работников и создаётся экспертное поле, способствующее институциональному признанию паллиативной помощи [3].

Следующий этап связан с формированием нормативно-правовой базы. Принятие Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011) впервые юридически закрепило понятие паллиативной помощи. Это стало рубежом, после которого государство перешло от поддержки отдельных инициатив к построению системной модели.

Дополнительно правовое поле укреплено Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 345н/372н «Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи»¹ и Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской

¹ Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.05.2019 № 345н/372н.

Федерации «Развитие здравоохранения»»¹. Эти нормативные акты детализируют порядок организации паллиативной помощи, регулируют взаимодействие между медицинскими и социальными службами, а также обеспечивают доступ пациентов к необходимым медицинским изделиям и лекарственным средствам.

Современный этап развития паллиативной помощи в России характеризуется сочетанием формальной нормативной закреплённости и практической фрагментарности. Система продолжает опираться на неравномерное распределение ресурсов, значительную роль некоммерческого сектора и высокую степень вовлечённости семей пациентов. В результате институционализация паллиативной помощи остаётся незавершённой, а её развитие осуществляется в условиях структурных ограничений, связанных с кадровым дефицитом, региональной дифференциацией и ограниченной межведомственной координацией. Эти особенности во многом определяют современные проблемы доступности паллиативной помощи и задают контекст для её сравнения с зарубежными моделями.

Анализ места России в глобальной типологии систем паллиативной помощи требует обращения к классификации ВОЗ. Данная организация определяет развитие паллиативной помощи как многоуровневый процесс, где ключевым критерием служит степень её интеграции в общегосударственную систему здравоохранения. Эта типология, подобно инструментам оценки в управленческих науках, позволяет объективно оценить уровень зрелости института паллиативной помощи в конкретной стране.

Классификация выявляет, насколько полно и системно выстроены механизмы оказания помощи, а какие элементы остаются неразвитыми или фрагментарными. Она служит основой для сопоставления прогресса России с международными стандартами и выявления стратегических точек роста для отечественной системы.

Согласно «Глобальному атласу паллиативной помощи»², Россия относится к группе 4А – «предварительная интеграция». Это одна из верхних категорий развития, однако она подразумевает не завершённость процесса, а его переходный характер. Принадлежность России к этой группе означает несколько ключевых характеристик:

- развитая нормативная база, включающая правовое определение паллиативной помощи, стандарты оказания услуг и регулирующую документацию, сформировавшуюся в 2010-е гг.;
- расширяющаяся сеть организаций, охватывающая как государственные, так и негосударственные структуры (включая региональные хосписы, выездные службы, кабинеты паллиативной помощи);

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1640.

² Атлас мира по паллиативной помощи в конце жизни / Под ред. С. Р. Коннор, М. С. Бермело ; Д. В. Невзорова ; пер. О. Цейтлина. ВОЗ, 2014. 101 с. URL: https://fondvera.ru/upload/news_images/images111/Global%20Atlas%20Russian.pdf (дата обращения: 06.02.2026).

- сохраняющиеся структурные ограничения, главным образом низкий фактический охват населения и выраженная неравномерность развития между регионами – от Москвы и Санкт-Петербурга до территорий, где инфраструктура всё ещё находится в зачаточном состоянии.

Текущее положение России в глобальной типологии паллиативной помощи отражает двойственность её институциональной модели. С одной стороны, в стране уже созданы системные элементы, формально соответствующие стандартам развитых государств. С другой стороны, их практическая реализация не гарантирует равного и повсеместного доступа к качественной помощи. С позиции социологии институтов такая ситуация может быть интерпретирована как признак незавершённой институционализации: правовые нормы и организационные структуры существуют, однако механизмы их устойчивого функционирования и реального воплощения остаются слабыми и фрагментированными.

Стратегической целью, которую формулируют эксперты и профессиональное сообщество, является переход России в категорию 4В по классификации ВОЗ – к практике стран с высокоразвитой, комплексной системой паллиативной помощи, таким как Канада, Германия или Япония. Достижение этой цели предполагает не просто совершенствование нормативной базы, но глубокую структурную трансформацию всей системы. Ключевыми направлениями такой трансформации выступают:

- *развитие кадрового потенциала*: что предполагает системное увеличение числа и повышение квалификации специалистов – врачей паллиативной помощи, медицинских сестёр, клинических психологов, специалистов по боли. Это требует формирования непрерывных образовательных программ и утверждения единых профессиональных стандартов;
- *налаживание межведомственной координации*, то есть преодоление ведомственной разобщённости и создание эффективных механизмов взаимодействия между службами здравоохранения, социальной защиты, некоммерческим сектором и органами региональной власти;
- *приоритетное развитие домашнего ухода* – активное внедрение и поддержка услуг по сопровождению пациентов на дому, что является краеугольным камнем высокоинтегрированных моделей (4В) и позволяет обеспечить качество жизни вне стен стационара.

Таким образом, переход на более высокий уровень интеграции означает не просто количественный рост учреждений, а качественное изменение самой логики системы – от фрагментарной и эпизодической помощи к целостной, устойчивой и междисциплинарной модели сопровождения пациента и его семьи.

Доступность паллиативной помощи в современной России: неравенства, доверие, информированность

Доступность паллиативной помощи в современной России складывается под влиянием сложного переплетения социальных условий, институциональных

возможностей и культурных особенностей общества. Как и в любой организационной системе, реальный уровень доступности определяется не только формальными нормативами, но и целым комплексом факторов: масштабом потребности, распределением ресурсов, кадровым потенциалом, информированностью населения и степенью доверия к самой системе.

Оценки экспертов указывают на значительный разрыв между потребностью и реальным охватом. Ежегодно в паллиативной помощи нуждаются около 1,2–1,3 млн россиян, включая примерно 700 тыс. пациентов в терминальной стадии заболеваний. Фактически же помощь получают лишь 200–250 тыс. человек, что составляет 15–20% от общего числа нуждающихся¹.

Наиболее остро проблема доступности проявляется в региональном неравенстве. Обеспеченность паллиативными койками варьируется от 0,3 до более чем 1,0 на 10 тыс. населения в зависимости от субъекта РФ. Такие диспропорции объясняются несколькими причинами:

- уровень бюджетной обеспеченности региона, от которого напрямую зависят возможности создания и содержания хосписов и кабинетов паллиативной помощи;
- активность некоммерческих организаций, которые во многих случаях компенсируют дефицит государственных ресурсов;
- качество подготовки специалистов, определяющее не только наличие, но и полноту оказываемых услуг.

В регионах с развитой инфраструктурой и подготовленными кадрами система демонстрирует способность адаптироваться к потребностям населения и обеспечивать более высокий уровень доступа.

Ключевым институциональным барьером остаётся острый дефицит квалифицированных врачей и медицинских сестёр паллиативной помощи. Причины этого дефицита имеют системный характер: низкий престиж специальности в профессиональной среде; исключительно высокая эмоциональная нагрузка, ведущая к профессиональному выгоранию; недостаточный уровень подготовки в медицинских вузах.

Как следствие, пациенты часто получают лишь минимальный медицинский уход, тогда как полноценная паллиативная помощь требует междисциплинарного подхода, включающего психологическую поддержку, социальное сопровождение и эффективный контроль боли.

Не менее значимым препятствием является низкая информированность населения. Данные исследований фонда «Вера» свидетельствуют, что большинство семей не знают о базовых правах и возможностях, таких как: право на получение паллиативной помощи как таковой; обязанность врачей назначать

¹ Методика расчёта контрольных показателей эффективности оказания паллиативной медицинской помощи взрослым и детям // Сеченовский университет : сайт. 2020. URL: <https://palliativemed.sechenov.ru/upload/iblock/78b/kqt1od5zwcjw6y39777p0p3uonxhypan.pdf> (дата обращения: 06.02.2026).

опиоидные анальгетики при наличии показаний; возможность организации ухода на дому ¹.

Эта неосведомлённость усугубляет социальное неравенство, поскольку наиболее уязвимые группы населения, как правило, располагают и меньшими ресурсами, и более ограниченным доступом к информации.

Важным социокультурным фактором остаётся уровень доверия к системе. Многие семьи сознательно выбирают домашний уход, отказываясь от услуг выездных служб. Такое решение обусловлено исторически сложившимися нормами «семейной заботы», настороженным отношением к государственным учреждениям и глубоко укоренённым страхом «госпитализации ради смерти». В итоге система сталкивается с необходимостью учитывать не только свои формальные возможности, но и то, как эти возможности воспринимаются и оцениваются гражданами.

Таким образом, доступность паллиативной помощи в России определяется сочетанием масштабной неудовлетворённой потребности, значительных региональных диспропорций, кадровых ограничений, недостаточной информированности населения и низкого уровня доверия к системе. С социологической точки зрения, повышение охвата и качества помощи требует не точечных мер, а комплексного подхода, который должен включать структурные реформы, системную подготовку специалистов, просветительскую работу с населением и последовательное выстраивание доверительных отношений между институтом паллиативной помощи и обществом.

В современном социологическом понимании паллиативная помощь представляет собой особый «режим заботы», в рамках которого ответственность за уход распределяется между тремя главными участниками: государством, семьёй и некоммерческими организациями. Эта система, подобно сложному механизму, функционирует благодаря совместным действиям и взаимной адаптации всех своих элементов.

Государство выступает как ключевой регулятор и организатор. Оно задаёт общие правила, финансирует учреждения и контролирует доступ к сильнодействующим обезболивающим. Однако декларируемые государством гарантии не всегда совпадают с реальностью. Пациенты по-прежнему сталкиваются с нехваткой подготовленных кадров, огромной разницей в качестве услуг между регионами и слабой развитостью выездных служб. Таким образом, государство создаёт необходимые институциональные рамки, но их практическое наполнение и эффективность зависят от множества местных факторов – ресурсов, координации и гибкости.

Семья в России выступает центральным и часто незаменимым агентом ежедневной заботы. Этот труд, по большей части лежащий на плечи женщин старшего поколения, обычно остаётся невидимым, неоплачиваемым

¹ Годовой отчет фонда «Вера». Вокруг человека // Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера» : сайт. 2022. URL: <https://fondvera.ru/otchyety/2022/Годовой%20отчет%20фонда%20Вера%202022.pdf> (дата обращения: 06.02.2026).

и социально не признанным. Такая ситуация порождает феномен, который можно сравнить с «эмоциональным трудом» на работе, он требует огромных душевных и физических сил, но редко получает должную оценку. Именно семья часто берёт на себя роль главного адаптера, подстраиваясь под нужды больного и компенсируя пробелы в формальной системе помощи. При этом собственные социальные и экономические трудности семьи напрямую сказываются на том, какой уход она может обеспечить.

Некоммерческие организации (фонды, волонтерские движения) выполняют в этой системе критически важную роль «социальных инноваторов» и стабилизаторов. Они занимаются просвещением населения, поддерживают пилотные проекты, обучают специалистов и внедряют новые методы ухода. Особенно велико их значение в тех регионах, где государственная инфраструктура развита слабо. Там НКО фактически становятся центрами компетенции и координации помощи. С социологической точки зрения они выступают как адаптивный элемент, смягчающий неравенство и расширяющий доступ к поддержке.

В итоге эффективность паллиативной помощи в России определяется сложным взаимодействием и синергией этих трёх сил (государство, семья и НКО). Их слаженная работа способна повысить качество ухода, а дисбаланс – усугубить существующие проблемы: региональные диспропорции, непосильную нагрузку на семьи и уязвимость системы, зависимой от волонтерских усилий.

Статистические показатели развития паллиативной помощи отражают не только медицинские, но и социальные изменения. Данные Минздрава и профильных фондов свидетельствуют о некотором формальном росте: с 2017 по 2019 год количество специализированных коек увеличилось с 12 329 до 13 745, а кабинетов для взрослых – с 897 до 1 019¹. На первый взгляд, эти цифры указывают на расширение сети и укрепление института. Однако при социологическом анализе важно подчеркнуть, что простое количественное увеличение инфраструктуры само по себе не решает глубоких структурных проблем системы. Масштабный дефицит специализированных коек, нехватка квалифицированных кадров и недостаточное развитие выездных служб сохраняются, что указывает на устойчивый разрыв между законодательными гарантиями и реальной доступностью помощи для пациентов. Рост числа коек и кабинетов следует рассматривать не как полное преодоление кризиса, а как ограниченное расширение возможностей в рамках всё ещё уязвимой и не до конца сформированной системы.

С точки зрения социальной динамики, эти изменения отражают двойственный характер развития паллиативной помощи в России. С одной стороны, наблюдается постепенное укрепление института, с другой – сохраняется серьёзный дисбаланс между объективными потребностями населения и имеющимися ресурсами. Система, безусловно, развивается, но её внутренняя динамика пока

¹ Невзорова Д. В. Отчёт о развитии в Российской Федерации паллиативной медицинской помощи : URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/053/787/original/Отчет_за_2019_год.pdf?1610950683 (дата обращения: 06.02.2026).

недостаточна для того, чтобы охватить всех нуждающихся, особенно в регионах с изначально слабой инфраструктурой, где нагрузка ложится в основном на семьи и некоммерческие организации.

По отчётам Минздрава, в 2020 году число отделений выездной помощи выросло до 472, а количество бригад увеличилось до 758. За тот же год они совершили более 516 тыс. посещений, включая 72 тыс. – детям. Обновлённые статистические данные позволяют увидеть эту картину более детально. В России работает около 3 728 специализированных служб паллиативной помощи, включая амбулаторные кабинеты, выездные бригады и стационарные отделения. Среди них – 1 309 поликлинических кабинетов, 883 выездные домашние бригады (из которых 239 работают с детьми), а также 17 622 стационарные паллиативные койки. Функционируют 44 хосписа и 20 респираторных центров¹. Активность некоммерческого сектора также значительна: например, консультативная служба фонда AdVita к концу 2021 года сопровождала 2 840 семей, проведя за год более 9 300 консультаций². Однако согласно оценке проекта «Если быть точным», за 2022 год реальный охват паллиативной помощью составляет лишь около 52% от потребности, что, хотя и выше прежних оценок в 15–33%, всё равно указывает на значительный дефицит³.

Социологическая интерпретация этих цифр позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, формальное расширение сети служб не гарантирует равного доступа для всех граждан. Институт паллиативной помощи действительно «разрастается» внутри системы здравоохранения, но сохраняющийся разрыв между потребностью и её удовлетворением свидетельствует о структурной ограниченности системы. Во-вторых, рост числа выездных бригад и посещений указывает на сдвиг модели ухода в сторону домашних условий. Это подчёркивает компенсаторную роль гибких, негосударственных форм помощи – прежде всего НКО и волонтёрских инициатив, которые заполняют пробелы государственной инфраструктуры. В-третьих, несмотря на положительные общенациональные тенденции, сохраняется резкое пространственное неравенство: в одних регионах созданы десятки служб, в других их практически нет. Это неравенство усугубляется зависимостью от местных бюджетов, активности гражданского общества и воли региональных властей. Наконец, данные подтверждают, что точечные меры и отдельные программы не способны решить проблему в масштабах страны. Требуется долгосрочная, комплексная стратегия,

¹ Отчёт о проделанной работе за 2020 год: URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/053/787/original/Отчет_за_2019_год.pdf?1610950683 (дата обращения: 06.02.2026).

² Годовой отчёт о деятельности Благотворительного фонда «АдВита» за 2021 год // AdVita : сайт. URL: <https://advita.ru/otchety/godovye-otchety/> (дата обращения: 06.02.2026).

³ Лакова К., Пирогова Е. В России больше 1,7 млн неизлечимо больных людей, которым нужен особый уход. Но его получает только половина от всех нуждающихся – или даже меньше // Если быть точным: сайт. URL: <https://tochno.st/materials/v-rossii-bolse-17-mln-neizlecimo-bolnyx-liudei-kotorym-nuzhen-osobyi-uxod-no-ego-polucaet-tolko-polovina-ot-vsex-nuzdaiushhixsya-ili-daze-mense> (дата обращения 29.05.2026).

включающая подготовку кадров, устойчивое финансирование, выравнивание межрегиональных различий и просвещение населения.

При этом важно учитывать методологические ограничения имеющихся данных. Отсутствие общероссийского регистра пациентов, нуждающихся в паллиативной помощи, затрудняет точную оценку как общей потребности, так и реального охвата услугами. Существующая статистика, особенно основанная на отчётах благотворительных организаций, может отражать лишь «видимую» часть айсберга, в то время как значительный объём домашнего ухода остаётся вне официального учёта. Кроме того, данные по развитым регионам, таким как Москва или Санкт-Петербург, не дают репрезентативной картины для всей страны, оставляя многие территории с низким уровнем развития служб в статистической тени.

Сравнивая российскую модель с международными практиками, можно отметить, что страна демонстрирует значительное нормативное развитие и высокий уровень государственной вовлечённости. Однако фактический охват остаётся ограниченным, кадровый дефицит сохраняется, а социальная видимость паллиативной помощи остаётся низкой. В сравнении с постсоциалистическими странами, такими как Чехия и Польша, Россия обладает более совершенной законодательной базой, но уступает в интеграции системы и преодолении кадровых проблем.

Таким образом, современная российская система паллиативной помощи находится на стадии «предварительной интеграции» (уровень 4А по классификации ВОЗ) и демонстрирует сочетание формальных достижений и фактических ограничений. Выход на уровень передовых мировых практик потребует комплексного подхода: расширения кадровых ресурсов, развития межведомственной координации, повышения информированности населения и внедрения прозрачных механизмов оценки качества.

Выводы

Подводя итог сказанному выше, отметим, что развитие паллиативной помощи в России следует рассматривать в контексте более широких процессов трансформации социальной политики, где сочетаются сильное государственное регулирование, активная роль НКО и традиционная семейная модель ухода. Институт паллиативной помощи находится в стадии частичной интеграции, а его ключевые ограничения – кадровые, информационные и организационные – имеют явную социальную природу.

Сравнительный анализ с международными моделями демонстрирует, что дальнейшее развитие паллиативной помощи требует не только медицинских реформ, но и социальных преобразований. Это включает формирование солидарных структур поддержки, признание уязвимости как общественной категории, сокращение региональных и социальных неравенств и расширение фактической доступности помощи для всех нуждающихся. Таким образом, социологическая

перспектива становится центральным инструментом анализа, планирования и оценки эффективности паллиативной политики в России.

Проведённое автором исследование актуализирует значимость социологического подхода, раскрывая несколько ключевых направлений анализа. Во-первых, предлагается институциональный подход к изучению развития паллиативной помощи в России, который показывает, как нормативные и организационные структуры формируют фактический доступ к помощи. Во-вторых, социологический фокус анализа рассматривает паллиативную помощь как «режим заботы», распределённый между тремя основными акторами – государством, семьёй и НКО, что позволяет ввести понятие социальных механизмов взаимодействия и распределения ответственности. Третий существенный результат связан с введением сравнительной перспективы. Сопоставление российской модели с мировыми практиками даёт возможность отнести её к типу «предварительной интеграции» (4А по классификации ВОЗ) и оценить сильные и слабые стороны института в глобальном контексте. Четвёртое направление касается социальной природы барьеров: исследование выявляет неравенства регионов, влияние культурных норм и дефицит доверия как ключевые факторы, ограничивающие доступ к паллиативной помощи.

Наконец, пятое направление отражает актуализацию проблемы социальной видимости боли и умирания в российском обществе. Подчёркивается, что признание этих процессов как общественно значимых категорий становится важной задачей для социологической науки и практики социальной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Паллиативная помощь онкологическим больным: учеб. пособие / Г. А. Новиков, Н. А. Осипова, М. А. Вайсман [и др.] ; под ред. Г. А. Новикова, В. И. Чиссова. М. : ООД «Медицина за качество жизни», 2006. 192 с. ISBN 5-94039-009-9. EDN **ZA EJFZ**.
2. Гоглова О. О., Ерофеев С. В., Apelt R. История становления и организация хосписов // Вестник Ивановской медицинской академии. 2006. Т. 11, № 1-2. С. 83–85. EDN **JSGKUP**.
3. Cassell E. The Nature of Suffering and the Goals of Medicine // New England Journal of Medicine. 1982. Vol. 306. P. 639–645.

Сведения об авторах

К. Е. Яценко

аспирант
врач

М. Ф. Носков

доктор технических наук,
профессор
SPIN-код: **1047-2872**

Вклад авторов в подготовку публикации:

К. Е. Яценко – 70% (подготовка общетеоретической и методологической основы

исследования, организация сбора и обработки социологических данных в ходе исследования, осуществление критического анализа и доработка текста статьи, участие в написании всех разделов статьи).

М. Ф. Носков – 30% (участие в сборе и обработке социологических данных в ходе исследования, участие в написании всех разделов статьи).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025; одобрена после рецензирования: 13.04.2026; принята к публикации: 26.05.2026.

Original article

DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.6

SINGULARITY OF PALLIATIVE CARE INSTITUTIONALIZATION IN RUSSIA: INFORMATION SUPPORT, TRUST AND ACCESSIBILITY

Kirill Evgenievich Yatsenko¹

Mikhail Fyodorovich Noskov²

¹ Institute of Public Administration and
Civil Service (IPACS) of RANEPA
LLC “Zabota i ulybka”
Moscow, Russia;

² Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia,
Tobolsk Branch of Tyumen Industrial University,
Tobolsk, Russia

¹ yatsenko-kir@mail.ru,

ORCID 0009-0006-4675-9030

² Eggl@rambler.ru,

ORCID 0000-0002-4514-7925

For citation: Yatsenko K. E., Noskov M. A. Singularity of palliative care institutionalization in Russia: information support, trust and accessibility. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):113–128. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.6.

Abstract. Palliative care is an important element of the modern healthcare system and social policy, reflecting society's attitude towards vulnerability, pain, and dying. In the context of an aging population and an increase in chronic and incurable diseases, the issue of the availability and quality of palliative care becomes particularly important. The purpose of this article is to provide a sociological analysis of the development and functioning of palliative care in Russia, focusing on the institutional mechanisms that determine its accessibility. The theoretical and methodological basis of the analysis is the institutional approach, the concepts of sociology of care, and the theories of social inequality, which allow us to consider palliative care as a social institution that is formed at the intersection of formal regulations and real care practices. The use of a comparative approach makes it possible to compare the Russian model of palliative care with foreign practices and determine its place in the global typology of palliative care systems. A sociological approach allows us to identify factors that require

management intervention to overcome the situation in which the actual coverage of the population by palliative care remains limited and is characterized by pronounced regional and social inequalities, despite the existence of a regulatory framework and government involvement in the development of this area in the Russian Federation.

Keywords: palliative care, healthcare system, hospice care, quality of life, chronic incurable diseases, social policy, accessibility of medical care

REFERENCES

1. Novikov G. A., Osipova N. A., Vaisman M. A. Palliative care for oncology patients: textbook. The manual [Palliativnaya pomoshh' onkologicheskim bol'ny'm: ucheb. posobie]. Moscow: Medicina za kachestvo zhizni; 2006. 263 p. (In Russ.). ISBN 5-94039-009-9.
2. Goglova O. O., Yerofeev S. V., Apelt R. Hospices: history of formation and organization [Istoriya stanovleniya i organizatsiya khospisov]. *Bulletin of the Ivanovo Medical Academy=Vestnik Ivanovskoy medicinskoj akademii*, 2006;11(1-2):83–85. (In Russ.).
3. Cassell E. The nature of suffering and the goals of medicine. *New England Journal of Medicine*. 1982;(306):639–645.

Information about the Authors

K. E. Yatsenko

Postgraduate Student,
medic

M. A. Noskov

Doctor of Technology,
Professor

Contribution of the authors:

K. E. Yatsenko – 70% (development of the general theoretical and methodological basis of the study, organization of the collection and processing of sociological data during the study, critical analysis and revision of the text of the article, participation in writing all sections of the article).

M. A. Noskov – 30% (participation in collection and processing of sociological data during the research, participation in writing of all sections of the article).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 05.12.2026; approved after reviewing 13.04.2026; accepted for publication 26.05.2026.

УДК 316.74:81

DOI: 10.19181/snsp.2026.14.2.7

EDN: DAZCWW

Научная статья

ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРОБЛЕМ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): ОТ ДИСКУРСА «КАТАСТРОФЫ» К ПОИСКУ РЕШЕНИЙ

Екатерина Михайловна Арутюнова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

981504@mail.ru,

ORCID 0000-0002-9002-1491

Для цитирования: Арутюнова Е. М. Динамика восприятия языковых проблем в Республике Саха (Якутия): от дискурса «катастрофы» к поиску решений // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 129–145. DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.7. EDN DAZCWW.

Аннотация. В статье на основе глубинных и экспертных интервью, проведённых автором в Республике Саха (Якутия) в 2019–2025 гг., анализируется динамика общественного восприятия языковой ситуации. Особое внимание уделяется трансформации дискурса о состоянии якутского языка в контексте федеральной языковой политики, урбанизации и цифровизации. Языковую тематику автор анализирует в контексте этнокультурной идентичности, в котором этнический язык представляется не только атрибутом народа, но и имеет огромное символическое значение для людей, разграничивая «мы» и «они». Показано, что в исследуемый период происходит эволюция восприятия: от доминирования эмоциональных нарративов «катастрофы» и «умирания» языка к более прагматичному и деятельностному подходу. Язык народа воспринимается как фундаментальная основа этнической, идентичности, а его возможная утрата переживается как личная и культурная трагедия. Это порождает стигматизацию саха-якутов, не владеющих родным языком, и может создавать внутреннюю напряжённость в сообществе. Выявлено, что ключевыми причинами беспокойства информанты называют разрыв межпоколенной передачи языка из-за урбанизации; доминирование русского языка в цифровой среде, образовании и карьерной перспективе; дефицит доступных якутоязычных групп и классов в городах; неэффективность существующих методик преподавания. Вместе с тем сделан вывод о том, что в последние годы дискурс смещается от пассивного поиска внешних виновников к осознанию личной и семейной ответственности за сохранение языка. Это сопровождается ростом низовых инициатив (создание современного контента, языковых приложений) и усилением роли креативных индустрий, которые формируют позитивный образ будущего, где якутский язык выступает ресурсом самореализации, а не только объектом охраны.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), этнический язык, этническая идентичность, дискурс, языковая ситуация, языковая политика, социология языка, язык и общество

Введение

Проблемы функционирования и развития этнических языков в современном мире приобретают особую остроту в контексте глобализации, массовых миграций и стремительной цифровизации, которые унифицируют культурные и языковые пространства. Для России, как общества исторического этнокультурного и языкового многообразия, проблема сохранения и поддержки языков народов страны является не только образовательной или культурной, но и становится важной составляющей государственной национальной политики, фактором обеспечения межнационального и гражданского согласия. Дискуссии о статусе языков, об обязательности или добровольности их изучения, о балансе между русским языком как государственным для всей страны и государственными языками республик не утихают на протяжении последних десятилетий, периодически обостряясь в связи с изменениями в законодательстве или резонансными общественными событиями.

В этом контексте Республика Саха (Якутия) представляет собой уникальный регион. С одной стороны, это республика с высоким уровнем этнической идентичности народа, дающего название республике (саха)¹ и относительно благополучной демографической и языковой ситуацией, где якутский язык сохраняет широкие функции в сельской местности и обладает статусом государственного. С другой стороны, Якутия, и особенно её столица – город Якутск, испытывает мощное воздействие универсальных для всей страны факторов – урбанизации, медиа и цифровой среды, доминирования государственного – русского – языка в образовании, а также влияния федерального языкового законодательства, вектор которого в последние годы направлен на централизацию и унификацию [2]. Сочетание этих факторов создаёт сложную, динамичную и во многом противоречивую языковую реальность.

Языковая проблематика рассматривается автором в связке с этнической идентичностью личности и общности. Язык выполняет несколько важнейших функций, например, коммуникативную, познавательную, функцию хранения и передачи опыта. В контексте этнической идентичности на первый план выходят этноконсолидирующая [3], символическая [4], этнодифференцирующая [5]. Существенным для анализа в статье также является подход М. Биллига [6], согласно которому язык выступает идеологической конструкцией национального самосознания. Язык воспринимается как критически важный элемент для существования нации и её неотъемлемый признак (при этом нация трактуется преимущественно в этническом, но также и в гражданском ключе). Однако такое представление – во многом является конструктом, порождённым процессом нациестроительства. Этот процесс непрерывно разворачивается в повседневных и медийных дискурсах: он воспроизводит и укрепляет

¹ Например, в 2023 году 92% якутов в той или иной степени ощущали близость, единство с людьми своей национальности [1].

коллективное «мы» за счёт постоянного использования определённых речевых формул и обращения к чувствам.

Языковая политика: от регионального многообразия к федеральной унификации

Начиная с 2000-х гг., и особенно после 2010-х гг., федеральная языковая политика движется от принципов децентрализации и поддержки многообразия, характерных для 1990-х гг., к созданию единого, преимущественно русскоязычного, коммуникативного пространства. Ключевыми вехами стали ФЗ «О государственном языке РФ» (2005), отмена национально-регионального компонента в образовании (2007), а также поправки к ФЗ «Об образовании» (2018), вводящие добровольность изучения государственных языков республик, и поправка к Конституции Российской Федерации о «языке государствообразующего народа» (2020). Эти меры, по оценке исследователей, создают правовые и институциональные предпосылки для сужения функциональности языков народов РФ, включая якутский [2, с. 14].

Задаваясь вопросом, почему в РФ не удаётся сохранять языковое многообразие, К. Замятин констатирует наличие системного кризиса, затрагивающего, по его мнению, одновременно три уровня [7].

На политическом уровне наблюдается разрыв между символической политикой (декларациями о поддержке многообразия) и материальной политикой (реальными действиями). Государство, декларируя цель поддерживать многообразие, на практике проводит курс на унификацию и продвижение доминирующего языка, особенно в сфере образования, что создаёт структурные ограничения, которые нивелируют усилия снизу.

На институциональном уровне отсутствуют работающие механизмы реализации политики. Нет федеральной программы сохранения этнических языков, а республиканские программы, призванные заполнить этот вакуум, часто недостаточно финансируются и не имеют качественной научной поддержки. Происходит постепенный демонтаж институций (например, национально-регионального компонента в образовании), которые могли бы способствовать воспроизводству этнических языков.

На концептуальном уровне отсутствует адекватная междисциплинарная основа для решения задачи. В частности, в российской науке К. Замятин находит неразвитыми сразу два направления: исследование языковой политики как публичной политики, которое позволило бы грамотно выстраивать государственное управление в этой сфере, разрабатывать эффективные программы и оценивать их результаты; и изучение языковой ревитализации, которое могло бы вооружить активистов и педагогов проверенными методиками работы «на земле». В результате – замкнутый круг: власть, не имея качественной научной экспертизы, разрабатывает неэффективную политику, а наука, не получая адекватного запроса от власти и будучи концептуально разобщённой, не может предложить действенных решений.

Республика Саха (Якутия) сохраняет собственную развитую правовую базу (Конституция РС(Я), Закон «О языках...» 1992 г.), провозглашающую два государственных и пять официальных языков. Однако на практике возможности применения регионального законодательства ограничиваются федеральными нормами, и наиболее яркий пример – сфера судопроизводства, где использование якутского языка, несмотря на формальную возможность, практически полностью прекратилось из-за противоречий в федеральных законах, отсутствия финансирования и кадрового обеспечения, а также неформального давления [2, с. 19]. В сфере образования, в свою очередь, принцип добровольности, закреплённый федеральным законом, создал ситуацию неопределённости. Реализация права на обучение на этническом языке часто зависит не от закона, а от возможностей конкретной школы, позиции администрации и активности родителей, что порождает локальные конфликты и ощущение дефицита доступных мест, особенно в Якутске [8; 9].

Языковые практики: функциональный спад и символический подъём: проблема, методика и эмпирическая база исследования

Проблемная ситуация. Несмотря на все сложности, якутский язык укрепляет свою роль как главный маркер этнической идентичности. Данные репрезентативного опроса населения республики 2025 года фиксируют рост доли считающих якутский язык родным до 53%, а 7% респондентов называют родными сразу два языка¹. Результаты свидетельствуют о высокой символической значимости языка и формировании устойчивой билингвальной идентичности значительной части населения, особенно в городе, где язык всё чаще выступает именно символом, а не единственным инструментом коммуникации. В моноэтнических сельских районах и среди старшего поколения якутский язык сохраняет свои позиции как основное средство повседневного общения. Данные последовательно подтверждают, что сельская среда остаётся практически полностью сахаязычной, а языковая компетенция сельских жителей – наибольшей [8; 10]. Это ключевой ресурс витальности языка.

При этом в городской (всё разрастающейся) семейной среде есть и новые тревожные тенденции. Опрос² 2025 года фиксирует, что в общении с детьми русский язык (45%) уже обгоняет якутский (40%). Русский язык стал доминирующим для детей во всех сферах: в школе, со сверстниками, в цифровой среде (свыше 80%). Исследования молодёжи показывают снижение активного владения языком в городе и формирование группы «эритажников» [11] – людей, для

¹ Горохова М. Исследование языковой ситуации в Якутии: доля тех, кто считает язык народа саха родным, выросла // ЯСИА : сайт. 17 декабря 2025. URL: <https://ysia.ru/issledovanie-yazykovoj-situatsii-v-yakutii-dolya-teh-kto-schitaet-yazyk-naroda-saha-rodny-m-vyros-la/> (дата обращения: 20.04.2026).

² Там же

которых якутский является языком идентичности, но не свободного общения. Среди якутов, родившихся в Якутске, свободно владеют языком 46% [8, с. 464]. Это создаёт разрыв межпоколенной передачи языка, являющийся главной угрозой для его будущего.

В ответ на усиление федерального курса и растущий общественный запрос республика начинает использовать новые инструменты поддержки якутского языка, в частности, создание Центров детского чтения на родном языке, установление целевых показателей по доле национальной литературы в библиотеках (до 30–35%), введение республиканских проверочных работ по родным языкам (с 2025 г.)^{1,2}, – всё это попытки институционально поддержать языковую среду там, где она ослабевает. Важнейшим трендом становится поддержка креативных индустрий (Указ Главы РС(Я) о развитии креативной экономики, 2024 г.). Язык и культура начинают рассматриваться не только как объект сохранения, но и как ресурс экономического роста и самореализации молодёжи [9]. Успешные проекты в сфере кинопроизводства, музыки, IT-сфере, моде, создаваемые молодёжью и поддерживаемые государством, формируют позитивный образ будущего, в котором этничность и язык могут быть органично вписаны в современный мир. Это создаёт принципиально новую мотивацию для изучения и использования языка, особенно среди молодёжи, которая не реагирует на призывы языковых активистов «сохранять любой ценой», но откликается на возможность быть модным, успешным и современным, оставаясь при этом якутом.

Предмет, методика, эмпирическая база авторского исследования.

В представленном выше контексте восприятие сложной языковой реальности локальным сообществом на протяжении нескольких турбулентных лет автор определил *предметом* углублённого исследования. Анализ ориентирован на изучение восприятия ситуации с языком саха и не затрагивает гораздо более сложное положение с языками коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в регионе. Адекватным задачам исследования *методом* автор посчитал опрос экспертов. *Эмпирической базой* являются материалы экспертных и глубинных интервью, проведённых автором на протяжении 2019–2025 гг. в ходе ежегодного мониторинга межэтнической ситуации в республике, осуществляемого Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с ГАУ РС(Я) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия)». Интервью были посвящены в целом межэтническим отношениям в регионе, подавляющее их большинство затрагивало языковую тематику в самых разных контекстах. Экспертами были языковые активисты, чиновники, юристы, предприниматели, активисты общественных организаций.

¹ Там же

² Корнилова Л. Языковая ситуация в Якутии: 43% жителей хорошо владеют якутским языком // Улус Медиа : сайт. 25.11.2025. URL: <https://ulus.media/yazykovaya-situacziya-v-yakutii-43-zhitelej-horoshho-vladeyut-yakutskim-yazykom/> (дата обращения: 20.04.2026).

Всего было проведено 155 интервью и 7 фокус-групп. Большая часть интервью проведена в Якутске, а также в Мирном и Нерюнгри. Подчеркнём, что следующий далее анализ дискурса не подразумевает выявления реальной ситуации с языком саха и её причин, автор рассматривает представления людей, вовлечённых в языковую ситуацию, о её причинах, следствиях, перспективах и решениях.

Результаты.

Восприятие языковой ситуации: динамика дискурса

Анализ интервью за семилетний период позволяет говорить о Якутии как о регионе с динамично развивающейся этноязыковой ситуацией. Ключевым вектором изменений является рост этнического самосознания и языковой активности якутов, что приводит к ряду последствий как внутри этнического сообщества, так и в межнациональных отношениях. Начиная с 1990-х гг. наблюдается устойчивый тренд на повышение значимости якутской идентичности, а массовый приток якутского населения из улусов в Якутск становится одним из главных факторов, меняющих языковой и социальный ландшафт города с русского на двуязычный:

«Раньше там, я помню, в 90-х, сложно было. Иногда как бы стыдно было... на якутском говорить, да, в городе Якутске такое чувствовалось. А сейчас, наоборот, открыто» (жен., 35, журналистка, 2019).

«Люди в селе привыкли общаться только на своём языке, на якутском, и считают, что не знать свой язык – это непорядочно, а люди городские, они тут выросли... и они теряют вот свой язык общения (якутский)... и как-то, мне кажется, может, сами не замечают этого и не могут понять иногда людей из глубинки, которые говорят чисто на якутском языке» (жен., 38, социолог, 2020).

При этом один из центральных и насыщенных элементов дискурса о якутском языке во многих интервью связан с переживаниями ущерба языку. Само существование и развитие такого дискурса становится источником эмоциональной реакции, помимо, а иногда и вопреки, как мы писали выше, реальному положению и функциональности языка. Этнический язык воспринимается не просто как средство общения, а как фундаментальная основа этнической идентичности, и его возможная утрата переживается как личная и культурная трагедия, вызывая широкий спектр эмоций: от тревоги и стыда до гнева и чувства вины, особенно у старшего поколения и языковых активистов [4, с. 464], что ярко видно в следующих фрагментах интервью:

«Катастрофическая вообще тема. Катастрофа. И ребёнок, если он с молоком матери не впитал язык, он же ведь никогда, мне кажется, якутом настоящим не станет» (жен., 65, учитель, 2020).

«...Сказать, что она никого не волнует, я тоже не могу сказать, потому что... это очень страшно – быть как юкагиры. То есть это стать манкуртами, совсем

забыть свои корни абсолютно, свою культуру. Это очень страшно. Никто не хочет. Мы всё равно хотим знать свой язык, хотим, чтобы наши дети знали наш язык...» (жен., 30, художница, 2022).

«И вот то, что мы после себя сейчас оставляем, вот этот культурный пласт, он очень тонкий... это трагедия» (муж., 40, чиновник, 2025).

«...Очень многие переживают из-за того, что знание, владение якутским языком, оно становится всё хуже и хуже из поколения к поколению, да. И старики, они очень сильно этим озабочены» (жен., 35, социолог, 2024).

«Нет языка – можно сказать, культуру мы утратили, да... Мы должны знанием, сохранением своего языка сохранять свою культуру и тем самым обогащать русскую культуру» (муж., 35, предприниматель, 2025).

В целом по нашему опыту проведения исследований в российских республиках (помимо Якутии в Татарстане, Башкортостане, Кабардино-Балкарии) такие катастрофические оценки вполне характерны для республиканских дискурсов, жёстко увязывающих существование этнического языка с существованием собственно народа. Неслучайно тезис «смерть языка – смерть народа» – лейтмотив риторики этнических активистов. Однако отметим ещё один интересный момент: наиболее пессимистичные и эмоциональные высказывания о «потере», «умирании» языка исходят именно из городской, а точнее, столичной среды, именно город становится инкубатором как языкового активизма, так и чувства ущемлённости.

Прежде уже отмечалось [4, с. 465], что среди не вовлечённых в активизм молодых профессионалов отношение к языку отличается прагматизмом и куда меньшей эмоциональностью. Такие люди легче воспринимают исторические изменения языка (в чём-то закономерные), ориентируются на развитие, но при этом не отрицают своей связи с этничностью и видят возможности для языкового роста в рамках действующего законодательства РФ:

«Знаете, глубинный язык умирает, да, однозначно. На его месте появляется суржик. ...Проводится работа по сохранению языка, но дело в том, что язык должен развиваться. Да, мы говорим на протоязыке, да, мы можем законсервировать протоязык, но всё равно мы должны вносить новые слова. Вместо этого мы тратим на ...абсолютно не на то мы тратим силы, как мне кажется. ...На якутском надо уметь читать, надо уметь писать, не более. Как консервация и обозначение того, что это часть моей идентичности, часть моей культуры. Благо, например, мы знаем, как поступили с индейцами англосаксы, какое там было уничтожение их. И как у нас здесь – это небо и земля» (муж., 30, предприниматель, 2022).

Отметим важный феномен, касающийся перспектив языка: люди, не владеющие языком (особенно имеющие якутскую внешность), регулярно говорят о критике и давлении в свой адрес, из-за чего могут испытывать чувства дискомфорта, ущербности и стыда, о чём свидетельствуют фрагменты интервью:

«Если меня спрашивают: ты на якутском не говоришь? Я говорю: “Да”. И обычно сразу идёт какой-то налёт... не презрения, не пренебрежения, а агрессии: ПОЧЕМУ ты не говоришь на якутском?! Что с тобой не так?!» (жен., 28, менеджер, 2020).

«На работе... был момент тоже, когда бабульки говорили мне то, что "на лицо якутка, а говоришь по-русски. Это что такое, стыдоба" и так далее. Вот это мне безумно не нравится...» (Фокус-группа 1, 2022).¹

«У нас бывшая верховная судья... вдруг она... решила в этом году в нашем собрании государственном выступить на якутском языке. ...У нас время от времени бывает выступают на якутском языке, те, кто не владеет. И это всё высмеивается. Жёстко высмеивается. Я смотрела там комментарии, это просто...» (жен., 35, юрист, 2022).

«...Я, допустим, сам по себе, если раньше я тоже думал, что я не знаю якутского, я чувствовал себя как-то неполноценным» (муж., 32, предприниматель, 2024).

«И когда вот, если общаешься, что видишь очень много людей говорят на якутском, и я чувствую свою ущербность, потому что я не могу выразить свои внутренние мысли на чистом якутском языке, или там какие-то пожелания сказать» (жен., 35, творческая специальность, 2025).

«При моих попытках говорить на якутском языке очень часто люди резко обращают внимание на наличие акцента, и как-то или подшучивают над этим, или чувствуется определённая неловкость» (муж., 30, чиновник, 2025).

Такая стигматизация саха, не владеющих или плохо владеющих якутским языком, связанная с высокой символической ролью языка в этнической идентичности, прослеживается и в нашем корпусе интервью:

«Если человек не знает своего языка, я считаю, что это ущербный человек. Потому что... если человек не знает своего языка, как он может себя уважать?» (муж., 65, режиссер, 2024).

«...Люди начали с детства разговаривать на русском языке и не знают своего родного. Когда они выросли, они начинают страдать от этого. А когда они начинают на ломаном якутском языке разговаривать, то остальные якуты – они смеются над ними» (жен., 45, работник сферы культуры, 2024).

«Обнаружилась куча манкуртов... У них внезапно... просыпается чувство самосознания. Они резко захотели говорить на родном языке... И оказывается, то, что они хотят на ломаном родном говорить, это вызывает какие-то насмешки, какие-то проблемы... И вот тут возникают какие-то там движения типа чуть ли, знаете, не заики за заикание... те, которые на ломаном якутском разговаривают – за якутский язык» (муж., 70, творческая специальность, 2025).

Как правило, такие проявления касаются тех, кого внешне воспринимают как саха, однако и русским якутянам приходилось слышать требование говорить по-якутски, о чём свидетельствует следующий фрагмент:

«Приходят пациенты и говорят принципиально на якутском, как будто вы должны. Да, да, да. Вы живёте... Вот особенно 70+, женщины приходят и говорят: вы живёте в Якутске, вы должны знать якутский язык» (жен., 30, врач, 2023).

¹ В фокус-группе участвовали: жен., 27, менеджер; муж., 48, активист общественной организации; муж., 56, ученый; жен., 29, чиновница; муж., 23, активист общественной организации; жен., 35, предпринимательница; муж., 39, юрист.

Такие высказывания можно трактовать как претензию на символическое владение пространством («наша земля»), однако это предмет другого исследования, который любопытен в контексте этнической идентичности и трансформации этнического состава столицы региона.

Одним из важных документов в 1990-е гг., стимулировавших рост этнической идентичности среди саха, была так называемая Национальная концепция, внедрявшая якутский язык и культуру в школьное образование. Её влияние было настолько существенным, что одна из наших информанток назвала людей, выросших в период действия Национальной концепции (приблизительно до начала 2000-х гг.) «детьми концепции», то есть с высоким уровнем этнического самосознания и выраженной ориентацией на этничность в разных сферах жизни. Изучаемый автором дискурс отчётливо фиксирует разрыв между этим поколением, выросшим в эпоху национального подъёма 1990-х гг., и современной молодёжью:

«Все замечают, конечно, что языка становится меньше. В деревнях все говорят: хорошо было, когда была концепция. Мы, общественники, естественно, тоже отмечаем, и многие говорят, что хорошо было бы... Но это, в основном, возраст от 26 и выше. ...У нас есть молодые родители в нашем детском саду. Но они пришли именно в национальный детский сад, и они хотят, чтобы их дети обучались и воспитывались на языке. Но при этом они ничего не делают. Они сами разговаривают на русском языке со своими детьми. А молодёжь, они же не знают про концепцию. А те, кто знает, кто учился во время концепции, все говорят, что нужно было бы вернуть концепцию» (жен., 36, языковая активистка, 2019).

«Мои дети, например. Хотя я чистый конкретный саха, и я учился на саха факультете... но мои дети, к сожалению, не говорят на якутском языке» (муж., 40, журналист, 2021).

«Дети вообще у них поколение Z – новые. Они вот, допустим, у детей своих спрашиваю: "Он русский?". Они не знают. "Не знаю", – говорят. Совсем другие они...» (жен., 43, предпринимательница, 2024).

Мнения о Национальной концепции 1990-х гг. разделились. Одни считают, что она спасла язык и вырастила поколение с высоким самосознанием. Другие указывают на то, что она привела к проседанию знания русского языка и, как следствие, к трудностям у выпускников при поступлении в федеральные вузы:

«...В 90-х годах национальная школьная концепция вырастила ребят, которые ни читать, ни писать по-русски грамотно не могут. И эти ребята чувствовали себя очень ущемлённо... Конечно, этим ребятам и сейчас трудно приходится» (жен., 65, писательница, 2019).

«...ребята из районов... сказали, что самая первая трудность – это трудности с (русским) языком. Мы не могли отвечать хорошо на вопросы преподавателей, участвовать в дискуссиях, у нас были низкие относительно баллы, потому что мы не успевали за преподавателями, не успевали воспринимать материал, который был» (жен., 40, учёный, 2019).

Такие мнения относительно редки и чаще высказываются информантами, имеющими отношение к работе в промышленности, обучению

на промышленные специальности, где необходимо хорошее знание русского языка и следование ритму производства, который не принимает во внимание особенности этнически ориентированного образа жизни, подразумевающего в случае саха обязательное участие в охоте, покосах и т. д.:

«Я приглашаю этого молодого человека (саха), и, как правило, случается такая история. Он пришёл и сидит замкнутый, я потом пытаюсь людям вложить, что, если вы собираетесь работать в производстве, в коллективе, а не быть индивидуальным частным предпринимателем, для вас это необходимо. ...Если человек всю жизнь собирается работать в сельской школе, возможно, ему не нужен русский язык на таком уровне. Если он хочет работать на производстве, наверное, ему русский язык очень важен» (жен., 40, работник промышленного производства, 2019).

Чем ближе к настоящему моменту, тем чаще в интервью встречаются свидетельства, что в коммуникационном пространстве влияние цифровизации ведёт к усилению доминирования русского языка. В результате даже в сёлах, фактически моноэтнических якутских, дети всё чаще вырастают русскоязычными:

«Я привёл в пример своего племянника... у них сын русскоговорящий. Потом поступают сигналы из деревень... дети вырастают русскоязычными. Почему? Мы же двуязычные, в принципе, понимаем. Но когда человека формирует среда, ютуб весь этот всё формирует... Я работаю в газете, сахаязычной... у нас разрыв поколений сейчас произошёл, мы где-то сорокалетние, замену наших надо будет искать. Нету. Ну, хорошо литературным языком владеющих» (муж., 50, журналист, 2022).

Экспертные интервью позволяют выявить широкий спектр причин «умирания» языка в представлениях информантов. Ответственность традиционно возлагают на власти как федеральные, так и региональные, критикуя новое законодательство, стандартизирующее образование по стране, а также недостаточное финансирование и отсутствие чёткой и активной политики со стороны республиканских властей:

«Из-за стандартизированного образования произошло так. Обучение на якутском языке – это такая симуляция бурной деятельности... ВПР на русском языке, так что с третьего класса мы полностью переходим на русский язык. Это нарушение моих прав» (муж., 37, историк, 2021).

«Совет по языку и политике есть у нас республиканский, но он ничего не делает. В этом году финансировали развитие якутского языка – 52 млн руб., а сейчас торговый центр стоит 100 млн руб. Такое отношение к языку – это мизерные деньги» (Фокус-группа 2, 2021) ¹.

Существенный пласт причин языковой проблемы информанты относят к дошкольному и школьному образованию, включая лингвистов, указывают на неэффективность существующих методов преподавания якутского языка,

¹ В фокус-группе принимали участие: муж., 58, активист общественной организации; жен., 21, студентка; жен., 44, менеджер; муж., 42, предприниматель; муж., 38, активист общественной организации; муж., 32, программист.

что усугубляет проблему сужения его функционирования. Преподавание часто сводится к формальному изучению правил, а не к развитию живого общения:

«...Язык не должен преподаваться как культура, он должен преподаваться нормально, как язык... Как английский преподаётся... Насколько мне известно, якутский язык так не преподаётся... Нормальной методики нет» (жен., 30, художница, 2022).

«...Сколько я курсов прошла, это вообще всё не работает» (жен., 40, юрист, 2022).

«Они работают по старинке, в библиотеке... а медийного контента крайне мало... Вы цифровой контент делаете, чтобы детям было интересно? ...И стратегии в целом нет» (муж., 45, социолог, 2025).

Особо подчёркивается проблема отсутствия непрерывной языковой среды с раннего детства, что делает задачу сохранения языка для семьи сложной или даже практически невыполнимой. В ситуации нарушения такой преемственности образования эксперты по языковой теме видят корень проблемы прежде всего в отсутствии/недостатке дошкольных учреждений с якутским языком воспитания:

«Дело же не только в школьном образовании. Единичные классы в школе, они не решают эту проблему. Должна быть языковая среда. Вообще создание среды, оно же идёт, если мы говорим про образование и воспитание, оно идёт с раннего возраста. У нас не хватает групп в детских садах, которые вели бы воспитательную работу на якутском. Потому что доказано, если ребёнок очутился полностью в русскоязычной среде в младшем возрасте, и он переключается сразу на русскую среду и становится абсолютно русскоязычным, то в школе ему стать носителем якутского языка уже практически невозможно. Это уже доказано исследованиями» (муж., 45, языковой активист, 2022).

Фактическая ситуация с восполнением школьных мест в городе Якутске, по оценке опрошенных экспертов из сферы образования и управления образованием, скорее свидетельствует о том, что запросы населения на обучение на языке саха удовлетворены по меньшей мере, если речь идёт о начальной школе. Выраженная реакция ущемления в языковом плане по сути является эмоциональным ответом, мотивированным опасениями утраты этнической идентичности:

«Да, это точно, может, и есть такие родители, которые хотят (учить детей на якутском – прим. авт.), и они говорят – "мы ищем классы". Но кто против? Всё написано, территория закреплена, ты спокойно можешь найти класс с якутским языком. Это какие-то остатки того, может быть... остатки общего настроения, что всё равно где-то меня обидят, оно у национальностей, которые небольшие, как мы, оно всегда будет (муж., 45, языковой активист, 2022).

Существенными факторами, наносящими ущерб языку, становятся, по мнению участвовавших в опросе, растущая урбанизация в регионе и цифровизация коммуникативного пространства, в результате чего доминирующий в городской и образовательной среде русский язык всё больше влияет на языковые компетенции людей:

«В интернете сейчас по-якутски найди что-нибудь. А они на весь мир выходят наши дети уже по интернету...» (жен., 40, юрист, 2023).

«Очень плохая тенденция, что в деревнях... сейчас пошли (дети), которые якутский не знают, даже в деревнях... из-за того, что они сидят всё время перед телевизором, там какие-то компьютерные игры, всё на русском» (муж., 55, 2024).

«Мы дома разговариваем на якутском языке... а дочка не понимает. Она, живя среди якутоговорящих людей, не понимает... Вот настолько сильна русская культура... Вмешивается прям в семейную ячейку и забирает одного из нас» (жен., 38, менеджер, 2024).

В столице, даже при большинстве якутского населения, формируется упрощённая смешанная языковая среда:

«...В университете отмечают, что приходят они (недавние сельские дети) в аудиторию... и там некое подобие суржика, русско-якутский... русский язык у них очень примитивный, постоянно якутизмами сыпят... очень вульгарный суржик получается» (муж., 45, социолог, 2025).

Существенный момент, о котором часто говорят – прагматический выбор родителей в пользу русского как языка образования детей, а также языка семейного общения. Русский воспринимается как инструмент, открывающий возможности, без которого невозможны образование, карьера и «выход в большой мир».

«У меня была своя личная дилемма: либо мои дети будут знать якутский язык, но этот язык им будет даваться плохо. Они пройдут через какой-то психологический дискомфорт, у них будет какой-то душевный надрыв. Я этого не хочу. Пускай лучше они не знают якутского языка, но при этом они растут здоровыми психологически людьми, которые в совершенстве будут владеть хотя бы одним языком, ну или потом в старших классах они по выбору будут учить иностранный» (жен., 35, журналистка, 2019).

«Мои родители отдали меня в русскую школу, и я понимаю, почему они это сделали. Они хотели, чтобы у меня было больше возможностей» (муж., 35, предприниматель, 2023).

«Я, наоборот, страдала почему-то, что плохо по-русски говорю. Это предмет выбора, это моё личное мнение. Не обязательно якутский язык. Знаешь – это хорошо в каких-то случаях... Но в основном, русский всё равно» (жен., 40, чиновник, 2023).

«Оба языка я называю родными... На русском мне легче изъясняться, думать на русском, формулировать мысли» (муж., 37, предприниматель, 2024).

«А насчёт ценностного, лично для меня, мне кажется, это важнее, потому что русский язык даёт доступ к огромному пласту культуры. Просто огромному пласту культуры... мне кажется, русский язык, как и английский язык, если правильно к нему подходить, они же дают ключики в целом к пониманию культурного кода мирового со временем» (жен., 45, учёный, 2024).

Выше уже отмечалось [4, с. 469], что при обсуждении того, как решать сложившиеся проблемы, в среде информантов отчётливо выделяются две основные позиции: «всё зависит от нас» и «ничего не зависит от нас, всё это внешнее давление и обстоятельства». Обратим внимание, что при анализе динамики

в интервью 2023–2025 гг. отчётливо прослеживается сдвиг от пассивной констатации проблем и поиска виноватых к активному поиску путей решения и формированию новых нарративов. Одним из признаков динамики дискурса от угрозы языку к прагматическому поиску решений, на наш взгляд, является всё большее число свидетельств усиления интереса к изучению якутского языка у не владеющих им городских якутов. Сами информанты объясняют это чаще всего просыпающимся или усиливающимся интересом к своему происхождению, этнической идентичности:

«Я за последнее время вижу, что многие мои русскоязычные друзья, у которых дети не говорят по-якутски, они начинают задумываться об этом и даже записывают их на какие-то курсы... То есть интерес есть» (жен., 45, журналистка, 2023).

Появляются новые идеи и инициативы снизу, информанты предлагают конкретные шаги, выходящие за рамки требований к государству: создание современного контента (кино, IT, соцсети), использование новых технологий:

«Начали переводить на якутский язык все мультики, начали вот эти уроки якутского языка... хорошие такие эти делать. Но, мне кажется, вот это пора, действительно пора вот это делать» (жен., 45, управленец, 2024).

«Также я бы предлагал нашим айтишникам все тиктоки, все социальные сети... выпускать больше контента якутского, чтобы подростки, молодёжь могла смотреть где-то на родном языке» (муж., 70, творческая специальность, 2025).

«Очень много таких, как сказать, мини-проектов – приложения кто-то делает, кто-то там языковой лагерь открыл» (муж., 35, предприниматель, 2025).

Ещё один аргумент: всё чаще звучит мысль, что сохранение языка это, в первую очередь, задача семьи, а не школы. Акцентируется необходимость менять отношение к языку в самих семьях, в целом в обществе, показывать его ценность и престиж, создавать моду на якутский язык:

«Это проблемы на самом деле не государства, это проблемы родителей. Но надо же кого-то обвинить! Да! Надо обвинить государство» (муж., 60, активист общественной организации, 2022).

«В идеале, я бы видела это так, что человек, по мере взросления, он в семье своей разговаривает на родном языке. А школа, она как бы многонациональная, я считаю, что это правильно. Ну, в семье, чтобы язык поддерживался в первую очередь» (жен., 37, активистка общественной организации, 2024).

«Будет ребёнок владеть якутским языком или нет, зависит всё-таки не от того, какой он детский сад посещает, а от того, как говорят дома... Если родители с ребёнком разговаривают на якутском языке, то он будет знать свой родной язык» (жен., 45, предпринимательница, 2024).

Выводы

Итак, проведённый анализ динамики восприятия языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) в период с 2019 по 2025 год позволяет зафиксировать существенную трансформацию общественного дискурса. Исходная точка

этого движения – доминирование эмоционально окрашенных нарративов «катастрофы», «утраты», связанных с переживанием угрозы исчезновения якутского языка. Эти настроения подогревались объективными процессами урбанизации и цифровизации, которые по оценкам информантов ведут к функциональному сужению сфер использования языка, разрыву межпоколенческой передачи и формированию группы «эритажников», для которых язык остаётся символом идентичности, но не реальным инструментом коммуникации. Ключевым противоречием стало расхождение между высокой символической ролью языка как главного маркера этничности и его реальным функционированием, что порождает внутреннюю напряжённость и даже стигматизацию не владеющих языком саха.

Однако, как показывают материалы экспертных интервью последних лет, дискурс претерпевает качественные изменения. На смену пассивной констатации проблем и поиску внешних причин (федеральная политика, образование, цифровая среда) приходит более зрелый и прагматичный запрос на поиск решений. Ключевым в этой трансформации выступает осознание того, что сохранение языка это, в первую очередь, задача семьи и личная ответственность человека, считающего это необходимым, а не только государства. Такой сдвиг от «внешнего» к «внутреннему» локусу контроля открывает пространство для новых инициатив и снижает уровень фрустрации в обществе.

Важнейшим фактором, меняющим тональность дискурса, на наш взгляд, стало появление позитивных примеров и институциональных механизмов, вписывающих якутский язык в современный контекст. Развитие креативных индустрий и их государственная поддержка создают принципиально иную мотивацию для изучения языка, особенно среди молодёжи. Язык перестаёт восприниматься исключительно как «объект сохранения» или «музейный экспонат» и начинает функционировать как ресурс самореализации и экономического роста, формируя привлекательный образ будущего, в котором этничность вполне органично сочетается с современностью и успехом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Е. М. Этничность и региональность в Республике Саха (Якутия): значимость и содержание идентичностей в условиях внешнего давления // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16, № 1. С. 13–29. DOI [10.19181/vis.2025.16.1.3](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.1.3). EDN [OEXSDX](#).
2. Биткеева А. Н., Иванова Н. И., Ядреев И. В. Динамика развития федерального и регионального языкового законодательства в РФ: опыт Республики Саха (Якутия) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 4 (38). С. 9–26. DOI [10.23951/2307-6119-2022-4-9-26](https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-4-9-26). EDN [XBVITX](#).
3. Истомина О. Б., Томских Е. О. Номо loguens и процессы этнической идентификации // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. № 2. С. 12–19. DOI [10.18101/1994-0866-2019-2-12-19](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-2-12-19). EDN [QGVQIF](#).
4. Стефаненко Т. Г. Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие // Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и меж-

- конфессионального взаимодействия / Под ред. М. Ю. Мартыновой, В. А. Тишкова, Н. М. Лебедевой. М. : Изд-во РУДН, 2003. С. 367–399.
5. Сикевич З. В. Социология и психология этнических отношений: учебное пособие для вузов / З. В. Сикевич ; 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Лань, 2023. 280 с. ISBN 978-5-507-46671-9.
 6. Биллиг М. Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49). С. 60–86. EDN [XHKEWD](#).
 7. Замятин К. Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) Сохранение языков России, языковая политика и языковая ревитализация // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18, № 3. С. 137–149. DOI [10.17072/2218-1067-2024-3-137-149](#). EDN [ROSKGC](#).
 8. Арутюнова Е. М. Город как фактор: языковая ситуация и восприятие проблематики этнических языков в Республике Саха (Якутия) // Историческая этнология. 2024. Т. 9, № 3. С. 458–473. DOI [10.22378/2024-9-3-458-473](#). EDN [HHJQRE](#).
 9. Данилова Р. А. Молодёжь Саха (Якуты) в условиях языкового сдвига // Социолингвистика. 2025. № 4 (24). С. 178–193. DOI [10.37892/2713-2951-4-24-178-193](#). EDN [MSLSNO](#).
 10. Васильева Р. И. Функционирование якутско-русского билингвизма в современном коммуникативном пространстве промышленных районов Республики Саха (Якутия) (на материале полевого исследования) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 3. С. 79–88. DOI [10.18101/2686-7095-2023-3-79-88](#). EDN [CMHVBE](#).
 11. Жарова Е. В. Эритажные говорящие как особая категория изучающих русский язык как иностранный // Современное педагогическое образование. 2023. № 1. С. 127–131. DOI [10.24412/2587-8328-2023-1-127-131](#). EDN [XFBENS](#).

Сведения об авторе

Е. М. Арутюнова

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [7997-7109](#)

Статья поступила в редакцию 31.03.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.2.7](#)

PERCEPTION OF LANGUAGE ISSUES DYNAMICS IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA): FROM THE “CATASTROPHE” DISCOURSE TO THE SOLUTIONS SEARCHING

Ekaterina Mikhailovna Arutyunova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

981504@mail.ru,

ORCID [0000-0002-9002-1491](#)

For citation: Arutyunova E. M. Perception of language issues dynamics in the Republic of Sakha (Yakutia): from the “catastrophe” discourse to the solutions searching. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):129–145. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2026.14.2.7).

Abstract. Based on an analysis of in-depth and expert interviews conducted by the author in the Republic of Sakha (Yakutia) between 2019 and 2025, this article examines the dynamics of public perception regarding the language situation. Special attention is paid to the transformation of discourse surrounding the state of the Yakut language in the context of federal language policy, urbanization, and digitalization. The author analyzes the linguistic theme in the context of ethnocultural identity, in which the ethnic language is not only an attribute of the people, but also has a great symbolic meaning for people, distinguishing between “us” and “they”. It is shown that during the period under study, the perception evolves: from a dominance of emotional narratives of “catastrophe” and “dying” of the language toward a more pragmatic and action-oriented approach. The ethnic language is perceived as a fundamental foundation of ethnic identity, and its possible loss is experienced as a personal and cultural tragedy. This gives rise to stigmatization of Sakha who do not speak their native language and can create internal tension within the community. The study reveals that informants identify the following key reasons for concern: the disruption of intergenerational language transmission due to urbanization; the dominance of the Russian language in the digital environment, education, and career prospects; a shortage of accessible Yakut-language groups and classes in cities; and the ineffectiveness of existing teaching methods. At the same time, the article concludes that in recent years the discourse has shifted from passively seeking external culprits toward an awareness of personal and family responsibility for language preservation. This shift is accompanied by a growth in grassroots initiatives (creation of modern content, language applications) and an increased role of creative industries, which shape a positive vision of the future in which the Yakut language serves as a resource for self-realization rather than merely an object of preservation.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), ethnic language, ethnic identity, discourse, language situation, language policy, sociology of language, language and society

REFERENCES

1. Arutyunova E. M. Ethnicity and regionality in the Republic of Sakha (Yakutia): the significance and content of identities under external pressure. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sociologii*. 2025;16(1):13–29. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2025.16.1.3](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.1.3).
2. Bitkeeva A. N., Ivanova N. I., Yadreev I. V. The dynamics of the development of federal and regional language legislation in the Russian Federation: the experience of the Republic of Sakha (Yakutia). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology=Tomskij zhurnal lingvistiki i antropologii*. 2022;4(38):9–26. (In Russ.). DOI [10.23951/2307-6119-2022-4-9-26](https://doi.org/10.23951/2307-6119-2022-4-9-26).
3. Istomina O. B., Tomskih E. O. Homo loguens and ethnic identification processes. *BSU bulletin. Philosophy=Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 2019;(2):12–19. (In Russ.). DOI [10.18101/1994-0866-2019-2-12-19](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-2-12-19).
4. Stefanenko T. G. Language, ethnic identity and interethnic interaction [Yazyk, e'tnicheskaya identichnost' i mezhe'tnicheskoe vzaimodejstvie]. In: Intercultural dialogue: lectures on problems of interethnic and interfaith interaction. M. Y. Martynova, V. A. Tishkov, N. M. Lebedeva, eds. Moscow: Izd-vo RUDN; 2003. P. 367–399. (In Russ.).

5. Sikevich Z. V. Sociology and psychology of ethnic relations: a textbook for students. 2nd ed. Saint Petersburg: Lan'; 2023. 280 p. ISBN 978-5-507-46671-9.
6. Billig M. Nations and languages. [Natsii i yazyki]. *Logos*. 2005;(4):60–86. (In Russ.).
7. Zamyatin K. Y. Why can't we preserve linguistic diversity? The maintenance of the languages of Russia, language policy and language revitalization. *Bulletin of Perm University. Political Science=Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2024;18(3):137–149. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-1067-2024-3-137-149](https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-3-137-149).
8. Arutyunova E. M. The city as a factor: the linguistic situation and perception of the problems of ethnic languages in the Republic of Sakha (Yakutia). *Historical Ethnology=Istoricheskaya etnologiya*. 2024;9(3):458–473. (In Russ.). DOI [10.22378/2024-9-3-458-473](https://doi.org/10.22378/2024-9-3-458-473).
9. Danilova R. A. Youth of Sakha (Yakuts) in conditions of language shift. *Sociolinguistics=Sociolingvistika*. 2025;(4):178–193. (In Russ.). DOI [10.37892/2713-2951-4-24-178-193](https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-24-178-193).
10. Vasilyeva R. I. Functioning of Yakut-Russian bilingualism in the modern communication space of industrial areas of the Republic of Sakha (Yakutia). *Bulletin of Buryat State University. Philology=Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2023;(3):79–88 (In Russ.). DOI [10.18101/2686-7095-2023-3-79-88](https://doi.org/10.18101/2686-7095-2023-3-79-88).
11. Zharova E. V. Heritage speakers as a special category of learners of Russian as a foreign language. *Modern Pedagogical Education=Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2023;(1):127–131. (In Russ.). DOI [10.24412/2587-8328-2023-1-127-131](https://doi.org/10.24412/2587-8328-2023-1-127-131).

Information about the Author

E. M. Arutyunova

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [J-1130-2018](https://orcid.org/0000-0002-1130-2018)

The article was submitted 31.03.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 26.05.2026.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Смирнов А. И.*

Ответственный секретарь – *Зорина А. Е.*

Редакторы:

Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Щербов М. Ю.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1. Белый список. Уровень 1; индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2026. Том 14, № 2. Дата выхода в свет 29.06.2026.

 № 2, 2026
том 14

ISSN 2413-6891

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, e-mail: snsp@isras.ru
тел. 8 499 125-00-79
<http://www.socnp.ru>